

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

ПРОДВИЖЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТЕ С ИНВАЛИДАМИ И ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

ОБЛАСТНОЙ ВИДЕОСЕМИНАР

8 АПРЕЛЯ 2015 ГОДА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

ПРОДВИЖЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТЕ С ИНВАЛИДАМИ И ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

ОБЛАСТНОЙ ВИДЕОСЕМИНАР

8 АПРЕЛЯ 2015 ГОДА

РОСТОВ-НА-ДОНУ

2015 г.

Продвижение краеведческой литературы в работе с инвалидами и пожилыми людьми // Ростов. обл. спец. б-ка для слепых; сост. И.А. Гетажаева. – Ростов-на-Дону, 2015 г. – с.

Сборник содержит материалы областного видеосеминара, посвященного продвижению краеведческой литературы в среду пожилых людей и людей с инвалидностью.

Пособие предназначено библиотекарям, специалистам, работающим с инвалидами и пожилыми людьми.

Литература имеет огромное значение в жизни каждого человека. Ведь человек, в высоком смысле слова, становится человеком благодаря литературе. Все ценности человек черпает из книг.

Книга - источник всяческих знаний. Книги заставляют человека мыслить, воспитывают собственное мнение, развивают воображение.

И поэтому так важно сегодня стимулировать интерес россиян к чтению.

Русская художественная литература имеет очень большое значение в мировой культуре. Наше культурное наследие складывалось в процессе становления и развития национального самосознания и постоянно обогащалось собственным и мировым культурным опытом. Оно дало миру вершины художественных достижений, вошедших неотъемлемой частью в мировую культуру.

Неоценимы заслуги великих русских писателей и поэтов А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А.П. Чехова, С. А. Есенина, И. А. Бунина и многих других.

Влияние лучших произведений художественной литературы на эстетическое воспитание читателей огромно. Воздействуя на эмоции и чувства людей, книги формируют у них суждения о жизни, представления об идеале, нравственном и моральном поведении.

2015 год официально объявлен Годом литературы. Указ о его проведении подписан Президентом РФ Владимиром Путиным 12 июня 2014 года.

Год литературы богат знаменательными и юбилейными датами в области культуры и литературы, которые помогут определиться с темами. В работе с писателями-юбилярами и юбилейными произведениями предоставляется широкое поле для творчества, к тому же многие из этих произведений экранизированы, что позволяет применить метод интегрирования одного вида искусства в другой.

Самая священная дата 2015 года - 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. В 2015 году отмечаются юбилеи писателей: К. Симонова, Е. Носова, В. Кондратьева, О. Берггольц, А. Твардовского, М.В. Исаковского.

В Ростовском музыкальном театре прошло торжественная церемония открытия Года литературы в Ростовской области.

Среди почетных гостей этого праздника были кинорежиссер, депутат Госдумы и председатель ее комитета по культуре Станислав Говорухин и Владимир Толстой, потомок Льва Николаевича Толстого, ныне – советник по культуре президента России.

Владимир Толстой обратил внимание на интересную особенность русского менталитета: нигде в мире нет такого горячего,

как в России, стремления сохранить не только духовное наследие выдающегося писателя, но и среду, в которой он творил. Именно в нашей стране самое большое количество мемориальных литературных музеев и литературных музеев-заповедников.

Литературное богатство Донского края вошло в сокровищницу русской культуры. На этой земле жили и работали Максим Горький, Александр Фадеев, Александр Солженицын, Виталий Закруткин.

И Ростовской области два известнейших на весь мир литературных музея-заповедника, две литературных Мекки – чеховская в Таганроге и шолоховская в Вешках. А еще разрастается калининский литературный комплекс в Усть-Донецком районе.

В Год литературы на Дону отмечаются юбилейные даты прославленных земляков. В январе исполнилось 155 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова.

В мае исполнится 110 лет со дня рождения Нобелевского лауреата Михаила Александровича Шолохова.

В 2016 году отмечается 100-летие писателей, творчество которых пронизано любовью и переживаниями за Донскую землю - Анатолия Калинина и Петра Лебеденко.

Продолжают традиции донских литераторов современные авторы. Во многих странах известны произведения Даниила Корецкого. В 2014 году лауреатом Международной открытой литературной премии «Куликово Поле» стал Денис Гуцко. Ранее его творчество было отмечено престижной литературной премией «Русский Букер».

На видеосеминаре «Продвижение краеведческой литературы в работе с инвалидами и пожилыми людьми», посвященном Году литературы, мы поделимся опытом работы по продвижению литературного богатства Донского края, используя все традиционные формы: выставки, диспуты, обзоры, читательские конференции, литературные вечера, клубы по интересам.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. А. П. ЧЕХОВА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

*Духанова Елена Геннадиевна,
заведующая Центром краеведческой
информации ЦГПБ им. А.П. Чехова
МБУК Централизованная
библиотечная система г. Таганрод*

Информационные ресурсы о жизни и творчестве А. П. Чехова представляют собой колоссальный массив информации. Самая блестящая человеческая память не способна запомнить и свободно ориентироваться в нем.

Сохранить и довести до читателя все это богатство нам помогают традиционные методы справочно-библиографической работы и новые информационные технологии.

Библиотека располагает книжным фондом по А. П. Чехову, который включает: собрания сочинений писателя, редкие, массовые и подарочные издания, научные труды-исследования, учебную и популярную литературу, краеведческие сборники, мемуары, материалы конференций, а также библиографию.

Особо ценной является «Чеховская коллекция» отдела дореволюционных и ценных изданий.

Она включает 145 изданий. Основу составляют книги, брошюры о творчестве писателя, его биографии, о людях и местах, связанных с ним.

Хронологически коллекция охватывает период с 1899 года по настоящее время.

Сейчас ведется работа по выявлению публикаций о Чехове в дореволюционных периодических изданиях. Совместно с центром информационных технологий ведется верификация этих материалов. Таким образом, со временем материалы станут доступны для любого читателя, интересующегося жизнью и творчеством писателя, на сайте нашей библиотеки.

Редкие издания отдела Центр краеведческой информации представлены: прижизненным полным собранием сочинений А. П. Чехова 1903 года, художественно-литературным журналом «Новая иллюстрация» 1905 года, посвященного годовщине смерти А. П. Чехова, цифровая копия которого размещена на сайте «Таганрогская книжная коллекция».

Наиболее полное представление о жизни и творчестве писателя дает картотека «А. П. Чехов». Здесь максимально отражены

материалы, касающиеся жизни, творчества и мирового значения писателя.

Сотрудники библиотеки работают не только с уже существующими документами, но и сами создают их: краеведческие книги, публикации в периодических изданиях, составление рекомендательных библиографических пособий, методических и информационных материалов.

Серьезная работа была проведена при подготовке альбома «А. П. Чехов на таганрогской сцене» Это уникальное издание является первым опытом систематизации истории постановок чеховских произведений на сцене таганрогского театра.

Книга «Таганрогская городская библиотека: взгляд во времени» рассказывает о прошлом, настоящем и будущем Центральной городской публичной библиотеки имени А. П. Чехова, ее развитии, людях, стоявших у истоков библиотеки и создающих ее информационные богатства сегодня. Важной составляющей книги является глава о связях А. П. Чехова с городской библиотекой.

Книга «Таганрогская Александровская гимназия» дает достаточно цельное представление о Таганрогской мужской гимназии, в которой учился будущий великий писатель. Это попытка восполнить заметный пробел в ее истории и рассказать о некоторых ее учителях и учениках.

Подготовлены информационные сборники, включающие полнотекстовые материалы по четырем направлениям:

- Изучение творчества А. П. Чехова
- Чеховские места в России и за рубежом
- А. П. Чехов и его окружение
- Из биографии А. П. Чехова

Большая работа была проделана при подготовке информационного издания «Таганрог в эпистолярном наследии А.П. Чехова». Издание представляет собой выдержки из писем писателя по 12-томному собранию писем.

Сборник «Поэтический венок Чехову» представляет собой собрание стихов дореволюционных, советских и донских поэтов.

Серия информационных материалов «Учитесь Чехова читать» представлена сборником «Таганрог и Приазовье в творчестве А. П. Чехова», дайджестом «Степная энциклопедия» А. П. Чехова» и двумя томами сборника «Творчество А. П. Чехова на страницах журнала «Литература в школе».

Сборник материалов «Таганрог и Приазовье в творчестве А. П. Чехова» позволяет обратиться к вопросу о роли Таганрога и Приазовья в творчестве нашего земляка.

Дайджест «Степная энциклопедия» А. П. Чехова» позволяет осветить вопросы истории создания повести «Степь», ее художественные особенности, познакомить с отзывами современников о повести, дает сведения об экранизациях и работах художников-иллюстраторов.

В сборник «Творчество А. П. Чехова на страницах журнала «Литература в школе» включены материалы, опубликованные в журнале «Литература в школе» за период 1992-2012 гг. Ведущие литературоведы, учёные, критики, по-новому открывают хорошо знакомые произведения, а учителя-практики делятся своими находками.

К 150-летию Антона Павловича ростовское издательство «Старые русские» выпустило комплект открыток «Таганрог – город Чехова», тексты к которым написаны сотрудником Центра краеведческой информации. На открытках представлены чеховские памятные места города.

К малым формам издательской деятельности библиотеки относится буклет «А. П. Чехов». В буклете представлены краткие сведения о жизни и творчестве писателя, чеховские места Таганрога, информация о чеховских ресурсах Центральной библиотеки г. Таганрога.

Одним из важных направлений работы краеведческого отдела нашей библиотеки является сотрудничество с литературно-историческим альманахом «Вехи Таганрога».

Альманах выходит тематическими выпусками, что позволяет сконцентрировать в одном выпуске статьи, воспоминания, архивные документы, фотографии по определенной теме.

В трех юбилейных выпусках альманаха, были размещены рекомендательные списки:-

- «Таганрогская Чеховиана» позволяет совершить прогулку по Таганрогу, увидеть наш город таким, каким он был при Чехове.

- «Эхо горестной вести» рассказывает о последнем годе жизни писателя, увековечении памяти и о 100-лети со дня присвоения городской библиотеке имени Чехова.

- «Чехов и Таганрог» знакомит с таганрогским окружением писателя: Вронди, Дьяконов, Зембулатов, Лобода и многими другими.

- «Монографии и очерки о жизни и творчестве А. П. Чехова» дает представление о развитии чеховедения в Таганроге. Здесь представлены диссертации таганрогских ученых, публикации таганрогских исследователей творчества писателя.

Отделом Центр краеведческой информации собран иллюстративный материал в фактографическом досье «А. П. Чехов в портретах, иллюстрациях и документах». Здесь представлены фотографии, открытки, портреты, виды чеховских музеев и памятных мест, фотографии памятников в Таганроге и других городах, фотографии постановок чеховских спектаклей, иллюстрации к произведениям.

Одним из основных направлений нашей работы является создание электронного краеведческого каталога.

С 2009 года мы принимаем участие в корпоративном проекте по созданию Сводного электронного краеведческого каталога

Ростовской области в автоматизированной информационной системе «Орас Global».

Доступ к каталогу открыт на сайте нашей библиотеки.

Каталог содержит библиографические описания произведений писателя и литературы о нем. Здесь отражены, по возможности, все материалы, касающиеся жизни, творчества и мирового значения писателя. На сегодняшний день каталог содержит около 2000 библиографических записей об А. П. Чехове.

В конце 2010 года мы заключили договор с «Таганрогской правдой» и историко-литературным альманахом «Вехи Таганрога» на использование опубликованных статей в качестве полнотекстовых ссылок к библиографическим записям. Это позволило организовать доступ читателям и удаленным пользователям к полнотекстовым документам.

В виртуальной справочной службе «Вопрос библиотекарю» по чеховской тематике Центр краеведческой информации выполняет запросы удаленных пользователей.

Отдельные главы, статьи и фрагменты из книг, журналов и газет о жизни и творчестве А. П. Чехова пользователи могут получить, воспользовавшись услугой «Электронная доставка документов».

Интереснейшее поле деятельности предоставляет страница, посвященная А. П. Чехову, на сайте нашей библиотеки.

На сайте представлены:

- материалы к биографии писателя, указатель псевдонимов Чехова, высказывания о Таганроге, переводах, культуре, искусстве; высказывания о писателе;
 - фотоаллея Чехова: семья, окружение и друзья, памятные места;
 - библиографические пособия и методические материалы, посвященные жизни и деятельности писателя.
- виртуальные выставки. В начале каждого года мы готовим информацию о книгах, поступивших в фонд нашей библиотеки.

В январе 2010 года отдел «Центр информационных технологий» приступил к созданию собственного цифрового контента «Таганрогская книжная коллекция».

Это современный интеллектуальный краеведческий ресурс на основе своих краеведческих, редких и ценных фондов, а так же документов предоставленных авторами и коллекционерами. На сайте размещено несколько коллекций:

Коллекция «Чеховиана» включает в себя цифровые копии книг и статей по истории изучения творчества писателя со второй половины 1880-х годов.

В коллекции «Вехи Таганрога» включены цифровые копии выпусков историко-литературного альманаха «Вехи Таганрога».

С 2006 г. отдел ЦКИ работает над созданием электронных коллекций.

Материалы о писателе, опубликованные в центральной, областной, местной периодике, монографиях, сборниках переводятся в электронный вид и составляют Электронную коллекцию полнотекстовых документов «А. П. Чехов», которая содержит обширный объем статей о жизни и творчестве писателя, статьи о связях с театром, кино, живописью, скульптурой.

Электронная коллекция фотоматериалов «А. П. Чехов» содержит: портреты, письма и рукописи писателя, чеховские музеи и памятные места, памятники в Таганроге и других городах, кадры из кинофильмов, фотографии театральных постановок чеховских спектаклей, иллюстрации к произведениям.

Библиотека формирует мультимедийную коллекцию «А. П. Чехов», которая сегодня представлена собранием экранизаций, фильмов по архивным материалам, видео-экскурсий по чеховским местам.

Одной из форм работы нашей библиотеки является проведение научно-практических конференций, целью которых является создание единого ин-формационного пространства между учреждениями и организациями, занимающимися творчеством А. П. Чехова.

- Первая конференция прошла в 2000 году «А. П. Чехов в библиотечно-информационном пространстве России»;
- Конференция 2008 года была посвящена опубликованию повести А. П. Чехова «Степь»;
- И наконец, конференция 2010 года собрала в Таганроге представителей библиотек носящих имя А. П. Чехова.

Чтобы вызвать у молодежи интерес к родному городу, мы ищем разные формы общения, подачи того или иного материала. Мы попытались показать образ нашего города через призму музейной экспозиции. В отделе был запущен проект «Путь вперед через возвращение к истокам». В проекте А. П. Чехов представлен коллекцией значков и статуэток. И хотя объем наших коллекций пока совсем небольшой, уже сегодня он вызывает большой интерес у наших читателей и гостей города.

Таганрог – город, где хранят память о Чехове. Немаловажную роль в этом играет наша библиотека, и мы надеемся, что нам, сотрудникам удастся реализовать свои самые смелые идеи и планы.

РАБОТА МБУК «ВЁШЕНСКАЯ МЦБ» ПО СОХРАНЕНИЮ И ПРОДВИЖЕНИЮ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.А.ШОЛОХОВА

***Мельникова Светлана Алексеевна,
главный библиограф МБУК «Вёшенская
МЦБ»***

«Наш край родной смог Шолохов
прославить,
нам эту славу предстоит сберечь!»

Мы живём в казачьей станице Вёшенской, и приобщение к культуре, духовным традициям края, изучение жизни и творчества нашего писателя-земляка – важная задача, определяющая одно из направлений деятельности Вёшенской центральной библиотеки.

«Краеведение становится все более заметным явлением современной культуры, возвращается в нашу общественную жизнь. Интерес к краеведению, своим предкам, родным местам сближает людей разных поколений и разных профессий. Особенно важно приобщение к краеведческой деятельности молодежи», - говорил председатель Союза краеведов России, академик Российской академии образования Сигурд Оттович Шмидт.

ПРОГРАММЫ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ

Вёшенская центральная библиотека активно принимает участие в реализации областных, муниципальных и целевых программах по культуре (составная часть - пропаганда творчества М.А. Шолохова). В МЦБ в течение многих лет работают перспективные пятилетние программы к юбилеям писателя, постоянно обновляющиеся и изменяющиеся. При составлении годовых планов работы особое внимание уделяется творчеству М.А. Шолохова. Методическим отделом для всех библиотек района разработана программа по краеведению «Здесь Родины моей начало» на 2014-2016 гг., где в подразделе «Дон литературный» выделены мероприятия по Шолохову. Вёшенская МЦБ участвует в совместной краеведческой программе с Шолоховской гимназией.

ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА

Комплектованию краеведческого фонда Вёшенской МЦБ уделяется особое внимание: вместе с отделом комплектования отбором литературы занимается библиограф-краевед как по прайсам, так и непосредственно в издательствах и книжных магазинах. Формирование информационных ресурсов – одна из важнейших задач центральной библиотеки. Наряду с традиционным СПА МЦБ участвует в корпоративном проекте OPAC-Global и продвигает свои ресурсы на сайте [<http://library-veshki.ucoz.ru/>].

Чтобы полноценно раскрыть перед читателями краеведческий фонд, библиотекари и отдела обслуживания, и детского отдела оформляют тематические выставки и выставки новинок, внутривидовые выставки, делают премьеры книг. В МЦБ постоянно действующие выставки-просмотры позволяют в течение определённого периода времени познакомить с новинками большое количество читателей. Так, творчеству нашего писателя-земляка посвящены выставки детского отдела «Великий сын Тихого Дона» и отдела обслуживания «М.А. Шолохов: знакомый и незнакомый, близкий и далёкий». Около них проводятся разнообразные по форме мероприятия: библиотечные уроки, дни информации, литературные часы, обзоры и встречи с читателями.

Кроме того, многие библиотечные выставки не являются самостоятельными, а оформляются непосредственно к какому-либо событию: юбилею писателя или книги, краеведческим встречам и т.д. Примером могут служить выставки к встречам в ЦБ с шолоховедами Владленом Котовсковым (апрель 2012 г.) и Георгием Губановым (ноябрь 2013 г.), «Юбиляры года» - ко дню информации (январь 2013г.) и 110-летию М.А. Шолохова (апрель 2015 г.) в ДО.

Важную роль в работе Вёшенских библиотекарей имеет сотрудничество с Государственным музеем-заповедником М.А. Шолохова, находящимся в непосредственной близости от библиотеки. Фонды музея и информационные ресурсы о М.А. Шолохове – неиссякаемый источник информации. Библиотекари – желанные гости всех мероприятий, которые проводит выставочный отдел Народного дома ГМЗШ. В свою очередь, Вёшенская МЦБ всегда старается пригласить на свои мероприятия сотрудников музея, которые могут предоставить эксклюзивный материал для наших читателей. Благодаря этому сотрудничеству проводимые мероприятия становятся ярче, разнообразнее, насыщеннее. Через библиотеку музея-заповедника фонды Вёшенской МЦБ пополняются его изданиями.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «М.А. ШОЛОХОВ И ПРАВОСЛАВИЕ»

В конце февраля 2013 года центральная библиотека пополнилась серией книг «Русские писатели и православие», которую подготовил и выпустил в свет Международный общественный фонд единства православных народов. Серия издаётся с 2003 года. Каждый том посвящён творчеству одного писателя: Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой, Н.М. Рубцова, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, В.М. Шукшина.

Ежегодно серия пополняется новыми выдающимися именами. В 2013 году вышел очередной 11-й том, посвящённый М.А. Шолохову. Издательский дом Фонда «К единству!» с большой радостью приехал в Вёшенскую с презентацией этой книги именно на родине писателя, встретившись с его земляками в Народном доме ГМЗШ. Книги Фонда издаются небольшим тиражом и раздаются бесплатно на благотворительных презентациях. Благодаря этому Вёшенская МЦБ одной из первых получила всю серию книг, которая экспонировалась для читателей и вызвала у них большой интерес. Далее презентации прошли в Ростове и других городах России и зарубежья.

Во всех библиотеках Шолоховского района ко Дню памяти знаменитого писателя-земляка проходят встречи-воспоминания с читателями. К этому дню в 2012 году библиотекарями Вёшенской МЦБ были оформлены книжные выставки-плакаты «И вечен Шолохова свет», которые пользовались популярностью у посетителей библиотек. Они экспонировались также в Вёшенском ДК и администрации района. Выставка-плакат – одна из разновидностей выставочной деятельности библиотеки.

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА

Есть в году две даты, символические для нашего края, которые никогда не остаются без внимания – это День памяти и день рождения М.А. Шолохова. К этим датам проводятся различные мероприятия: уроки памяти, конкурсы стихов, круглые столы и конференции, встречи и литературно-музыкальные вечера. Остановимся подробнее на наиболее интересных и запоминающихся. Особое внимание уделяется литературно-краеведческой работе с подростками.

КОНКУРСЫ

Избирательная комиссия Ростовской области – организатор молодёжных мероприятий и всевозможных конкурсов. Вёшенская МЦБ – активный участник многих из них. С 2003 года на базе библиотеки существует клуб «Молодой избиратель». Руководитель – главный библиограф МБУК «Вёшенская МЦБ» Мельникова С.А.,

участники клуба – студенты ВПК. Клуб дважды становился победителем молодёжного правового форума в Ростове в номинации «Повышение гражданской активности молодёжи» 2008 и 2014 годов.

Интересен проект, разработанный сотрудниками библиотеки в 2009 году в рамках правового конкурса ИК РО «М.А. Шолохов – писатель и гражданин». Проект рассказывает о большом вкладе писателя в развитие станицы Вешенской, Шолоховского района, Ростовской области. Идея – донести значимость личности М.А. Шолохова не только как писателя, но и общественного деятеля, депутата Верховного Совета СССР. Защита проходила в ноябре в Ростове перед компетентным жюри. Награждены дипломом.

КОНКУРСЫ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ

Пропагандируя творчество М.А. Шолохова, библиотекари Вешенской центральной библиотеки совместно со школами ежегодно ко дню рождения писателя проводят конкурсы. 18 мая 2012 г. в Вёшенской центральной библиотеке прошёл краеведческий конкурс «Вёшенская. Шолоховский край». Свои проекты представили учащиеся 9-10 классов МБОУ «Шолоховская гимназия». Две работы были посвящены писателю и его творчеству. Так, в номинациях «Личность М.А. Шолохова в воспоминаниях очевидцев» и «Женские образы в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» Александр Косоножкин и Анастасия Бандюкова заняли соответственно 1 и 2 места.

Работа по краеведению с гимназией продолжается, старшеклассники с удовольствием участвуют в конкурсах, представляют свои исследовательские работы, проекты и презентации. 18 марта 2015 года в Шолоховской гимназии был проведен конкурс исследовательских работ среди 7-х классов. Первое место заняла Бирюлина Яна, которая представила проект «Встреча М.А. Шолохова и Ю.А. Гагарина на Вёшенской земле: как это было». Материалы для работы были предоставлены отделом обслуживания МЦБ. Это реализация совместной программы по краеведению под руководством педагога Галины Павловны Чучуевой, которая в 2015 году номинируется на звание «Лучший учитель года».

Накануне дня рождения нашего знаменитого писателя-земляка в 2013 году в гимназии состоялся конкурс чтецов среди 5-10-х классов «Мой Шолохов». Дети не только выучили стихи о Михаиле Александровиче, в том числе местных поэтов-земляков А. Крамскова, Г. Громовой и других, но и подготовили инсценировки по произведениям писателя. Ребята из 5 В класса (учитель русского языка и литературы М.В. Ратьева) показали сценку по рассказу М.А. Шолохова «Нахалёнок», дети из 5 А класса (классный руководитель Г.П. Чучуева) инсценировали «Пуговку». Школьники с удовольствием их посмотрели, пока жюри в составе заведующей отделом обслуживания Е.А. Лаптевой и главного библиографа Вёшенской

МЦБ С.А. Мельниковой подводили итоги конкурса. Среди пятиклассников 1 место заняла Нечаева Юля, среди десятиклассников – Чехменок Лера. Все участники награждены грамотами и благодарственными письмами.

1 марта 2011 года в читальном зале МЦБ проходил литературный конкурс, посвященный памяти М.А. Шолохова «Муза смолкла в февральскую ночь». В этом конкурсе приняли участие ученики 10 класса Шолоховской гимназии (организатор Чучуева Г.П.). В начале ведущие напомнили ребятам основные вехи жизни писателя. Затем дети прочитали стихи о писателе, нашей вёшенской земле. В основном, звучали стихи донских поэтов, в том числе нашего местного автора А.П. Крамскова. Компетентное жюри оценило выступление. Все победители и участники получили грамоты.

Библиотекари района ежегодно принимают активное участие во Всероссийском конкурсе юных чтецов «Живая классика». 15 марта 2013 г. в Центре внешкольной работы станицы Вешенской состоялся районный этап. В качестве члена жюри была приглашена заведующая отделом обслуживания Вешенской МЦБ Елена Анатольевна Лаптева. В конкурсе приняли участие учащиеся школ Шолоховского района. Лауреатами стали шестиклассники Дубровской средней школы Мещерякова Кристина и Семидолин Антон (отрывки из произведений М.А. Шолохова «Судьба человека», «Нахаленок») и учащаяся Андроповской средней школы Захарова Мария (произведение М. Пришвина «Живой ручей»). 3 лауреата защищали честь района на областном этапе конкурса в городе Ростове-на-Дону.

ДНИ ПАМЯТИ

Традиционно 21 февраля во многих библиотеках Шолоховского района проходят мероприятия ко Дню памяти великого земляка, лауреата Государственной, Ленинской, Нобелевской премий, дважды героя Социалистического труда. Ежегодно в 10.30 библиотекари Вёшенской МЦБ вместе с сотрудниками районной администрации возлагают цветы к бюсту и могиле М.А. Шолохова.

В 2010 году в Вешенской центральной библиотеке прошел краеведческий урок «М.А. Шолохов на войне и о войне», на который были приглашены учащиеся Шолоховской гимназии и Вёшенской средней школы. Детям были показаны отрывки из фильмов: «Они сражались за Родину», «Судьба человека», прозвучали стихи и отрывки из произведений М.А. Шолохова, был проведен библиографический обзор книг и статей (из газет, журналов) о жизни и творчестве М.А. Шолохова в период Великой Отечественной войны.

В 2012 году сотрудники Вешенской МЦБ подготовили для своих читателей, членов клуба «Под сенью муз», тематический вечер «Герои Шолохова на сцене и на экране». Ведущая С.А. Мельникова вела рассказ о жизни и творчестве М.А. Шолохова,

сопровождаясь фото-презентацией и нарезками из фильмов писателя: «Нахалёнок», «Жеребёнок», «Судьба человека», «Они сражались за Родину». Артисты самодеятельного театра, библиотекари и наши читатели, показывали театрализованные отрывки из «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Донских рассказов». Авторский текст читал сотрудник ГМЗШ С.И. Грибанов. Завершился рассказ ведущей «Шолоховским завещанием». Много воспоминаний о встречах с писателем и тёплых слов благодарности услышали библиотекари от присутствующих на вечере.

В 2013 году в детском отделе МЦБ прошло мероприятие ко Дню памяти «Помнит мир очарованный». В нем принимали участие учащиеся 6 В класса Шолоховской гимназии и воспитанники детского дома из хутора Калининского. Шестиклассники подготовили инсценировку из романа «Поднятая целина», читали стихи, показывали презентации о жизни и творчестве М.А. Шолохова. А воспитанники детского дома присутствовали как гости на этом мероприятии. Затем все вместе дети отправились на усадьбу писателя, где возложили цветы на его могилу.

20 февраля 2013 года библиотекарь отдела обслуживания И.А. Наполова провела урок для 10 класса Шолоховской гимназии «В краю лазоревых степей». Для школьников она приготовила рассказ о творчестве писателя. Молодой Михаил Шолохов начинает свою работу над «Донскими рассказами» уже с 1923 года, когда печатает свои первые фельетоны «Испытание» и «Три». И продолжает её в течение нескольких лет. Урок завершился показом фильма «Когда казаки плачут» по рассказу писателя «О Колчаке, крапиве и прочем». С обзором книг по творчеству писателя выступила главный библиограф С.А. Мельникова.

20 февраля сотрудники музея-заповедника пригласили библиотекарей и всех жителей станицы в Народный дом на презентацию документального фильма Л. Сурковой о М.А. Шолохове. После него состоялось обсуждение увиденного.

21 февраля 2013 года главный библиограф приняла участие в конференции историко-патриотического клуба «Донцы» Центра внешкольной работы «Букет памяти». Старшеклассники подготовили доклады-презентации: «Биография М.А. Шолохова», «Женские образы в романе «Тихий Дон», «Одежда казаков и казачек». Дети читали стихи о писателе. Лекцию об экранизациях романа «Тихий Дон» представила школьникам В.В. Леонова, старший научный сотрудник музея-заповедника М.А. Шолохова. От казачества со словами благодарности писателю выступил С.В. Каргин. В завершение С.А. Мельникова рассказала о новинках литературы по теме. Дети вместе с организатором И.И. Лежневой возложили цветы на могилу писателя.

В феврале 2014 года на уроках памяти «Негасимый Шолоховский свет» и «Смолкла муза в феврале» вместе с библиотекарями детского отдела Н.В. Хайловой и Т.В. Уханёвой

учащиеся Шолоховской гимназии и Вёшенской средней школы совершили заочную экскурсию по местам, связанным с жизнью и творчеством Михаила Александровича Шолохова. Многие поспешили в библиотеку, чтобы самим прочесть как шолоховского «Нахалёнка», так и книги о самом писателе.

21 февраля 2014 года библиотекарями Вешенской МЦБ Е.А. Лаптевой, И.А. Наполовой и С.А. Мельниковой был подготовлен и проведён День памяти М.А. Шолохова «Сын об отце». Учащиеся старших классов Шолоховской гимназии смотрели на жизнь и творчество великого писателя глазами его сына М.М. Шолохова. Михаил Михайлович написал книгу «Об отце», которая вышла в 2011 году. Книга представляет большую ценность тем, что в ней опубликованы неизвестные письма писателя к жене Марии Петровне Шолоховой 20-х годов, а также неоконченный рассказ «Матвей Калмыков». Собраны незнакомые фотографии писателя, сыном пересказаны нигде ранее не публиковавшиеся мысли М.А. Шолохова о творчестве, об обществе, о жизни и людях.

16-18 февраля 2015 года библиотекарями Е.А. Лаптевой, И.А. Наполовой, Е.В. Ковальсковой, А.М. Тараненко в Вешенской МЦБ был подготовлен и проведён День памяти М.А. Шолохова «Отец мне видится теперь еще крупнее». Первокурсники педагогического колледжа им. М.А. Шолохова также познакомились с книгой его сына М.М. Шолохова «Об отце». Библиотекари подробно рассказали о жизни и творчестве великого писателя, цитируя авторский текст. В завершение был зачитан неопубликованный рассказ М.А. Шолохова «Матвей Калмыков». Учащиеся педагогического колледжа с интересом слушали о похождениях главного героя, пропитанного шолоховским юмором. На встрече присутствовал местный писатель-краевед Г.Ф. Рычнев. Для студентов была подготовлена подборка его книг, имеющихся в Вёшенской центральной библиотеке. Он подробно рассказал о работе над своей книгой «Рассказы о Шолохове». Библиотеке писатель подарил новое издание 2014 года «Чтим и помним. Рассказы о М.А. Шолохове, его литературных героях и земляках».

ЧАС ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА

25 февраля 2015 года для учащихся 4 Б класса Вёшенской средней школы (классный руководитель Беликова И.Т.) был проведён час литературного портрета «Детские годы М. Шолохова». Библиотекарь Н.В. Хайлова рассказала о годах учёбы Миши Шолохова, затем дети посмотрели отрывки из документального фильма Л. Сурковой «Эпиграф». Прозвучал рассказ о творчестве писателя, и более подробно библиотекарь остановилась на рассказе «Нахалёнок». Ребята вспомнили его содержание, посмотрев отрывки из одноимённого художественного фильма, и ответили на вопросы

викторины. В заключение дети прочитали стихи, посвящённые памяти писателя.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ М.А.ШОЛОХОВА

26 мая 2010 года в Вёшенской центральной библиотеке состоялся литературно- музыкальный вечер «Певец земли донской», посвящённый 105-й годовщине со дня рождения М.А. Шолохова. Для учащихся Вёшенской средней школы звучали стихи местных поэтов А. Крамскова, Л. Кузнецовой, В. Муховикова о писателе и его героях. Разыгрывались сценки из романа «Тихий Дон» и рассказа «О Колчаке, крапиве и прочем». Зачитывались отрывки из романов «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину», рассказа «Судьба человека». На час десятиклассники окунулись в мир шолоховских героев. Затаив дыхание, смотрели они литературные постановки, радуясь и сопереживая любимым героям.

Театрализованная программа «С днём рождения, «Нахалёнок»!», организованная ДО МЦБ в 2010 году, была приурочена к 85-летию выхода в свет одноимённого рассказа М.А. Шолохова. Дети показывали своё театральное мастерство, инсценируя отрывки из этого рассказа и интеллектуальные способности, участвуя в различных конкурсах и викторинах. Ребята узнали много нового и интересного о жизни и быте казаков в старину: как казачки стирали и гладили, готовили, как детей воспитывали. Мероприятие проходило в форме казачьих посиделок.

24 мая 2011 года в Вешенской центральной библиотеке состоялся краеведческий урок «Шолохов на войне и о войне», посвящённый дню рождения М.А. Шолохова. Старшеклассникам были показаны фрагменты из художественных («Они сражались за Родину», «Судьба человека») и документальных фильмов («Эпиграф», «Шолоховская весна»). Военная биография писателя перемежалась стихами и отрывками из произведений. Глубокий след в душе молодежи оставил отрывок из рассказа «Наука ненависти». Отрадно, что равнодушным никто не остался, сочувствуя героям Михаила Александровича. Дети задавали вопросы по съемкам фильма «Они сражались за Родину». Большинство ребят читали книги и смотрели фильмы.

24 мая 2012 года в читальный зал пришли девятиклассники Шолоховской гимназии на литературный час «Герои Шолохова на сцене и на экране». Слушая рассказ ведущей о творчестве М.А. Шолохова, об экранизации его произведений, ребята могли на экране увидеть знакомые фрагменты фильмов, вспомнить прочитанные ранее рассказы и заинтересоваться изучаемыми романами. На сцене библиотекари «оживили» шолоховских героев, заставив переживать Аксинье, Дарье и Ильиничне из «Тихого Дона», смеяться над шуточками деда Щукаря. С замиранием сердца слушали зрители шолоховские строки. Хочется, чтобы дети не потеряли интерес к

чтению, а М.А. Шолохов был, по-прежнему, любимым писателем вёшенцев.

В канун дня рождения М.А. Шолохова 21 мая 2013 года в стенах детской библиотеки с учащимися 2 Б класса Вёшенской средней школы (классный руководитель И.Т. Беликова) прошло мероприятие «Великий сын Тихого Дона». Ребята нарисовали рисунки к рассказам писателя. Библиотекарь детского отдела Н.В. Хайлова рассказала ребятам о детстве и годах учебы Миши Шолохова, дети просмотрели отрывок из документального фильма «Эпиграф» (режиссёр Л. Суркова), возложили цветы к бюсту и на могилу писателя.

В преддверии дня рождения М.А. Шолохова 19 мая 2014 года для учащихся Шолоховской гимназии был проведен день информации «Дети в произведениях М.А. Шолохова». Всю боль утраты передает Шолохов через душу ребенка, через его страдания. На примере рассказов «Судьба человека», «Нахаленок», романа «Тихий Дон» Е.А. Лаптева озвучила основную мысль писателя. Можно тысячу раз читать произведения М.А. Шолохова, смотреть фильмы по его рассказам и романам и каждый раз невозможно сдержать слезы, переживая вместе с героями.

В апреле 2014 года библиотекари Лаптева Е.А. и Тараненко А.М. решили объединить День космонавтики и день рождения М.А. Шолохова и провели день информации «Гагарин и Шолохов. Земная встреча». Девятиклассники с большим интересом слушали рассказ о встрече Михаила Александровича с Юрием Алексеевичем в ст. Вёшенской, о том, как первый космонавт вёз на ГАЗике первого в мире писателя. Ребятам было интересно узнать про то, как Гагарин наравне со всеми переплывал Дон, играл в волейбол и даже, порезав ракушкой ногу, не признался в этом, пока его хромоту не заметил П.И. Маяцкий, первый секретарь Вёшенского райкома. Вечером на площади состоялся митинг с участием М.А. Шолохова и Ю.А. Гагарина. Когда самолет с Юрием Гагариным поднялся с Базковского аэродрома в воздух, он прошел над Вешками и домом Шолохова, где на крыльце стояли Михаил Александрович и Мария Петровна, их семья, сделал круг, другой, покачивая крыльями - прощаясь. Как будто чувствовал Юрий Гагарин, что это его первая и последняя встреча с великим писателем.

КЛУБ «ВЁШЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ»

По традиции на литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна» Вёшенская центральная библиотека принимает гостей.

26 мая 2012 года клуб «Вёшенские встречи» распахнул дверь писателям и поэтам из Москвы, Ростова-на-Дону и Ростовской области: Ларисе Васильевой, Виктору Петрову, Валерии Салтановой, молодому поэту А. Виниченко, А. Ларионову, Г. Рычневу, В. Муховикову. Первой перед собравшимися читателями выступала

Лариса Николаевна Васильева, советская и российская поэтесса, прозаик и драматург. Ещё накануне, на открытии праздника в ДК, она рассказала о дружбе с М.А. Шолоховым, первой поездке в ст. Вёшенскую в далёком 1967 году. Её отец, инженер Н.Г. Кучеренко, был одним из создателей легендарного танка Т-34. Делом всей жизни она считает основание музея «История танка Т-34», созданием которого занимается вместе с сыном Егором в деревне Шолохово Московской области. Огромный успех сопутствовал ее книгам "Кремлевские жены" и "Дети Кремля", что подтвердили своими отзывами Вёшенские читатели. В 1999 году вышли новые книги писательницы - историко-публицистическое исследование "Жены русской короны" и книга "Жена и муза", в которой речь идет о тайной и загадочной любви Александра Сергеевича Пушкина. На память о встрече Л. Васильева подарила библиотеке новые издания своих книг.

Заседание продолжилось презентацией ростовчан «Лебяжий Яр». На суд зрителей был представлен сборник стихов «Одолень-трава». Свои стихи читал главный редактор журнала «Дон» Виктор Петров. Валерию Салтанову читатели увидели в непривычном образе – исполнительницы романсов. Г.Ф. Рычнев познакомил вёшенцев с новыми именами – поэтами Александром Виниченко и Анатолием Ларионовым, которые также прочитали свои стихи. От лица местных поэтов выступил В.П. Муховиков. На суд зрителей были предложены его новые стихи. Валерий Павлович подытожил заседание клуба, дав наставление молодому поколению в лице А. Виниченко, и высказал пожелание в ближайшем будущем продолжить общение.

И оно, действительно, продолжилось в 2013 году. 25 мая в канун «Шолоховской весны» в читальном зале Вёшенской центральной библиотеки собрались писатели и поэты Ростовской области. Представители Ростова-на-Дону В.С. Петров и В.А. Салтанова продолжили знакомить со своим творчеством. Далее перед вёшенцами и их гостями выступила Рита Степановна Борисенко, представительница МЦБ им. М.А. Шолохова из города Аксай. Тема её эссе – «Шолохов и Есенин – творческое созвучие». Внимательные слушатели вновь прикоснулись к творчеству двух любимых писателей – донского и рязанского. В рассказе Риты Степановны было найдено много общего в литературном труде двух российских корифеев. Выступление высоко оценили благодарные зрители.

ШОЛОХОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Но изюминкой «Шолоховской весны-2013» стала презентация вышедшей в издательском доме «Синергия» (Москва) «Шолоховской энциклопедии», посвящённой жизни и творчеству нашего земляка. Инициатором подготовки издания стал генеральный директор

издательского Дома «Синергия», заместитель председателя Фонда «Шолоховская энциклопедия» Эрнст Александрович Бессмертных. Вместе с главным редактором Юрием Александровичем Дворяшиным, главным художником Юрием Вениаминовичем Басовым и несколькими коллегами они приехали в Вёшенскую и привезли с собой новенькие однотомники энциклопедии. Москвичи подробно рассказали о работе над изданием, его структуре и содержании, всех людях, принимавших участие в этой кропотливой работе, в том числе сотрудниках ГМЗШ. Позже все получили тома энциклопедии на память.

ВСТРЕЧА С ШОЛОХОВЕДАМИ

Неотъемлемой частью работы клуба «Вёшенские встречи» в районной библиотеке являются встречи с журналистами, литературными критиками, шолохововедами. Среди них Вл.Я. Котовсков, который приезжал к своим читателям в 2009 и 2012 годах. Сотрудники библиотеки подготовили выставку книг писателя, рассказали о его творчестве. Владлен Яковлевич поделился впечатлениями и воспоминаниями о встречах с М. Шолоховым, с В. Закруткиным, А. Калинин. Годы жизни, которые он провёл в ст. Вёшенской и встречался с Шолоховым, самые яркие и остались на всю жизнь. Живя 9-летним мальчиком по соседству с писателем, вместе проводя время, он имел возможность общаться с ним и видеть жизнь его семьи. Много интересных воспоминаний было о подходе немцев в 1942 г. к Вёшенской, о фашистской бомбёжке и смерти матери писателя... Много воспоминаний о журналистской профессии и книгах о писателе. Его первая статья о Михаиле Александровиче Шолохове была опубликована в день 45-летия писателя, еще в 1950 году, в миллеровской городской газете. Им были написаны статьи о творчестве Антона Гарнакерьяна, Георгия Шолохова-Синявского, о Борисе Куликове, Виталии Закруткине, Анатолии Калинин, Павле Максимове и многих других писателях. Однако свою главную задачу В.Я. Котовсков связал все же с именем Шолохова.

Присутствующие на встрече старшеклассники Вёшенской средней школы, студенты педагогического колледжа, сотрудники библиотеки с большим вниманием слушали рассказчика. Их интересовало мнение Владлена Яковлевича об авторстве «Тихого Дона», о новой телевизионной версии романа, о подборе и игре актеров. Читатели расспрашивали его о жизни в станице Вёшенской и встречах с интересными людьми. Свою последнюю встречу он приурочил к своему 80-летию в 2013 году.

ВСТРЕЧА С Г.В.ГУБАНОВЫМ

23 ноября 2013 года в читальном зале Вёшенской центральной библиотеки состоялась встреча одиннадцатиклассников Шолоховской гимназии с Георгием Васильевичем Губановым, писателем и публицистом, членом Союза писателей России и Петровской академии наук и искусств, Заслуженным работником культуры РФ. В Вёшенскую он приехал из станицы Старочеркасской вместе со своим сыном Владимиром, художником.

На выставке «Дело всей жизни» были представлены книги, имеющиеся в Вёшенской ЦБ: «Шолохов. Мгновения жизни», «Золотые россыпи», «Гагарин на Дону», «Високосный год», «Баллада о коне донском». Библиотекари подготовили и вручили писателю небольшой памятный буклет. Дети подготовили презентацию о жизни и творчестве Георгия Васильевича.

Свой рассказ гость начал с интересных моментов биографии. Уроженец хутора Севостьяновского, он в юности познакомился с Михаилом Александровичем Шолоховым и получил от него напутствие. Шолоховская тема стала темой всей его жизни, определившей и его творческий путь. Встреча была построена в форме диалога: ребята задавали вопросы, а Георгий Васильевич отвечал на них. Очень много интересного узнали школьники о жизни М.А. Шолохова, неизвестных фактах, рассказанных человеком, непосредственно общавшимся с великим земляком. О своих «мгновениях» он долго рассказывал ребятам. Труд «Шолохов. Мгновения жизни», вышедший в 2000 году, он посвятил писателю. Много он рассказывал и о фильме «Чёрное солнце Михаила Шолохова». Говоря о работе над каждой из своих книг, будь то рассказ «Старая шинель» или новый двухтомник пословиц и поговорок «Золотые россыпи», он заинтересовывал и увлекал слушателей. Первому космонавту Земли и его пребыванию на Дону было уделено особое внимание. В книге «Гагарин на Дону» много фотографий, автор рассказывал об этих памятных моментах и запечатлённых там людях. Общение получилось лёгким, увлекательным и запоминающимся. Георгий Васильевич подарил книги библиотеке, преподавателям Шолоховской гимназии и всем детям со своим автографом.

«МИР ШОЛОХОВА»

«Вёшенские встречи» часто перемещаются из центральной библиотеки в ГМЗШ. Первый номер нового литературоведческого журнала «Мир Шолохова» был подарен МЦБ 24 мая 2014 года на его презентации, которая состоялась в Народном доме Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова в рамках празднования «Шолоховской весны». Презентацию открыл председатель редакционного совета журнала, директор ГМЗШ А.М. Шолохов. За

круглым столом собрались главный редактор Ю.А. Дворяшин, известный вёшенцам по изданию «Шолоховской энциклопедии», шеф-редактор А.А. Дырдин, Л.А. Акользина и другие сотрудники музея, местные писатели, педагоги, библиотекари, читатели, интересующиеся творчеством М.А. Шолохова. Ю.А. Дворяшин рассказал о содержании первого номера и перспективах журнала. На встрече было задано много вопросов.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ им. М.А.
ШОЛОХОВА**

"Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы" – тема конференции, которая проводилась с 10 по 12 сентября 2014 года в станице Вёшенской в конференц-зале Экскурсионно-выставочного центра Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова. Ежегодно библиотекари приглашаются на эти заседания. В её работе принимали участие сотрудники ИМЛИ РАН, Московских и российских вузов, Азербайджана, Ирака и Индонезии. В президиум были избраны директор ГМЗШ им. М.А. Шолохова, сотрудники Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН Ю.А. Дворяшин и Н.В. Корниенко. В течение трёх дней выступавшие представили свои научные работы по различным направлениям. Очень интересной была встреча с внучкой Всеволода Иванова Еленой Папковой и её выступление, посвящённое «диалогу» двух писателей. Не оставили равнодушными художественно-эстетические изыскания Т.Г. Сухоруковой о художнике Мытникове «Дом М.А. Шолохова в графике конца 40-х годов 20 века» (Академия архитектуры и искусств ЮФУ). Любопытны были исследования И.М. Ярославской об опыте изучения творчества писателя иностранными студентами негуманитарных специальностей Ростовского медуниверситета.

Сотрудники Государственного музея-заповедника М.А.Шолохова в год своего 30-летия развёрнуто представили фото и видео презентации с подробным рассказом о работе каждого отдела. Практическим подтверждением своих слов были ежедневные выездные экскурсии по объектам ГМЗШ: в ст. Еланскую на место очередных съёмок телефильма «Тихий Дон», х. Кружилинский, ст. Каргинскую и по ст. Вёшенской.

Завершилась конференция круглым столом на тему «Состояние и перспективы изучения творчества М.А. Шолохова», где директор музея рассказал о некоторых планах празднования 110-летия писателя в 2015 году. Все присутствовавшие высказались по обозначенной теме, а результатом должна стать единая концепция в проведении очередных «Шолоховских чтений».

КИНОКЛУБ «НАСЛЕДИЕ»

Клуб был образован в феврале 2013 года на базе Вёшенской центральной библиотеки и МБУ «ЦСО Шолоховского района». 21 марта в читальный зал вместе с социальным работником Л.А. Мовчан пришли пожилые люди и инвалиды. Для них И.А. Наполовой был подготовлен обзорный кинолекторий по творчеству писателя-земляка М.А. Шолохова. А 20-минутный фильм «Когда казаки плачут» по мотивам рассказа писателя «О Колчаке, крапиве и прочем» с удовольствием посмотрели полностью. Посетители ЦСО – преимущественно женщины, и им особенно близок воспитательный дух «бабьего бунта» в киноленте.

С.А. Мельникова в конце заседания познакомила присутствующих с выставкой по творчеству писателя «М.А. Шолохов: знакомый и незнакомый, близкий и далёкий». Библиотекарь рассказала о последней книжной новинке Валентина Осипова «Белая книга: М.А. Шолохов», обратив особое внимание на издания, написанные земляками: Н.Т. Кузнецовой «М.А. Шолохов: Летопись жизни и творчества», П.И. Маяцким «Колокола памяти», П.К. Луговым «О Шолохове», А.А. Зимовновым «Шолохов в жизни: Дневниковые записки секретаря», И.П. Гараниным «Моя судьба и таинственный Шолохов: воспоминания председателя райпо».

Это было первое знакомство пенсионеров с киноклубом. В дальнейшем решено продолжить встречи. Сегодня библиотека оснащена современной техникой, позволяющей демонстрировать полнометражные фильмы в хорошем качестве.

СЕМИНАР «ТВОРИТЬ ДОБРО СЕГОДНЯ И СЕЙЧАС: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ И ПОЖИЛЫМИ В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ»

Обслуживание людей с ограниченными возможностями и пенсионеров – проблема, которой во всём мире придаётся огромное значение. В последние годы меняется представление о роли общедоступных библиотек в социальной реабилитации инвалидов.

14 марта 2013 года в Вёшенской межпоселенческой центральной библиотеке для библиотекарей Шолоховского района прошёл семинар по работе с инвалидами и пожилыми людьми. Эта категория читателей – одна из основных в работе библиотек, требующих к себе особого внимания. На семинар были приглашены председатель районного Общества инвалидов А.И. Пилюгин и специалист по социальной работе ГБУСОН РО «Центр психолого-педагогической помощи населению» Н.С. Чукарина.

Александр Иванович рассказал о современном состоянии и задачах Общества инвалидов Шолоховского района, мероприятиях, проводимых для людей с ограниченными возможностями. В своей

речи он опирался на муниципальную долгосрочную целевую программу «Доступная среда на 2011-2014 годы». Наталья Стефановна уделила внимание детям-инвалидам, регулярно посещающим Центр психолого-педагогической помощи. Она рассказала о правилах этикета при общении с инвалидами и проблемах, возникающих в разговоре с такими детьми, о совместных успехах детей, родителей и педагогов.

Разговор с библиотекарями района об особенностях работы с этими категориями читателей вела главный библиограф С.А. Мельникова, анализируя положительный опыт коллег, которым они делятся на страницах профессиональных журналов «Библиотека» и «Библиополе», а также на своих сайтах в Интернете. В процессе общения и обмена опытом шолоховские библиотекари подтвердили приоритетное направление – индивидуальное обслуживание инвалидов. Решено было в дальнейшем активизировать работу библиотек с этой категорией читателей совместно с обществами инвалидов поселений и Центром психолого-педагогической помощи населению.

ВСТРЕЧА С А.А. РЕЗВАНОВЫМ

В 1988 году в Шолоховском районе было создано общество инвалидов. Целями его являются: защита прав и интересов инвалидов; обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей участия во всех сферах жизни общества; интеграция инвалидов в общество. Последние годы председателем этой организацией является Александр Иванович Пилюгин.

В 2013 году у районного общества инвалидов юбилей – 25-летие со дня основания. 26 июля в Вёшенской центральной библиотеке состоялось праздничное совещание, на которое были приглашены члены общества, представители администрации и социальных служб района, здравоохранения, представители общественных организаций станицы. Перед собравшимися выступил министр культуры Ростовской области, куратор Шолоховского района А.А. Резванов. Александр Анатольевич рассказал о перспективах министерства на 2014-2015 годы. О.М. Пятикова, исполняющая обязанности главврача по амбулаторно-поликлинической помощи, рассказала о лекарственном обеспечении инвалидов в районе. Представителям власти инвалиды задали много вопросов. В конце всех поздравил ансамбль «Донское сияние».

ДРАМАТУРГ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Киноклуб «Наследие» в течение 2013-2015 годов продолжил свою работу. К 190-летию со дня рождения А.Н. Островского 18 апреля в читальном зале центральной библиотеки был проведён час литературного портрета для пожилых людей

Центра социального обслуживания ст. Вёшенской. Сотрудники библиотеки оформили выставку по его творчеству «Драматург на все времена» и рассказали о жизни и произведениях А.Н. Островского. В конце зрители с удовольствием посмотрели фильм по одноименной пьесе «Женитьба Бальзамина».

ЮМОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А.ШОЛОХОВА

В преддверии празднования 108-летия М.А. Шолохова участники киноклуба в который раз прикоснулись к удивительному миру писателя-земляка, посетив 23 мая читальный зал Вёшенской центральной библиотеки. Михаил Александрович обладает неистощимым даром юмора. Умение видеть в жизни и ярко воспроизводить в искусстве не только трагическое, но и смешное составляет одну из самых драгоценных черт таланта Шолохова. И.А.Наполова подготовила подборку комических видеосюжетов по произведениям писателя. Внимательным слушателям было очень интересно ещё раз пересмотреть любимые строки из «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Донских рассказов», вместе посмеяться и обсудить поступки героев. Все присутствующие остались довольны проведённым мероприятием.

ДЕНЬ СЕМЬИ, ЛЮБВИ И ВЕРНОСТИ

8 июля в России - День семьи, любви и верности. Русская православная церковь отмечает день памяти святых Петра и Февронии, которые издревле считались на Руси покровителями семьи и брака. В этот день в 2014 году в читальный зал библиотеки пришли пенсионеры Центра социального обслуживания ст. Вёшенской, члены киноклуба «Наследие». У всех на груди был приколот символ праздника – солнечная ромашка. Библиотекарь Наполова И.А. рассказала присутствующим об истории праздника, показала фильм «История вечной любви» (о Петре и Февронии). Участники просмотра остались очень довольны и поздравили всех с праздником.

ЧЕХОВСКИЙ МЕДВЕДЬ

19 февраля 2015 года в Вёшенской МЦБ для участников киноклуба было проведено очередное занятие, посвященное творчеству А.П. Чехова. Руководитель клуба Наполова И.А. рассказала о выставке «Как слово наше отзовется», оформленной к Году литературы. Под рубрикой «Время читать Чехова» собраны произведения автора и литературоведческие книги о творчестве писателя. Ирина Александровна напомнила пожилым слушателям об основных этапах жизни и творчества А.П. Чехова. С большим

интересом собравшиеся посмотрели лирическую комедию «Свадьба», снятую по мотивам одноименного водевиля писателя. Клуб продолжит свою работу.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К юбилеям писателя и памятным встречам с М.А. Шолоховым в библиотеке были подготовлены следующие издания:

- ✓ Наш писатель и земляк, 2005;
- ✓ М.А. Шолохов: времена и творчество, 2009;
- ✓ Писатель, воин, сын земли донской: к 105-летию со дня рождения М.А. Шолохова, 2010;
- ✓ Они сражались за Родину: аннотированный список литературы, 2010;
- ✓ Георгий Губанов. Гагарин на Дону: 45-летию приезда космонавта в Вёшенскую, 2012.

В 2015 году к 110-летию писателя-земляка будут подготовлены новые издания.

САЙТ МЦБ

В конце 2011 года в Вёшенской МЦБ был создан новый сайт [<http://library-veshki.ucoz.ru/>]. Он постоянно модернизируется и дополняется новой информацией. Особое внимание уделяется краеведению.

Формированием информационных ресурсов, в том числе о М.А. Шолохове, занимается Отдел методико-информационной службы МЦБ. В разделе «Ресурсы» (слева) - «Новые поступления» - Книжные новинки» - «Краеведение» 2011-2013 г.г. имеется литература о писателе. В блоке «Слово о Шолохове» содержится перечень всех художественных произведений автора, имеющих в фонде МЦБ:

- ✓ Собрания сочинений;
- ✓ Рассказы;
- ✓ Произведения военной тематики;
- ✓ Поднятая целина;
- ✓ Тихий Дон.

Для удобства пользователей информация о творчестве М.А. Шолохова в 2014 году выделена отдельным блоком (справа). Он содержит:

- ✓ Художественные произведения писателя;
- ✓ Литературу о жизни и творчестве;
- ✓ Виртуальные выставки.

Раздел «Ресурсы» (слева) - «Медиатека» - «Видеокассеты» - «ГМЗШ» содержит:

- ✓ Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова. Экскурсии;
- ✓ «Тихий Дон» в письмах;
- ✓ Утро в шолоховской усадьбе;
- ✓ Шолоховская весна.

В новостной ленте сообщается обо всех мероприятиях, проводимых библиотекой, в том и числе и по пропаганде творчества писателя-земляка. В последней информации о М.А. Шолохове рассказывается о завершении работы над четвёртой экранизацией романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и встрече с актёрами, исполняющими главные роли, в Вёшенском ДК 27 марта 2015 года.

ВИЗИТ ГУБЕРНАТОРА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ШОЛОХОВСКИЙ РАЙОН

14-15 января Губернатор Ростовской области Василий Юрьевич Голубев с рабочим визитом посетил Шолоховский район. В нашем районе глава области провёл рабочее совещание по подготовке к празднованию 110-летия со дня рождения М.А. Шолохова, стал свидетелем работы режиссёра Сергея Урсуляка и творческой группы, занятых съёмками зимних эпизодов телефильма «Тихий Дон».

В совещании приняли участие губернатор Ростовской области В.Ю. Голубев, его первый заместитель И.А. Гуськов, глава Шолоховского района О.Н. Дельнов, министр строительства, архитектуры и территориального развития Ростовской области Н.В. Безуглов, министр культуры области А.А. Резванов, министр жилищно-коммунального хозяйства С.Б. Сидаш, глава Боковского района Ю.А. Пятиков, директор ГМЗШ А.М. Шолохов, директор Областного дома народного творчества А.В. Ларионов.

ПЕРСПЕКТИВЫ 2015 Г.

- ✓ Участие в подготовке праздничных и публичных мероприятий в рамках проведения Всероссийского литературно-фольклорного фестиваля «Шолоховская весна», праздничное оформление станицы;
- ✓ Участие в мероприятиях государственного музея-заповедника М.А. Шолохова в рамках подготовки и проведения «Шолоховской весны - 2015»;
- ✓ В целях пропаганды наследия М.А. Шолохова и приобщения подрастающего поколения к творчеству писателя в библиотеках района провести плановые мероприятия: тематические выставки, конкурсы, вечера, встречи, литературные уроки / май;

- ✓ В Вёшенской МЦБ в рамках клуба «Вёшенские встречи» организовать встречу с писателями и гостями станицы;
- ✓ Провести литературный вечер «По страницам «Поднятой целины» М.А. Шолохова»;
- ✓ Заседание киноклуба «Юмор в произведениях М.А. Шолохова».

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕТСКОГО ОТДЕЛА МЦБ

- ✓ «С днём рождения, «Нахалёнок»! - праздник книги;
- ✓ «Перечитывая Шолохова» – викторина по произведениям писателя;
- ✓ «На земле Шолохова» - интерактивное путешествие по Донскому краю.

Примечания:

- Визит Губернатора Ростовской области в Шолоховский район. – <http://veshki.donland.ru/Blog/ViewPost.aspx?pageid=37&ItemID=129001&mid=1622>

При подготовке были использованы неопубликованные материалы:

- Катайкина, О.Н. Презентация о работе детского отдела к 110-летию писателя. – Вёшенская, 2015. – 9 сл.
- Лаптева, Е.А. Материалы о работе по теме зав. отделом обслуживания. - Вёшенская, 2015. – 2 с.
- Фотоархив Вёшенской МЦБ за 2010-2015 г.г.

«РОМАНТИК ДОНА» О А. В. КАЛИНИНЕ

Ткаченко Галина Александровна,
*библиотекарь Отдела обслуживания
Усть-Донецкой МЦБ им. А.В.
Калинина*

Анатолий Вениаминович Калинин (22 августа 1916 года — 12 июня 2008 года) - известный русский и советский писатель, прозаик, публицист, критик, поэт и сценарист; выдающийся донской писатель и общественный деятель.

Наша библиотека с 2008 года носит имя широко известного донского писателя и поэта Анатолия Калинина. Каждому приезжающему в наши края мы с гордостью говорим, что у нас на Дону в хуторе Пухляковском жил Анатолий Вениаминович Калинин.

И мне хотелось бы рассказать вам об этом замечательном писателе.

ДЕТСТВО

Детство и юность писателя прошли на Дону. Он родился 22 августа 1916 года в станице Каменской (ныне г. Каменск-Шахтинский) в семье преподавателей. Родители его живо интересовались всем, что происходило в то переломное время. Дом Калининых был одним из оживленных «перекрестков», где встречались интересные люди.

Время было тревожное, суровое. В эти годы семья отчаянно голодала. Мать ходила по хуторам менять белье, ложки и вилки на муку. В школе, в которой одно время размещался тифозный госпиталь, мать ухаживала за больными. Вся семья переболела тремя тифами.

Детские впечатления тех лет разнообразны, драматичны, порою радостны, порою жестоки. Мальчик видел горящие бараки с больными и ранеными, подожженные белыми при отступлении.

Но, несмотря на тревоги, голод и болезни, жили в семье Калининых весело. Всегда в доме былолюдно: учителя, члены Ревкома – все молодые, голосистые. Здесь часто звучали песни – боевые, революционные и раздольные, казачьи.

Здесь слышал мальчик и рассказы о событиях бушевавшей кругом гражданской войны. Какие образы рождали в душе эти песни и

эти рассказы – трудно сказать, но они остались в его памяти навсегда.

Не прошли бесследно и впечатления от поездок с отцом.

«Отец брал меня с собой в поездки по хуторам – в Колодезный, Каюковский, в Старую станицу. Пески... ветряки на выездах из станиц и хуторов, пыльная дорога, летние дожди и орудийный гром, выстрелы...»

Влияние личности отца и матери, живое дыхание тех героических дней многое определили в мировоззрении Калинина и в его творчестве.

ТВОРЧЕСТВО

К литературному творчеству Калинин приобщился через газету. Шестнадцатилетним пареньком пришел он в Новочеркасскую городскую газету «Знамя коммуны». Тогда же начали появляться его очерки и фельетоны в областной газете «Молот». А в 1935 году молодого журналиста пригласили работать в Москву, в «Комсомольскую правду» - в качестве его собственного корреспондента он был в Кабардино-Балкарии, в Армении, на Украине, на Дону, принимал участие в финской войне. В своих очерках он пишет о людях с которыми встречался, о их проблемах и мечтах.

Первый его роман «Курганы», который он написал в 23 года, увидел свет в 1941 году, был посвящен коллективизации на Дону.

Крестьяне, колхозники – казаки, одевшие по призыву Родины солдатские шинели, стали главными героями произведений А. Калинина в годы Великой Отечественной Войны. Военный корреспондент А. Калинин большую часть своего военного пути прошёл с Донским Пятым Гвардейским кавалерийским казачьим корпусом. Здесь Калинин близко узнал казаков. Эти удивительные люди, их судьбы, их героизм вдохновили молодого писателя на создание романов «На юге», «Товарищи», «Красное знамя». (демонстрация книг)

Ещё воюя в Донском корпусе, Анатолий Калинин принял твердое решение после войны жить среди казаков. И в 1946 году он приехал в хутор Пухляковский и поселился в доме на берегу Дона. Здесь нашёл он своих героев.

Калинин писал: «Живя на Донской земле, трудно не потянуться к перу, тем более, что тебя окружают люди, которые не могут не оставить след в жизни».

Произведения А.В. Калинина – «Эхо войны», «Суровое поле», «Возврата нет», «Гремите колокола», «Запретная зона» оставляют глубочайший след в сердцах читателей. Они раскрывают мир человеческих отношений, учат любви и добру, вызывают к совести, заставляют задумываться о долге, чести и достоинстве.

Самым известным произведением А.В. Калинина, несомненно, является роман «Цыган» (1960-1974), который выдержал более десяти изданий, переведен на многие языки, были сняты фильмы. В центре романа – образ цыгана Будулая, потерявшего в годы войны семью, человека чистой и искренней души. Нелегкая судьба Будулая переплетается с судьбой казачки Клавдии Пухдяковой. В романе описана история их любви. У нас имеются первые издания трех частей «Цыгана». (демонстрация книг)

КАЛИНИН И ШОЛОХОВ

А.В. Калинин был большим поклонником творчества Михаила Шолохова, последователем шолоховских традиций. Тринадцати лет Калинин прочитал «Тихий Дон» и за сто пятьдесят километров, с оказией, на быках, поехал в Вешенскую, что бы увидеть Шолохова.

К 100-летию со дня рождения великого писателя А. Калинин написал поэму под названием «Реквием». Творчеству М.А. Шолохова посвящены очерки «Вешенское лето», «Время Тихого Дона», «А на рассвете грянул гром...»(показать книги)

О создателе «Тихого Дона» написано много исследований и в нашей стране, и за рубежом, но очерки А. Калинина занимают особое место. Они далеки от холодной аналитичности. А.В. Калинин выступает как верный и преданный защитник творчества М.А. Шолохова, с которым его связывала крепкая дружба.

Сам М.А. Шолохов просто и в то же время ёмко оценил талант и душевные качества своего друга: «Анатолий Калинин хороший человек и хороший писатель. От него хорошее человеческое тепло идет».

Анатолий Вениаминович Калинин – лауреат Государственной премии России в области литературы. Фронтовик. Общественный деятель. Награжден орденами и медалями СССР. Мы очень гордимся своим знаменитым земляком. В 2016 году широко будет отмечаться 100-летие Анатолия Калинина.

Наша библиотека тесно сотрудничает с Центром Социального обслуживания. Многие его постояльцы пользуются услугами библиотеки.

Для библиотеки обслуживание пожилых людей - не только значимая социальная функция, а библиотерапия - одна из форм работы с читателями, включающая весь комплекс библиотечных мероприятий и делающая жизнь пожилых людей насыщенной, полноценной и достойной.

Для проживающих в реабилитационном центре, престарелых людей и лиц, полностью или частично неспособных передвигаться, организовывали «передвижной абонемент», позволяющий им брать и заказывать книги, не посещая библиотеку. Пользователи-инвалиды, проживающие в центре социальной реабилитации, получают услуги по библиотечному обслуживанию: выполняем книгоношество по

телефонной заявке пользователя или передаём книги через сотрудников ЦСО.

Библиотеку посещают многие социальные работники, они носят книги своим подопечным, которые не могут посещать библиотеку. Мы получаем записки от читателей с благодарностью за хороший подбор литературы и с пожеланиями, что бы они хотели почитать.

Читатели старшего поколения предпочитают романы о любви, зарубежные детективы, исторические романы, любят читать про путешествия (большой популярностью пользуются книги путешественника Эрнста Муддашева). Ну и конечно читатели старшего поколения любят книги русских авторов советского периода, которые писала про освоение Сибири, про жизнь в русской деревне, про военные годы. Большой популярностью пользуются книги серий «Сибириада» Г. Марков, Шишков В.Я., Мельников П.И.; серия «Казачий роман» С. Паршиков, Д. Петров-Бирюк, П.Краснов и др. Поэтому такие донские писатели как А.В.Калинин, М.А.Шолохов, В. Закруткин писавшие про становление Советской власти на Дону, про военные годы на Дону, казачий быт, крестьянский труд: все что так дорого старшему поколению пользуются большой популярностью среди читателей пенсионного возраста.

В работе с пожилыми людьми используются различные формы работы: это и литературные вечера, вечера отдыха, тематические беседы. Мы стараемся организовать досуг этой категории пользователей, и с этой целью в отчётном году хотелось бы выделить следующие мероприятия:

«День православной книги» - беседа с рекомендацией книг по теме;

«Мы можем все» - литературная композиция ко дню инвалида;

«Великие донцы 19 века» - час истории;

«Книга на службе здоровья» - беседа с рекомендацией книг приуроченная ко Всемирному дню здоровья.

Надолго запомнятся читателям День семьи, День пожилого человека и День матери. В эти дни людей старшего поколения были приглашены на большие мероприятия:

Литературно-музыкальную гостиную «Где любовь да свет, там горя нет!» ко дню семьи;

Литературно-музыкальный вечер «Ах эти годы золотые» посвященный дню пожилого человека;

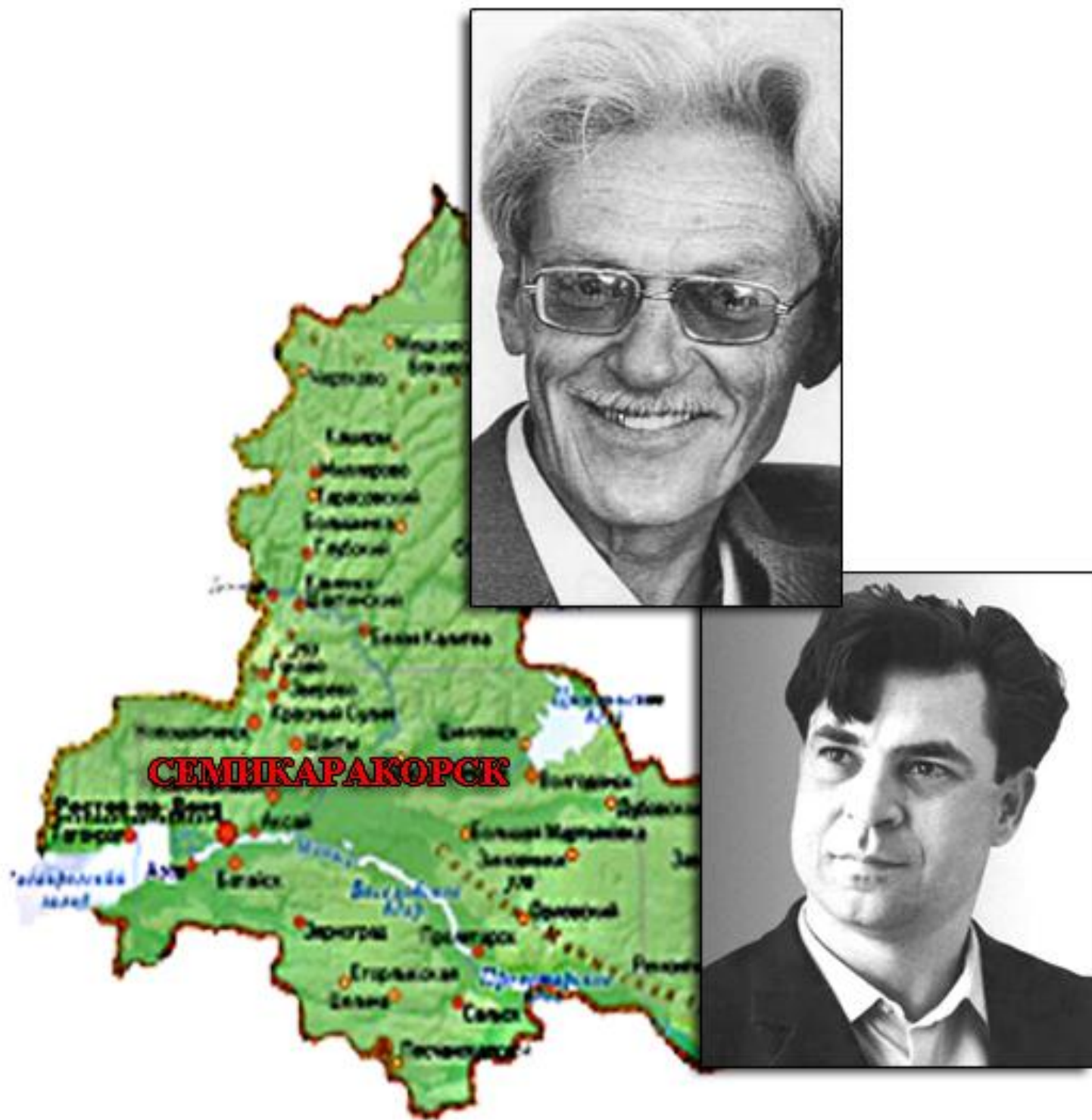
Поздравительный литературно-музыкальный концерт «Ласково тебя обниму» посвященный дню матери.

На этих встречах в адрес пожилых людей было сказано много теплых слов, пожеланий, прочитано много душевных стихов. Мероприятия проводились совместно с руководителем клуба «Благовест» Федоровой Т.В. Участие принимали казачата из детского сада «Золотой ключик» и хор донских казаков «Донцы», воспитанники Дома Детского Творчества, учащиеся Школы Искусств, ученики школ.

На мероприятиях создаётся доброжелательная и позитивная атмосфера.

Пенсионерам нужны малые островки духовности в море сегодняшнего безразличия и равнодушия. Они помогают жить. И мы стараемся создать такой островок в нашей библиотеке. И не случайно, если в библиотеку читатель пришел в детстве, то он не расстается с ней до самой старости, а вслед за ним идут его дети и внуки.

(см. Приложение 1)

**РАБОТА ПО ПРОДВИЖЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В.А.
ЗАКРУТКИНА И Б.Н. КУЛИКОВА
МБУК СЕМИКАРАКОРСКОГО РАЙОНА «МЦБ»**

***Белокур Ирина Викторовна,
директор МБУК
Семикаракорского района
«МЦБ»***

Основной целью работы Межпоселенческой центральной библиотеки с людьми пожилого возраста, является организация информационной, просветительской деятельности для насыщенной, полноценной и достойной их жизни, вовлечение

их в сферу творческой и социальной активности.

Библиотека является для людей нашего города центром информации и досуга.

Работа с пользователями этой категории включает в себя не только выдачу книг, периодических изданий, но и индивидуальные беседы, консультации, в том числе по правовым вопросам с помощью справочно-правовой системы Консультант – Плюс. Для удаленных пользователей, не имеющих возможности прийти в библиотеку, у нас работает сайт, основные ресурсы которого краеведческие.

Заключены договоры на внестанционарное обслуживание с районной организацией инвалидов, обществом слепых, домом-интернатом для инвалидов и престарелых граждан. С помощью библиобуса книги доставляются на места. Для наиболее полного удовлетворения запросов этой категории читателей, обеспечения их специальной литературой, заключен договор о сотрудничестве с ГБУК РО «Областная библиотека для слепых и слабовидящих».

Для них очень важно и простое общение в стенах библиотеки. Культурно-массовая деятельность находит живой отклик у пользователей. Мы проводим литературно-музыкальные вечера, часы общения. Тема встреч разнообразная. Немалая роль отводится и популяризации творчества писателей-земляков, а именно, В.А. Закруткина и Б.Н. Куликова.

С 1947 года Виталий Александрович жил и творил на Семикаракорской земле в ст. Кочетовской. Здесь им были написаны, ставшие известными всему миру романы «Плавучая станица», «Сотворение мира». Прожив всю свою писательскую жизнь в станице Кочетковской, Закруткин стал неотъемлемой частью этой земли. Он не раз писал о ней (например, в своих очерках «Кочетовцы», «В родном краю», «В донской степи» и др.). Почти все

это время он был депутатом местного и областного советов. Стараниями Закруткина в станице была построена новая школа-десятилетка, поселковая дорога, восстановлена церковь в станице Семикаракорской. Закруткин, как и М. Шолохов воплотил особый «донской» стиль писательской жизни. Он и похоронен во дворе собственного дома, ставшего музеем.

Борис Николаевич Куликов родом из станицы Семикаракорской. Вся его трудовая и творческая биография неразрывно связана с «Жемчужиной Дона», так он сам называл свою малую родину – Семикаракорский край. Еще молодым, в 1962 году, Куликов организовал в городе Клуб любителей поэзии. Как многие тогда, он ясно понимал, что без сохранения нашей самобытной культуры, без знания собственной культуры и без привития уважения к ним, невозможно возрождение родного края, Дона и Отечества в целом.

Книги этих именитых авторов стоят в нашей библиотеке на почетном месте. Их имена особенно нам близки, ведь наша библиотека носит имя В.А. Закруткина, а Б.Н. Куликов был нашим постоянным читателем.

Вот примеры некоторых мероприятий этого года, проведенных для данной категории читателей. В читальном зале библиотеки для членов районного общества инвалидов прошла литературная встреча, посвященная дню рождения В.А. Закруткина, который отмечается 27 марта. Библиотекари рассказали о жизни и творческом пути писателя, его общественной деятельности, проиллюстрировав свой рассказ видеопрезентацией на основе редких фотографий из семейного архива автора. Среди гостей были и те, кто лично знал писателя. Эти люди делились своими воспоминаниями. Обращались к книгам, перечитывали фрагменты произведений Закруткина и обсуждали прочитанное.

19 марта сотрудники внестационарного отдела обслуживания провели для своих читателей передвижного пункта выдачи литературы в районном обществе слепых литературную композицию «Мир Закруткина». Краткий обзор творчества писателя сопровождался чтением отрывков из произведения «Мать человеческая», которое раскрывает главную мысль писателя – неугасимую веру в неумирающую жизнь, и является данью памяти людям военного времени. Слушатели следили за судьбой Марии, героини повести «Мать человеческая», с волнением и слезами на глазах, словно сами переживали события тех грозных лет.

Участники мероприятия с интересом слушали ведущую мероприятия, активно делились своими эмоциями и мнением о прочитанном.

Имя и творчество писателя В.А. Закруткина никого не оставляет равнодушным, ведь его книги затрагивают глубинную суть нашего народа.

«Человек с распахнутой душой» - так назывался поэтический час, посвященный памяти Бориса Куликова, этот день приходится на

5 марта. Гости вместе с ведущими перелистнули страницы жизненного и творческого пути поэта и писателя, цитировали полюбившиеся стихи. На встрече также звучали казачьи песни, которые любил слушать Борис Николаевич, звучали в записи его стихи в собственном исполнении, с помощью видеопрезентации демонстрировались фотографии из семейного архива Куликовых. Своими воспоминаниями делились гости, которые лично знали поэта. Рассказывали о ежегодных заседаниях «Клуба Любителей Поэзии» и знаменитых гостях, побывавших на этих мероприятиях (поэты Н. Доризо, В. Тэн, П. Примеров, композитор Г. Пономаренко, артисты Н. Мордюкова, Т. Самойлова и многие другие).

Проводить такие мероприятия в стенах библиотеки стало уже доброй традицией. Они всегда проходят в почти домашней обстановке, за чашкой чая. Добрые отзывы участников, – лучшая награда за наш труд.

Детский отдел МБУК Семикаракорского района активно сотрудничает с Центром социальной помощи и детям. В 2015г. были проведены следующие мероприятия: Литературная страница «Певцы донского края! (по произведениям донских писателей), Час поэзии «Ярость жизни» (о жизни и творчестве Б.Н. Куликова), Литературный портрет в «Любовь к земле родится в сердце» (о жизни и творчестве В.А. Закруткина).

Этим писателям ежегодно посвящаются районные литературные праздники «Закруткинская весна» и «Куликовская осень», в подготовке и проведении которых коллектив «МЦБ» принимает активное участие.

(см. Приложение 2)

«И ПРОЛОЖИТЬ ТРОПУ К СТРОКЕ...»

ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ТЕРЕНТЬЕВИЧА
ПРИМЕРОВА – РОССИЙСКОГО ПОЭТА-ЛИРИКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА, УРОЖЕНЦА ДОНА.

*Галисханова Ирина Борисовна,
директор МБУК
Зерноградского городского
поселения «Центральная
городская библиотека имени А.
Гайдара»*

Светозарность - это, наверное, наивысшее состояние слова в поэзии. Нет светозарности - нет высокой поэзии. Зачастую это просто рифмованное шукачество, напичканное «образностью». Хороший пример светозарности – поэзия Бориса Примерова.

Геннадий Кузнецов г. Новокузнецк
ст. Жизнь слова в журнале Огни Кузбасса

«Бориса Примерова Бог поцеловал на творчество!»

В. Цыбин.

Мой стих не издавался книжкой
Он сыроват, немного груб.
Мой стих пока ещё мальчишка,
Одетый в дедовский тулуп.
Он слышит звезд ночные споры.
Над ним, как слово, лунный круг.
И строчки, словно метеоры,
то вспыхнут, то погаснут вдруг.
Но хочет стать он мудрым, сильным,
Чтобы своё, своё сказать.
И прорезаются впервые
в моих глазах его глаза.

Б. Примеров.

Более полвека назад, в русскую, тогда советскую литературу пришёл молодой поэт, Борис Примеров- паренёк с завода Россельмаш, удививший своими необычайно лиричными и образными стихами московских поэтов и писателей, приезжавших на

Дон, на Всероссийское выездное совещание творческой молодёжи. Примерову предложили продолжить учёбу не в Ростовском университете, где он учился на тот момент, а во Всесоюзном Государственном Литературном институте имени М. Горького в городе Москве.

Так в 1964 году на страницах журналов «Октябрь» и «Наш современник» появились подборки стихов молодого поэта с Дона, а затем была издана первая книжка стихов Б. Примерова, со столь же образным названием, как и стихи - «Синевой разбуженное слово». Послесловие к сборнику написал замечательный донской писатель А. В. Калинин.

«Бывают такие мгновения, писал А. В. Калинин,- когда аудитория, заполненная и так называемыми знатоками поэзии и людьми, просто любящими стихи, и слушателями привередливыми и легко воспламеняющимися, вдруг объединяется в одном чувстве и начинает бурно аплодировать. Забыты различия во вкусах перед лицом настоящего, неподдельного...

Так случилось недавно в Ростове-на-Дону, когда на трибуну большого вечера поэтов вышел совсем юный паренек, рабочий с «Ростсельмаша» Борис Примеров и стал читать свои стихи.

В зале сидели московские, ленинградские, донские, кубанские, ставропольские писатели, поэты и критики, студенты ростовских вузов, учителя, библиотечные работники, члены литературных кружков. Все они обрадовано восторгались и замерли.

Все сразу увидели, что на трибуну вышел настоящий поэт, и дело совсем не в том, сколько им уже написано стихов. Достаточно, например, и одного такого стихотворения, чтобы почувствовать поэта...

Возрастают эти стихи на той самой земле, которую называют шолоховской. Край, осененный поэзией могучей русской прозы... Край ярких красок, жаркого солнца, отважных сердец, бурных страстей, край необозримых степных просторов...

Еще нужно сказать и о том, что стихи Примерова очень музыкальны. Не случайно в редакции «Октября» озаглавили цикл его стихотворений «Поющее лето». Тут можно сослаться и на такую «подробность»: этот рабочий паренек, оказывается, и начал свое приобщение к поэзии с музыки. Он не просто любит Моцарта, Бетховена, Чайковского — их музыка и заставила его заговорить стихами. Он влюблен в настоящую, большую музыку... И поэтому так много в его стихах музыки сердца».

С тех пор, поэта Б. Примерова и писателя А. Калинина связывала трогательная творческая дружба. В киноромане «Цыган», по одноимённой книге А. В. Калинина, звучит песня «Дорога» на стихи Б. Примерова.

Б. Примеров - автор предисловия к собранию сочинений А. Калинина в четырёх томах.

Многие, кто читал или слышал стихи Б. Примерова, считали в те далёкие 60 годы, в поэзию пришёл новый С. Есенин. Позже критики нередко будут отмечать подражательство С. Есенину, особенно в той ностальгической грусти по деревенской жизни, что звучит в стихах поэта. Но сам поэт считал своим учителем в поэтике, в художественном мастерстве М. А. Шолохова, о чём писал в предисловии к сборнику избранных стихов: «...меня неоднократно ставили в близость к есенинской традиции, критики видели в «неуёмной образности» следование «великому песельнику Руси»,... но намного раньше знакомства с Есениным я был очарован моим земляком Михаилом Александровичем Шолоховым. Я читал и перечитывал «Тихий Дон» запоем. И смею думать, что именно эта книга была моим первым учебником поэзии: «...как он влиял на меня, как был близок моему мироощущению его захватывающе – стремительный ритм, его самобытно – яростный язык...»

Российский поэт Борис Терентьевич Примеров – замечательный тонкий лирик, самозабвенно влюблённый в неповторимую красоту донского пейзажа, простор донской степи, человек энциклопедических знаний, глубоко знающий историю России, историю казачества, историю русской культуры. Его творческое наследие широко известно знатокам и любителям поэзии. Он оставил нам читателям не только сборники своей прекрасной, самобытной, неповторимой лирики, но и великолепные эссе по творчеству русских поэтов и писателей, деятелей российской культуры, а также по творчеству М. А. Шолохова, А. В. Калинина.

Б. Т. Примеров родился 1 июля 1938 года в станице Матвеево Курганской, (г. Матвеев Курган) Ростовской области. В послевоенные годы, семья Примеровых переезжает жить в старинную задонскую казачью станицу Мечётинскую. В станице Мечётинской, прошли детские, школьные и юношеские годы будущего поэта, в то время, жив ещё был южно русский казачий фольклор, казачий дух воинства и сыновней любви земле матушке, вольной донской степи. Именно станицу Мечётинскую считал Б.Т. Примеров своей Малой родиной, и с любовью признавался, что Мечётка для него самый уютный уголок на всём белом свете...

Борис Примеров был юнкором, а затем корреспондентом районной газеты «Колхозная трибуна». Как и многие ровесники, будущий поэт уезжает в город. В Ростове – на – Дону Б. Примеров работал в метизном цехе завода Ростсельмаш.

Вспоминая студенческие годы в литературном институте друг Б. Примерова, донской поэт, Б. Куликов в статье «Стезёй песни» писал, о том, что в общежитии литературного института висел плакат – «Для нас в поэзии примером – является Борис Примеров!»

В студенческие годы в круг общения Б. Примерова входили Н. Рубцов, А. Передрев, А. Вампилов и др.

Стихи поэта, его великолепные эссе, посвящённые выдающимся деятелям русской культуры и искусства, публиковались

на страницах журнала «Огонёк», в Литературной газете, в газете Литературная Россия, литературно – художественных журналах и сборниках. Поэт был музыкально одарён и образован, любовь к музыке, пению привила поэту и всем детям в семье мать поэта - Анна Борисовна, которая великолепно пела. Трепетную любовь к родной земле, к природе, к истории своего народа; любовь к книге и чтению привил поэту отец – Терентий Фёдорович, потомственный казак, человек мудрый и прямой, как напишет о нём позже сын в предисловии к книге избранных своих стихов.

Б. Примеров автор вступительной статьи «Поле Родины» и составитель одноимённого сборника русской поэзии, посвящённого 600 – летию Куликовской битвы. Б. Примеров является автором одного из вариантов поэтического переложения произведений древнерусской литературы – «Слова о погибели русской земли по смерти Великого князя Ярослава» и «Задонщина».

Поэтом написаны статьи, посвящённые М. А. Шолохову, он входил в состав редколлегий составителей юбилейной книги – альбома «Шолохов», изданной к 80 – летию М. А. Шолохова. По словам вдовы поэта Б. Примерова – поэтессы Н. В. Кондаковой М. А. Шолохов, познакомившись с творчеством Б. Примерова сказал: « Он Примеров и стихи его примерные...»

Тема Поэта и поэзии традиционная тема в русской литературе, и наверно нет поэта, который в своём творчестве, философской, гражданской лирике не размышлял о предназначении поэтического творчества, русской словесности, в общественной жизни народа. В творчестве Б. Примерова и эта традиционная тема звучит по примеровски своеобразно, лирично и искренне... Поэт сумел «Своё, своё, сказать слово,.. в стихах...».

В стихах «тихой лирики» Б. Т. Примеров сумел восторженно передать красоту мира природы, и показать его как духовную основу всего сущего, в его стихах мир природы очеловечен, посредством великолепных примеровских метафор, за которые нередко доставалось поэту от критиков, и которые так восхищали читателей и настоящих любителей и ценителей поэтического слова.

Переселилась на страницу,
Дорогой дух переведа,
Сорвавшись с оперенья птицы,
Воздушная капель дождя.
И сразу по стихам шумиха
Прошла, как будто бы в лесу
Неосторожная лосиха
Задела дикую красу.
О, сколько надобно отваги
Для капли той на ветерке,
Чтоб подойти к листу бумаги

И проложить тропу к строке.
Гуляй, строка в великолепье
Цветов, разбросанных вокруг,
Строка, воспитанная степью,
Обретшая высокий слух.
Иди на цвет, спеши на запах,
Являйся на любую трель
И пей, как шмель, из ярких шапок
Чертополоха мёд и хмель.
Входи в моё стихотворенье
От сердца, с левой стороны,
Непроходимую сиренью
Непуганной голубизны.
Касайся одубелой кожи,
Полуослепшего зрачка,
Чтоб стал я на сто лет моложе,
Чем над тобою облака.
О, сколько надобно отваги
Чтоб подойти с пером в руке
К разбросанным листам бумаги
И проложить тропу к строке.
И поселившись на странице,
Спокойно дух переводя,
Со всем зелёным светом слиться
В просторной капельке дождя.

О чём эти стихи — о красоте и поэзии мира. О счастье и в то же время высокой ответственности быть поэтом...

Казалось бы обычные капли дождя, взбудоражили чувства поэта, напомнили ему медовый аромат степи, и утончённое благоухание сирени, образ шмеля кружащего над степным разнотравьем и вдохновили на творчество, подарили мгновения счастья «со всем зелёным светом слиться, и выразить это в стихах». И подарить, поделиться этими счастливыми мгновениями бытия — с людьми, с читателями...

Говоря о теме поэта и поэзии, невозможно не вспомнить ещё один эпизод биографии поэта, о котором часто вспоминают его друзья, подчёркивая, поэтическую незаурядность Б. Примерова. В начале 70 х годов прошлого века, в Москве, в литературном институте, на встрече со студентами французский поэт и философ Жан Поль Сартр задавал вопрос собравшимся студентам- молодым поэтам. Почему они пишут стихи? Многие отвечали на вопрос, потому, что не могут не писать и так далее. И вдруг французский

гость обратился к скромно стоявшему у входа в зал большеглазому пареньку — Борису Примерову, с тем же вопросом.

На что, Примеров ответил: «Потому что, люблю женщин и боюсь смерти». Ж. П. Сартру понравился столь оригинальный и искренний ответ Б. Примерова, и он пожелал сфотографироваться с Борисом Примеровым на память...

Тема любви в поэзии Б. Примерова — это отдельная тема для разговора., а вот тема смерти и бессмертия я бы так сформулировала эту тему, имела место в творчестве поэта, в молодые годы, и к сожалению в последние годы жизни. В стихах поэта, написанных в 60 е годы «Я в рубашке родился без рубашки умру», «Я умер вовремя до света...» , которые часто цитировались после трагической кончины Примерова и трактовались, чуть ли не пророческими строками, скорее размышления молодого поэта о недолговечности человеческого бытия и вечности мира природы, мира поэзии и слова...

Мотивы смерти в поэзии Б. Примерова в 90 годы совсем другого характера. Протест против шквала бездуховности хлынувшего в нашу жизнь в те годы, поэту с его высоко чувствительной душой казалось, и увы это имело место быть, что Россия летит в бездну... Но и в эти сложные дни для поэта он оставался верным сыном своей страны, своего народа, он писал замечательные стихи о России, о красоте природы, о любви...

Ещё при жизни поэта известный литературовед, исследователь творчества И.А. Бунина, А. И. Куприна – Олег Михайлов, писал о творчестве Б. Примерова «Б. Примеров близок к той группе современных поэтов и писателей, что идут от малой своей родины... В стихах Б. Примерова, отмечал он, - живое национальное начало...».

Поэтому тема Родины, Малой родины -Дона, звучат во многих стихах поэта, неразрывно и гармонично переплетаясь с донским и российским пейзажем.

Пройдусь по ветрам и тропинкам,
Войду в вечера, в ковыли
И всем расскажу без запинки
Всю заповедь здешней земли.
Сольюсь с непонятным и прежним,
С досель непослушным

Сольюсь,
И буду ласкать тебя
Песней,
Как думу, как душу,
как Русь.

Я Русь люблю! А кто не любит?!
Но я по- своему и так,
Что слышат всю Россию люди
На песенных моих устах,
Я к Дону вышел,
И отныне,
В неподражаемом числе
Необходим я как святыня,
Одной единственной земле.

Эти строки поэта начертаны на мемориальной доске на новом здании Мечётинской средней школы № 5, в которой когда то учился поэт Борис Примеров.

В одном из стихотворений Б. Примеров сказал: «Но лучше творящей природы я песни не сочиню...»

Родная природа, родимая задонская степь с детских лет была и вдохновительницей поэтического творчества и мерилom духовных ценностей поэта, ведь именно здесь, в годы детства и юности поэт постиг искреннюю любовь к человеку, и ко всему живому, любовь к труду, каким бы он не был — тяжёлым физическим - с ладонями, которые крепче любой огнеупорной стали, и корявыми пальцами хлебопашцев, людей среди которых вырос поэт.

Обратятся в шумных и крылатых
По закону северной земли
Клёны. И поднимутся над хатой,
Будто бы над речкой журавли.
Буйно зеленеющие птицы
Пёрышки почистят ветерком,
Снимутся с полей, начнут кружиться
Над селом, над рощей. Над прудом.
И тогда, черёмухой измятый,
Взятый соловьями на разбой,
Я напьюсь прохлады благодатной,
Солнечной, росистой, луговой.
И плевать мне на твоё богатство,
Золото, алмаз и серебро,
Звёздное космическое братство
Мне дарует вечное перо.
Зачерпну пером я этим силы,
И ударят чувства через край,

А потом мне поднесёт Россия
Песнями пропахший каравай.

Поэт Б. Примеров великолепно знал, и как патриот, по сыновьи любил и гордился величием русского слова, любил и высоко ценил русский фольклор. Поэт считал, что в русском фольклоре отражена мудрость и душа народа. Смысл поэтического творчества видел в продолжении традиций русской литературы, а высокое предназначение поэта показать величие мира природы и величавость русского слова. Он больше всего в творчестве, как и в жизни, ненавидел фальшь, приспособленчество, конформизм. В своих стихах писал, о предназначении поэтического слова в сохранении нравственности русской души, её чистоты и величия, щедрости и совестливости. И вдохновение поэт черпал в истоках русского слова и русской природе.

За совесть, за первооснову,
За сказку с хорошим концом
Бью слову, бью честному слову,
Как в старые годы челом.
Бью травам, бью росам, бью полю,
Раскатному бью соловью,
Прошу его, чтобы на волю
Он выпустил душу мою.
Нельзя быть усталым поэту
В мгновенье счастливое то,
Которое, кроме рассвета,
Не знает на свете никто.
Люблю я рассветное время,
Когда открывается путь
Для самой значительной темы,
Что так упирается в грудь.
И в мире нет этого проще,-
Где небо без дна и границ,
Куда окунается роща
С весенними гнёздами птиц.
Где тетерев с милой тетеркой
Разносят весенний азарт
Бедовою скроговоркой,
Которую выудил март.
И ты начинающий повесть,
Читающий длинные дни,
Случайным, придуманным словом

Нечаянно их не спугни
Чтоб не убывала с восхода,
Как совесть, чиста и свежа,
Российской породы природа
И той же породы душа.

«ПОЛЫННЫЕ ПОЛЫ»

Не мысль, а чувство –
Вот золотая цепь! –
Вокруг стиха
Про избранную степь,
В какую, прежде чем войти,
Как встарь,
Подошвы вытри,
Милый государь, -
До хруста! –
Ибо вымыта она
И тишиной грозы уплотнена.
Через дожди
И звёздные огни
Кричат густыми запахами дни...

Бери и пробуй
Проливную степь –
На слух, на цвет,
На вкус, на зуб, на крепь!
Пушист, цветаст
Непокорённый зной,
Я чувствую глаза его спиной.
Я подставляю душу и бока –
Под ветры и бока –
Под ветры,
Под шальные облака.
И сквозь меня –
Как струи молока,
В подойник лета
Льются облака.

Как ненавижу
Тёмные углы!
...Ещё чисты
Полынные полы
И прежде чем пройтишь, по ним,
Как встарь,
До хруста вытри ноги,

Государь...

Завершить разговор о поэзии, и теме поэта и поэзии в творчестве Б. Т. Примерова позволю прочесть стихотворение из тетради поэта 90-х годов, оно почему-то не вошло в новый сборник «Нецелованным умру я...», составленный вдовой поэта, - поэтессой Н. Кондаковой. Стихотворение было опубликовано в 1996 году другим поэтом, профессором филологом Ростовского университета Владиславом Смирновым в газете «Молот».

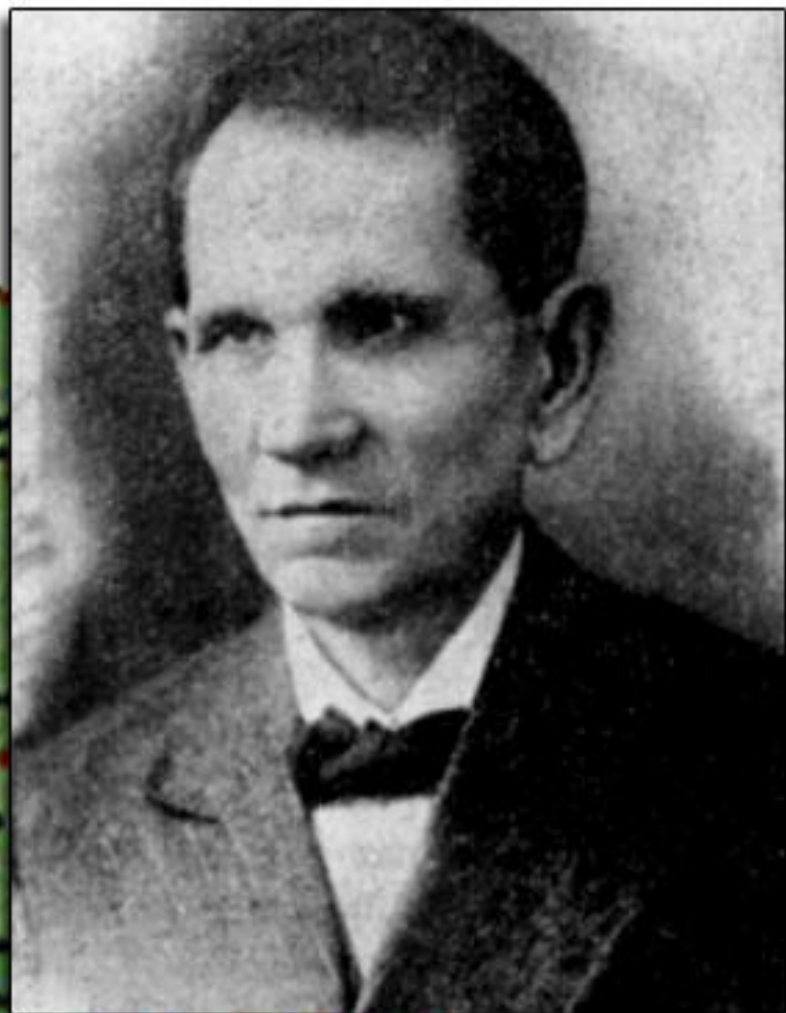
Стихотворение по примеровски величаво и лирично, и в то же время, высоко гражданственно. Это стихотворение - итог жизни поэта, смысл его поэтического бытия и бессмертия Примеровского слова.

Я счастлив тем, мой друг далёкий,
Что по желанному пути
В ночи беззвёздной и глубокой
Могу хоть ощупью идти.

Я счастлив тем, что сердца голос
Не смолк под бременем невзгод,
И зреет как на поле колос,
Под знойным вихрем непогод...

Я счастлив тем, что дух над телом
Во мне победу одержал,
Что принял я в порыве смелом
Житейских волн девятый вал.

Что в эти дни больного века,
Сгубив запас кипучих сил,
Я светлый образ человека
В себе здоровым сохранил.

ЛИСТОПАДОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – ЗОЛОТОЕ ИМЯ ДОНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

*Пикина Валентина Анатольевна,
заведующая филиалом №5 им. А.М.
Листопадова
МБУК «Ростовская-на-Дону
городская ЦБС»*

Бывают натуры необыкновенно динамичные, цельные, каждый день земного существования подчиняющие главной идее своего присутствия в этом мире. Таким был фольклорист – музыкант А.М. Листопадов.

Анатолий Гриценко.

Более полувека филиал №5 Ростовской- на-Дону городской ЦБС носит имя А.М. Листопадова, выдающегося фольклориста, собирателя и исследователя донского фольклора.

Александр Михайлович Листопадов вошел в историю нашей культуры как один из крупнейших знатоков донских казачьих песен. Изучению их он посвятил более пятидесяти лет своей жизни.

А. М. Листопадов – автор книг «Донская казачья песня», «Донские былины», «Донские исторические песни», «Старинная казачья свадьба на Дону». Основным же трудом А.М. Листопадова – это пятитомник «Песни донских казаков», который был издан уже после смерти фольклориста, с 1949 по 1954 годы.

Александр Михайлович с детства проникся любовью к донской песне и пронес это чувство через всю жизнь.

Он родился 18 сентября 1873 года в станице Екатерининской (ныне Краснодонецкая) Белокалитвинского района Ростовской области в семье учителя. Получил музыкальное образование в Новочеркасской духовной семинарии. Там будущий фольклорист

стал певцом и дирижером ученического хора. Затем окончил духовную семинарию, работал учителем на хуторе.

С 1892 года Александр стал собирать и записывать донские казачьи песни, возглавил фольклорную экспедицию. В 1903 году поступил в Московскую консерваторию. В годы учебы он не оставлял любимого дела: часто выезжал на Дон, чтобы привести в порядок уже записанное и записать новое...

За полвека собирательской деятельности А. М. Листопадовым было записано около 1800 народных песен, в том числе около 1300 донских казачьих песен, многие из которых ранее вообще не были известны ученым.

После окончания гражданской войны А.М. Листопадов вернулся на Дон, в Новочеркасск. Преподавал в Донском педагогическом институте и музыкальном техникуме.

На 64-ом году жизни Александр Михайлович поселился в городе Ростове-на-Дону, был руководителем фольклорного ансамбля донских казаков. Ни на день ученый не прекращал пополнять свою коллекцию донских казачьих песен, продолжал ездить в фольклорные экспедиции. Даже в годы Великой Отечественной войны он продолжал работать. Творчество А.М. Листопадова вошло в золотой фонд сокровищницы донской культуры.

Александр Михайлович Листопадов умер 14 февраля 1949 года.

Собиратель песенного фольклора похоронен в Ростове на Армянском кладбище, на 10 линии, у церкви Святого Карапета.

У входа в дом на улице Советской 44, где жил знаменитый фольклорист, установлена мемориальная доска.

Именем Александра Михайловича названа улица в Пролетарском районе города.

Песня всегда была самым любимым видом народного творчества на Дону. Поэтому в 1963 году, к 90-летию со дня рождения А.М. Листопадова, библиотеке, находящейся на территории бывшей казачьей станицы Александровская (ныне Пролетарский район города Ростова-на-Дону) было решено присвоить имя знаменитого собирателя и хранителя песен.

В фойе библиотеки им. Листопадова оформлен уголок, посвященный фольклористу. На выставочном стенде размещена «Карта пути донской песенной экспедиции 1902 – 1903 г.».

На протяжении десятилетий библиотека по крупицам собирает и хранит материалы о А.М. Листопадове. Помимо газетных и журнальных статей в фонде библиотеки есть книги, ставшие библиографической редкостью. Среди них пятый том первого издания пятитомника А.М. Листопадова «Песни донских казаков»; книга ростовского краеведа И. Гегузина «А.М. Листопадов», изданная еще при жизни Александра Михайловича, в 1948 году, и более позднее издание этого же автора, очерк «Влюбленный в песню», выпущенный Ростовским книжным издательством в 1974 году, а также повесть донского писателя М. Никулина «Погожая осень».

Накануне дня памяти А.М. Листопадова библиотеку посетил член Союза художников России, ростовчанин, В. П. Высочин. Владимир Павлович подарил библиотеке портрет Листопадова, написанный маслом. Теперь это живописное полотно украшает читальный зал нашей библиотеки.

Ежегодно в сентябре библиотека организует Листопадовские дни, посвященные дню рождения выдающегося фольклориста. Помогают библиотекарям в проведении праздничных мероприятий преподаватель музыкальной школой №8 Т.А. Силукова и хор «Дубравушка» центра дневного пребывания пенсионеров МУСЗН Пролетарского района, а также Л.А. Сербина, преподаватель школы №7, со своими ребятами, в репертуаре которых немало казачьих песен. В эти дни проходят вечера-портреты из цикла «Золотое имя донской фольклористики», устные журналы «Песня – памятник ему», демонстрируется презентация «Влюбленный в песню», проводятся беседы «Вечность песенной души», совершаются виртуальные и реальные экскурсии по памятным местам, связанным с именем А. М. Листопадова, звучат аудиозаписи песен донских казаков.

Члены клуба «Память» библиотеки им. Листопадова, посещают место захоронения фольклориста на Армянском кладбище, возлагают цветы. Учащиеся школы №7 им. Береста, члены клуба «Память», выступают с исследовательскими работами на краеведческих конференциях. За информацией о знаменитом

фольклористе приезжают в библиотеку учителя и учащиеся из различных районов города.

В 2014 году специалисты библиотеки им. Листопадова приняли участие в работе Седьмого Городского конкурса «Мой друг – книга», посвященного 140-летию со дня рождения А.М. Листопадова. Конкурс был организован МБОУ ДОД Центром детского и юношеского туризма и экскурсий г. Ростова-на-Дону. В конкурсе участвовали учащиеся школ восьми районов города. Сотрудники библиотеки представили на этом мероприятии доклад о жизни и деятельности нашего выдающегося фольклориста, показали презентацию «Песня казаку во степи подмога», тематическую «раскладушку» «Влюбленный в песню», представили творческие работы читателей о собирателе донского народного творчества, рассказали о собранных библиотекой документах и материалах, посвященных знаменитому земляку, а также раздали присутствующим разработанные библиотекой буклеты, памятки, закладки.

Работники библиотеки им. Листопадова неоднократно делились с коллегами опытом своей деятельности на краеведческих конференциях, на страницах местных периодических изданий и других СМИ. Так, зав. сектором библиотеки З.П. Лещева выступала на радио «Дон православный» с рассказом о А.М. Листопадове и о деятельности библиотеки по популяризации его имени.

Специалистами библиотеки им. Листопадова составлен библиографический список «Влюбленный в песню», в который включены документы из фонда библиотеки, дайджест «Улица имени выдающегося донского фольклориста А.М. Листопадова», буклет «Летописец казачьих песен». Тематические электронные папки пополняются новыми материалами.

Библиотекой организована группа в социальных сетях ВКонтакте «Листопадов А.М. Золотое имя донской фольклористики», в которую может войти любой желающий по ссылке <http://vk.com/club68551390>.

В 2012 году опытом работы библиотеки по популяризации творческого наследия выдающегося фольклориста А.М. Листопадова заинтересовался наш профессиональный журнал «Библиополе», в результате чего на его страницах, во втором номере, была опубликована статья главного библиотекаря Ростовской городской ЦБС Кравченко М.В. «Золотое имя донской фольклористики». С

данной статьей вы сможете ознакомиться на сайте Ростовской городской ЦБС, в разделе «О нас».

Наследие А. М. Листопадова с полным правом может быть названо хрестоматией устного поэтического и музыкального творчества донских казаков.

Библиотека им. Листопадова считает важным открывать все новые грани творчества собирателя донского наследия. Планируется расширить координационные связи с Областным краеведческим музеем, кафедрой фольклористики Ростовской консерватории, организовать виртуальный музей, обновить мемориальный уголок.

САЛЬСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ (ПРОДВИЖЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТЕ С ИНВАЛИДАМИ И ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ)

Купчина Галина Дмитриевна,

Заведующая сектором
краеведческой библиографии МРБУК
«Сальская МЦБ»

Наш небольшой степной городок может с полным правом гордиться своими талантливыми поэтами и прозаиками. Сальская земля пополнила литературный мир такими именами, как члены Союза писателей

СССР – Г. С. Колесников, В.С. Макушкин, члены Союза писателей России – О.И. Губарева и А.И. Глазунов, члены Союза писателей Дона – Н.А. Тарасенко, А.П. Манько, К.И. Кутахин, Н.А. Трушина, С.В. Махов.

Всех сальских авторов объединяет литературно-музыкальный клуб «Вдохновение» при сальской межпоселенческой центральной библиотеке. Клубу более десяти лет. Он является как бы приемником основанного в 60-е годы литературного объединения при редакции газеты «Сальская степь» - «Степные колокольчики». За это время проведено более ста заседаний.

Литературно-музыкальный клуб «Вдохновение» ежемесячно посещает 25-30 человек. Особенностью нашего литературного клуба является то, что члены клуба в основном люди пожилого возраста (от 50 до 90 лет); более 20-ти из них – люди творческие – пишут стихи и прозу, издают книги. Сейчас в фондах библиотек более ста книг сальских авторов.

Появление почти каждой книги не проходит незамеченной. Только за последние два года прошли презентации книг К. Кутахина, Н. Тарасенко, А. Глазунова, О. Губаревой, С. Бычко. Особый интерес у наших читателей вызывают встречи с нашими талантливыми земляками.

Иван Григорьевич Момот - автор двух книг: «Степь – любовь моя» и «Рыцарь королевы», многих публикаций в периодической печати. Его проза на нравственные житейские темы, об истории сальского спорта, о природе и лирические стихи.

Он стал той связующей нитью, которая объединила 5 лет назад сальчан, создающих литературные произведения, поклонников их творчества и благодарных слушателей в литературно-творческий клуб «Вдохновение» при Центральной библиотеке. Всегда ответственный. Его день проходил между поездками к авторам, в редакцию, в издательство, в библиотеку. Многие говорили, что Иван Григорьевич, словно внештатный сотрудник Центральной библиотеки. Редкий день был, когда он не приезжал, не звонил, не уточнял очередную встречу авторов с читателями. Для него было главным, чтобы литературное слово сальчан дошло до читателей. Организатор и участник многих литературных встреч, с читателями в библиотеках города и района, в школах, в социальных учреждениях, презентаций новых книг, а их при непосредственном участии, либо инициативе Ивана Григорьевича вышло более 30-ти. Вдохновлял членов клуба на написание новых произведений и издание книг. Стремился, чтобы они были как в муниципальных библиотеках города и района, но и в школьных библиотеках. Распределял их лично, беспокоился, чтобы книги дошли до каждого читателя и не пылились на полках.

Стремился, чтобы литературное слово было красивым. На заседаниях клуба оттачивалось мастерство. Обязательным было участие членов клуба «Вдохновение» в областных литературно-творческих конкурсах. Делом чести считал возродить имена писавших талантливо ветеранов Великой Отечественной войны, поэтов, прозаиков, журналистов. Это был его проект «Незабытые имена». Сегодня произведения Ивана Григорьевича есть в каждой библиотеке Сальского района. Его творчество и подвижническая деятельность в области литературы остается в сердцах и памяти благодарных читателей и поклонников его творчества.

Очередная встреча в литературно-музыкальном клубе «Вдохновение» при центральной библиотеке была посвящена памяти многолетнего участника клуба, замечательного человека, писателя Алексея Манько. 1 февраля Алексею Прокофьевичу исполнилось бы 77 лет. Родился он в хуторе Раздорском Орловского района Ростовской области. Свою биографию с присущим ему юмором

описал в книге «...А свет нужен», которую назвал «жизнь на трех страницах».

Его жизнь не очень отличалась от жизни многих сельских ребят: учеба в школе, затем - фабрично-заводское училище в г. Новочеркасске, где получил специальность монтажника-высотника. Работал на стройках, служил в армии. После окончания техникума, где получил специальность зоотехника, работал в совхозе «Красноармейский», был управляющим отделением совхоза «Зерновой», затем фермером.

Последние годы Алексей Прокофьевич жил в хуторе Садовый Сальского района.

Писать А.П. Манько начал еще в школе для школьной стенной газеты. Позже свои «творения» отсылал в районную газету. Это были зарисовки, фельетоны, басни, стихи.

Затем появились повести, рассказы...

В 2004 году вышла его первая книга «...А свет нужен», в которую вошли повести «Чужое добро», «Суровое время», «Город, не обозначенный на карте», а также рассказы и новеллы.

В 2005 году выходит книга «Среда обитания», куда вошла повесть «Рябчик не птичка» (житейская история, в которой главный герой - простой, безграмотный, наивный, а подчас и мудрый, хитрый, находчивый человек Антон Кондратьевич Рябчик).

Как пишет автор, все истории, записанные им, случились с Антоном Кондратьевичем на самом деле. Подчас они забавные или даже грубоватые, а иногда анекдотичные.

В 2006 году вышел сборник повестей «В конце пути». Это житейские истории о простых людях села, их нелегком крестьянском труде и сложных человеческих судьбах.

Творчество А.П. Манько было оценено по достоинству. 15 июля 2006 года на конференции членов Региональной казачьей общественной организации «Творческий союз писателей Дона» он был принят в члены Союза писателей Дона.

Затем писатель издает книги «Еще не вечер» (2007 год), «Яблоко раздора» (2008 год), «Ай да Рябчик» (2010 год).

В апреле 2010 года за активное участие во встречах с широким кругом читателей Международный союз славянских журналистов наградил донского писателя Алексея Прокофьевича Манько медалью «России верные сыны».

Последней книгой автора стал небольшой сборник «Тяга к жизни». Рассказы охватывают самые различные исторические отрезки из жизни нашей страны - это и голодный 1933-й год, и эпизод Великой Отечественной войны, и мирное время.

Все свои книги А.П. Манько с удовольствием дарил землякам. Есть они и в Межпоселенческой центральной библиотеке, поэтому все, кто желает познакомиться с творчеством этого самобытного писателя, нашего земляка, обращаются в библиотеку.

Алексей Прокофьевич был частым гостем библиотеки. Каждую новую книгу он представлял на суд читателей, сам зачитывал из нее рассказы, эпизоды...

Все члены литературно-поэтического клуба «Вдохновение», кто знали и помнят А.П. Манько, отмечают его незаурядный талант, порядочность, скромность, честность и доброту. Во время встречи они поделились друг с другом воспоминаниями об этом замечательном человеке и писателе, выразив надежду, что память о нем будет долго жить в сердцах земляков, а его творчество будет востребовано сальчанами.

Интересно прошла в межпоселенческой центральной библиотеке научно-практическая конференция посвященная жизни и творчеству Г.С. Колесникова, которую вела директор Л.Н. Перепеч. Выступающие подробно осветили творчество писателя: публицистику, лагерную прозу, рассказы для детей. Своими личными воспоминаниями о Г.С. Колесникове поделились Ф.М. Болибок, заслуженный работник культуры, много лет проживший с ним в одном доме; Н.Ф. Черкасов, бывший директор меховой фабрики, где работал Гавриил Семенович; И.М. Фоменко, участник литературного объединения «Степные колокольчики», руководителем которого много лет был Колесников.

Презентации книг наших земляков проходят как в рамках клуба, так и в Центрах социального обслуживания, в реабилитационных центрах, в обществах инвалидов.

Практикуем также выезды в села Сальского района.

Так, в поселке Юловский группа поэтов выезжала для чествования члена клуба «Вдохновение», поэта Михаила Константиновича Мальцева. Он инвалид, но приезжает в Сальск на заседания клуба. В этот раз мы решили поздравить его там, где он живет, чтобы земляки услышали его стихи.

Начиная с 2004 года, библиотека издает биобиблиографические обзоры в серии «Голоса сальских литераторов» о жизни и творчестве сальчан. Подготовлено уже 15 таких брошюр.

В этом году подготовлен указатель художественных произведений сальских авторов – «Сальск литературный». В него включены произведения 30 авторов, которые издали более 100 сборников поэзии и прозы.

В клубе «Вдохновение» есть и свои композиторы. Более 30 песен на стихи сальских поэтов написали самодеятельные музыканты Г. Горбунов и В. Стадникова. Это очень хорошая пропаганда творчества наших поэтов.

Есть и свой художник – Г. Горбанева. Она проиллюстрировала более 40 книг авторов из Сальска, Ростова-на-Дону, Азова, Волгодонска, такие как «Кисть рябины» И. Фоменко, «Верность» Н. Тарасенко, «Во имя добра» Л. Агафоновой.

В этом году в связи с объявлением Года литературы мы заключили договор с ЦСО о проведении для соцработников и обслуживаемых ими пожилых людей циклов бесед и обзоров о творчестве российских и наших местных писателей и поэтов. Уже прошло 2 мероприятия: о творчестве А. Глазунова «Жизнь не перепишешь набело» и поэтический час «Сальские поэты о войне». На апрель – обзор жизни и творчества В. Макушкина «Человек на виду», в связи с его 80-летьем. В Макушкин работает в газете «Сальская степь» около 50 лет.

Большую помощь в продвижении произведений наших поэтов оказывает литературная газета «Степная лира». В ней печатаются стихи и рассказы членов клуба «Вдохновение». Редактор этой газеты поэт, журналист, автор 15 сборников стихов и прозы Владимир Костенко.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С БИБЛИОТЕКАМИ РОСТОВСКОЙ ПОЭТЕССЫ НАТАЛЬИ АНДРЕЕВНЫ МАЙЕР

Библиотечно-информационный центр им. Ю.А. Гагарина. МБУК «Ростовская-на-Дону городская ЦБС» пригласил на встречу с донской поэтессой Натальей Андреевной Майер.

Представила гостью Оксана Васильевна Глазунова, заведующая сектором абонементов отраслевой литературы.

Стихи Наталья Андреевна начала писать в зрелом возрасте, но уже с первых строк стало понятно, что появился замечательный поэт на Донской земле, строки которой заставляют задуматься, зовут к светлому, доброму, где жив ещё светлый мир Детства.

По словам поэтессы Розы Агоевой, Наталья Андреевна спокойно и очень просто говорит о «большом»: о смысле жизни, вечности бытия. Так пишу люди, многое пережившие, что-то переосмыслившие в себе и, возможно, прикоснувшиеся к некоей тайне.

«Простые истины» - вот свод законов внутреннего мира автора.

Создается ощущение, что она озвучивает мысли многих из нас, умеет с присущей ей редкой наблюдательностью увидеть и выразить все то, мимо чего мы мчимся в повседневной суете. Ее стихи пронизаны огромной любовью и трепетным, бережным отношением ко всему живому: «Окинь природу любопытным взглядом... Мир, полный тайн, всегда с тобой!»

От чуткого, внимательного взгляда Натальи Майер не ускользнет ничего: ни то, как воробей стащил у вороны хлебную корочку, ни воспитание непутевого детеныша мамой-кошкой, ни «в голубом просторе небосвода – Облаков торжественный парад...» - все радует, по-детски удивляет и восхищает автора.

Именно такая чистота восприятия (по словам Розы Агоевой) и позволяет Наталье Андреевне писать замечательные стихи для детей! Вышло более тридцати детских книг Натальи Майер – искренних, образных, очень живых.

Ростовскими композиторами В.Ф. Ефимовой, С. Халаимовым, А. Кудряшовым и Н. Смирновой на удивительно мелодичные стихи Натальи Андреевны написано много прекрасных песен как для детей, так и для взрослых.

С 2003 года Наталья Майер – член поэтического клуба «Окраина» при библиотеке им. Чернышевского; печаталась в поэтических сборниках «Окраина» (№6-12), «Вдохновение» (№4-6, 8), «Круг» (2005 г.), «Литературный Кисловодск» (№17-21, 24), «Литературная Кабардино-Балкария» (№4, 2006 г.); «Солнышко» (Кабардино-Балкария) (№11, 2007 г., №1, 2008 г.), в детском журнале «Осьминожек» (№14, 2009 г.); с 2002 года и по сей день ее материалы публикуются в газете «Вечерний Ростов».

(см. Приложение 3)

РАССКАЗЫ О ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

Гетажаева Ирина Арсеновна,

Библиотекарь ГБУК РО «Ростовская
областная специальная библиотека для
слепых»

Имена наших донских писателей в особом представлении не нуждаются. Их творения знает и читает вся планета.

Два Нобелевских лауреата (из пяти существующих) – из Ростовской области. Михаил Шолохов и Александр Солженицын.

Материалы по истории Донского края очень необычны и очень интересны, но, в силу каких-то причин, в фонде Ростовской областной библиотеки для слепых отражения почти не нашли.

И потому уже десять лет занимаемся мы собственной издательской деятельностью – выпускаем книги по краеведческой тематике.

Задача такова: найти увлекательный материал по теме; выбрать самое-самое; переработать так, чтобы, во-первых, легко воспринималось читателями, во-вторых, чтобы легко начитывалось дикторами, в-третьих, чтобы уместилось в одну книгу РТШ.

Страницы наших сборников – это рассказы о городах и посёлках края, о достопримечательностях, об интересных людях.

И, конечно же, это рассказы о жизни и творчестве донских писателей.

20-е и 30-е прошлого века... Юность советской власти...

Годы, когда с корабля современности предлагали выбросить в качестве ненужного балласта Льва Толстого и Петра Чайковского.

А с ними – и всех остальных!

Газетчики мечтали о славе ленинской «Искры», и ради поиска новых тем (насколько позволяли авто-средства тех лет) буквально носились по стране!

Мариэтта Сергеевна Шагинян и Александр Серафимович Серафимович.

Писатели они – очень разные. Хотя оба пытались создавать что-то оригинальное в литературе, своё. Не как раньше. Революционное.

Оба верили в прекрасное коммунистическое далёко. И старались его – из всех своих писательских сил – приближать.

Об этом кипучем периоде истории рассказывает одна из изданных у нас книг. «От поэмы до доклада» – так называли тогда произведения, объединявшие разные жанры.

Но Шагинян и Серафимовича сегодня почти не читают.

А вот следующий сборник называется «Слово о Шолохове».

Михаил Александрович Шолохов – вечен. Его читали и читают.

При жизни (хотя сам писатель категорически возражал) – улицы городов и сёл получали его имя.

С тех пор как наш молодой земляк стремительно вошёл в большую литературу, не утихает интерес к его личности, к его знаменитым произведениям, к фактам биографии.

А факты биографии – полны загадок. В основном, это события, о которых поведал он сам. И нередко – не совсем с другими событиями совпадающие. А ещё – нескончаемые дебаты по поводу авторства «Тихого Дона».

Просто детективная история.

Жаль, что не остановили на ней свой взгляд донские мастера этого приключенческого жанра.

Книга «В зеркале детектива» представит авторов, пишущих о таинственных происшествиях. В их числе – Павел Александрович Шестаков и Виталий Георгиевич Губарев.

Интересно проследить, как на страницах донской детективной литературы отражалась советская действительность. Как – в зеркале детектива – отражалось то непростое, как всегда, время.

Говорили, например, что известную повесть Губарева «Королевство кривых зеркал» замечательный детский писатель

Корней Иванович Чуковский назвал «самым добрым, самым образцовым детским детективом».

А романом Шестакова «Страх высоты» зачитывался весь Советский Союз. Этого писателя называют одним из основоположников советского психологического детектива.

А вот Нестор Васильевич Кукольник считается в русской литературе зачинателем нового жанра: историко-приключенческий роман. То, что впоследствии так блестяще представит нам Александр Дюма.

Кукольник жил в Таганроге и много хорошего сделал для своего города. О жизни этого человека – страничка в сборнике «Для чести края нашего».

Таганрожцы уже привыкли, наверное, к тому, что знаменитостей у них – хоть отбавляй!

И, конечно же, мы не могли не рассказать о самом – из них – великом.

Книга так и называется – цитатой самого драматурга: «Таганрога я не миную».

Антон Павлович Чехов появился на свет и провёл здесь 19 лет – почти половину отмеренного ему судьбой срока.

И, уже прожив большую жизнь и изрядно постраниствовав по свету, он не единожды выражал своё желание поселиться на склоне лет не в Ницце и не в Ялте, а именно в Таганроге!

Другой наш автор – не отсюда. Донцы называют его своим земляком, хотя он родился в Крыму. Но полвека жил на нашей земле. Десять лет – в Ростове и почти сорок – в станице Кочетовской.

Дон стал для писателя второй родиной.

Сборник «Сотворение литературного мира» – это материалы о жизни Виталия Александровича Закруткина.

«Как и тысячи других, я до конца жизни остаюсь солдатом», – так писал он сам.

Солдатами были и герои следующего нашего сборника.

В заглавие вынесена строчка из стихотворения Николая Константиновича Доризо – «Как нам смириться, что уходят даты».

В 41-м он, 17-летний, отправился в окопы.

Но – повезло, выжил!

Такая же участь – у Михаила Исаевича Танича. Оба, к тому же, дети «врагов народа».

А Таничу довелось ещё очень близко познакомиться с таким понятием, как ГУЛАГ.

Рассказывал, что во время следствия не били. Просто не давали спать. На десятую ночь он «сломался и всё подписал».

На шесть лет.

Доризо и Танич – авторы уже классических (на сегодняшний день) строк. Ни одно застолье – и в постсоветском даже пространстве – не обходится, практически, без «А я люблю женатого...» и без «Погоды в доме»!

И другая наша книга носит заголовком слова из песни. «Ростов-город, Ростов-Дон».

Анатолий Владимирович Софронов.

Песни его сейчас подзабылись. А полвека назад «Шумел сурово Брянский лес...» звучал с каждого патефона.

Поэт, драматург, главный редактор журнала «Огонёк». Известен тем, что создал знаменитую «огоньковскую» библиотеку и был тестем Василия Шукшина.

Уехал в столицу давно, но душа осталась здесь:

...Пальмы. Кедры. Пальмы. Эвкалипты.

Жёлтые пампасы с двух сторон...

Всё, что прицепилось и налипло –

Отметает, отмывает Дон.

Вот о том, как тяжело там, на далёкой чужбине – повествует одна из страниц сборника «Близ Азовских берегов».

На долгие десятилетия из русской литературы было вычеркнуто имя Николая Николаевича Тuroверова, в СССР стихи его переписывали тайно.

Но почти в каждой донской станице считают, что именно в ней – то ли жил, то ли проходил он с кавалерией в гражданскую.

Тuroверов – поэт, сумевший с поразительной силой выразить тоску эмиграции. И трагедию казачества, почти полностью выкошенного после 17-го.

52 года прожил он изгнанником во Франции. И всю жизнь тосковал:

Напряглась и такую осталась

Тетива наших душ навсегда.

...Чёрной пропастью мне показалась

За бортом голубая вода.

Кроме своего прекрасного поэтического дара, был этот казак ещё и историком, и издателем, и организатором роскошных выставок.

А одну из лучших своих парижских экспозиций посвятил творчеству Михаила Юрьевича Лермонтова.

О котором – следующая страница сборника.

«Отодвинутый временем, он приближен к нам нашей любовью и пониманием – это человек бесконечно прекрасный; мудрый, юный и чистый; наделённый могучими страстями и волей, пронизательным и беспощадным умом.

И раскрывая томик его стихов, мы каждый раз слышим голос живого Лермонтова», - так воспринимал российского гения литературовед Ираклий Андроников.

Но даже Ираклий Луарсабович признавался, что приблизиться (как хотелось бы!) он не смог. Слишком неординарной личностью был молодой поэт.

К большому сожалению, «Лермонтов и Дон» – это почти ничего. Проехал просто по Области Войска Донского – и всё. Возможно, со временем, исследователи и найдут в архивах что-либо интересное.

«Лермонтов и казачество» – тут немножко больше. Но, в основном, это казачество кавказское.

А вот «Пушкин и Дон» – это (в сравнении) сегодня довольно много.

Сборник, полностью посвящённый пребыванию Александра Сергеевича Пушкина в наших краях, называется «Река. Поэт. История.».

«У лукоморья дуб зелёный»?

О чём это? О том.

Все наши краеведы отвечают совершенно категорично и не признают никаких альтернатив: Пушкинское лукоморье – это Таганрогский залив, место впадения Дона в Азовское море.

Вот так – легко, воздушно, изящно, гениально (как всё простое!) – увековечил совсем ещё юный Саша Пушкин наши былинные края.

То, что принято в пушкинистике (от школьной до академической) называть «ссылкой», по официальным документам называлось «переводом на службу в попечительный комитет о колонистах Южной России». В екатеринославское ведомство Коллегии иностранных дел.

То есть, официально он отправлялся к месту своей работы.

И в советском литературоведении эта тема – «Пушкин и Дон» – практически, не освещалась.

То есть – поэт был сослан на юг и – как-то сразу – оказывался в Одессе. Или отправлялся на Кавказ – и тут же из Москвы – попадал в Тифлис.

Даже в таких изданиях, как «Пушкинские места России» и «Тропа к Пушкину» нет никаких упоминаний о Старочеркасской или Новочеркасске!

Мы попробовали по возможности свести воедино самые (более-менее!) достоверные, просто интересные, давно известные и совсем недавно опубликованные материалы по теме «Пушкинский Дон».

Трудность состояла в путанице с датами – старый и новый стиль. В начале XX века не все биографы обращали на это внимание.

Но, в конце концов, посетил Александр Сергеевич тот же Аксай – днём раньше, днём позже, для нас уже не столь важно.

Главное – посетил!

Вот такие издаём мы книги.

Предлагаем с ними ознакомиться и надеемся, что Вам будет так же интересно их читать, как нам – их писать.

КАЛИНИН

Анатолий Вениаминович

Фотолетопись жизни и творчества

**КАЛИНИН
АНАТОЛИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ**

Родился 22 августа 1916 года в станице Каменской Ростовской области в семье учителя и учительницы. Жил и учился в школах в слободе Тарасовской, городах Миллерове и Новочеркасске. С 1933 года работал литсотрудником в редакциях районных газет «Знамя коммуны» (1932 г.) в Новочеркасске; «Красное знамя» (1933 г.) станица Отрадная Краснодарского края; «Знамя коммуны» (1934 г.) в Новочеркасске; в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1935 г. С 1936 года - собственный корреспондент газеты «Комсомольская правда» в ряде республик и областей: Кабардино-Балкария (Нальчик), Армения (Ереван), Украина (Киев и Севастополь), Ростовская обл. (Ростов-на-Дону, Новочеркассск).

С июня 1941 по май 1945 года военный корреспондент на ряде фронтов - Южный, Северо-Кавказский, 3-й Украинский...

Депутат Верховного Совета РСФСР с 6-го по 11-й созывов включительно, член комиссии по Иностраным делам Верховного Совета РСФСР. Член Ленинской партии с 1946 года.

Все последние годы жил и творил в хуторе Пухляковском на Дону.

НАГРАДЫ:

Орден Ленина

№ 412947, 2 июля 1971 года

Орден Ленина

№ 451609, 16 ноября 1984 года

Орден Ленина

№ 459595, 21 марта 1986 года

Орден Октябрьской революции

№ 78421, 20 августа 1976 года

Орден Отечественной войны I степени

№ 280917

Орден Отечественной войны II степени

№ 1161070, 11 марта 1985 года

Орден Трудового Красного Знамени

№ 0508496, 20 августа 1966 года

Орден Красной Звезды

№ 148098, 27 июля 1949 года

Они счастливы: эта красивая, безгранично влюбленная пара. Хотя совсем рядом война... 1942 год.

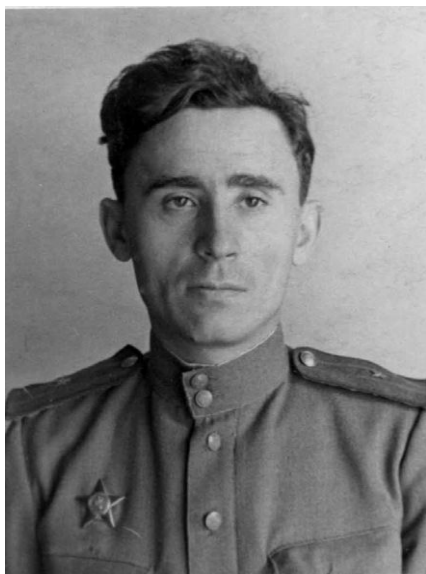
Возможно, они бы не встретились, если бы не война... «Я сразу ее заметил и сказал себе: «Это мой ангел-хранитель...» – вспоминал Анатолий Калинин, в ту пору корреспондент «Комсомолки». Мама, Саша Веракс, работала в прифронтовой газете «За нашу Родину», которая, как я понимаю, была чем-то вроде пресс-центра для военных корреспондентов разных газет, откуда можно было получить самую свежую информацию. Она подкармливала его пряниками из мешка, который доверил ей охранять главный редактор газеты. Больше никому не давала, только своему Толе. «Он был такой худющий...»

В хуторе Пухляковском. Дон разлился, как море

Мне здесь два с половиной года, то есть это весна 47-го. Первая весна в доме на самом яру, в котором наша семья поселилась летом 46-го. С этих пор я уже многое припоминаю, что-то запало в память по рассказам взрослых.

Зима была холодная, в доме день и ночь горели пять печей, дуло от пола, из окон, протекала крыша. Но я по сей день вижу перед собой молодые, красивые, взволнованно-счастливые лица родителей той поры.

Еще идет война...

Таким я его представляла, когда он пел «Поехал казак на чужбину далеку...» У Отца был прекрасный слух и очень красивый – лирический – тенор. Я выросла под песню о казаке на далекой чужбине, я долго не могла заснуть без этой песни. Отец знал много казачьих песен, пел их часто, отдаваясь пению без остатка. Но эта по сей день не отпускает меня, слившись воедино с образом Отца, отважного молодого казака, который все-таки вернулся с далекой чужбины на свой родной Тихий Дон.

Так создавались новые произведения. Конец сороковых.

Мезонин, где Отец работал и где они с Мамой спали на кровати с железными спинками, придвинутой к самой печке, был для меня чем-то вроде святилища. Оттуда днем, часто даже по ночам, раздавался пулеметный треск «ундервуда», трофейной пишущей машинки, которую Отец опозитизировал в стихах, посвященных Маме. Тринадцать крутых ступенек вверх он иной раз одолевал за считанные секунды – боялся забыть какое-то слово или целую фразу, вдруг осенившую его во время прогулки или разговора с местным казаком из тех, которые так любили бывать у молодого писателя-фронтовика. Иногда сверху раздавался его пронзительный крик: «Саша! Иди скорее сюда! Саша!» Мама тоже одолевала эту лестницу сходу – и через каких-нибудь пять секунд уже раздавался треск ее послушного «ундервуда».

Мама в казачьей бурке.

Отец очень любил эту фотографию, а Мама почему-то стеснялась показывать ее. Говорила: «Так, дурачились». Это ее довоенное фото. Подозреваю, у Саши Веракс было много ухажеров, но она чувствовала каким-то необъяснимым чутьем, что встретит Толю Калинина и ничего им не обещала, кроме своих улыбок и тура вальса на танцах.

С Александром Фадеевым в освобожденном Ростове. Еще узнаю на фотографии Виталия Закруткина и Иосифа Юдовича, с которыми Отца связывала настоящая дружба.

Невольно вспоминаю строки Анатолия Калинина:

*Фотография старая:
В гимнастерке простой
Ты приехал в пожарами
Обагранный Ростов.
И в редакции «Молота»
По пути в Краснодар
Друзьями как смолоду
Опять окружен...*

Отец очень любил Фадеева-писателя, читал вечерами нам вслух «Разгром», иные страницы знал наизусть. Его сердце пронзила смерть Фадеева – такая нелепая и такая неслучайная в те суровые годы. Отец оставался до конца своих дней твердо уверен в том, что Фадеев чист душой, что его подставляла свита. Анатолий Калинин был идеалистом – и эта черта его характера мне бесконечно близка.

Сестра Любаша и я. Бывают проблески, когда вдруг ясно вспоминаю время, когда я, как говорят, ходила под стол пешком.

А вот мы с моей любимой – старшей – сестрой Любашей, мама которой умерла в 1937 году при родах в Ереване. Отец в ту пору был корреспондентом «Комсомольской правды» по Армении и взял с собой молодую жену Любу из знаменитого рода донских казаков Сафоновых. Василий Ильич Сафонов, сам родом с Дона, был замечательным пианистом, основателем русской фортепьянной школы, директором Московской консерватории начала девятисотых. Думаю, моя сестра унаследовала свой музыкальный талант по сафоновской линии. В ту пору мы еще не знали, какая счастливая и трудная судьба ждет ее, и просто наслаждались беззаботным детством под теплым крылом родителей.

Отец с конем. В штатском пиджаке с орденом Красной Звезды на лацкане.

Люблю я эти старые, но такие четкие, ни капли не выгоревшие за семьдесят с лишним лет фотографии. Отец относился к лошадям с особой нежностью – стоит только вспомнить Грома из романа «Цыган» и его доверительные «беседы» с Клавдией Пухляковой. Когда Калинин работал в редакции газеты «Красное знамя» в кубанской станице Отрадная ответственным

секретарем, он ездил верхом во вновь созданные колхозы, писал горячие корреспонденции, сам верстал газету, вычитывал полосы. У него была мечта, которой он и меня заразил – держать дома верхового коня. Увы, она осталась неосуществленной. Надпись на обороте карандашом: «Станица Отрадная на Кубани, 1933 – саботажный – год». Калинин здесь семнадцать лет! На второй фотографии лаконичная подпись карандашом рукой Отца: «А.Калинин. Южный фронт. 1942 год».

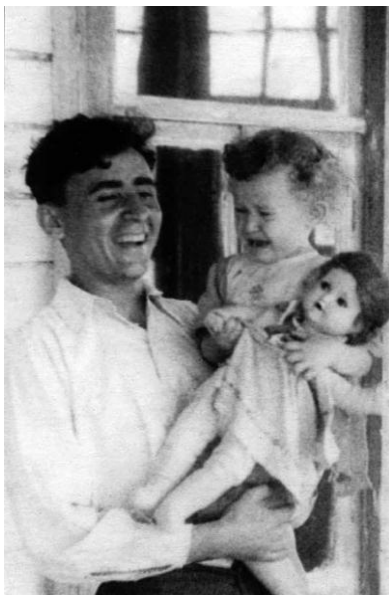

С Суровым и Вакулиным.

И еще одна фотография...

Опять-таки рукой Отца, карандашом, написано скупое: «Москва, 1941 год, редакция «Комсомольской правды», Б. Вакулин, А. Суров, А. Калинин». Бастилия Кирилловича Вакулина помню хорошо: Отец его любил и считал талантливым журналистом. Часто бывал у нас дома, сыпал шутками, озорничал как ребенок. Анатолий Суров

был известным драматургом, чья слава продлилась, увы, недолго. Такое часто случается с людьми талантливыми, но позволяющими себе всяческие поправки.

Плачу от радости – Отец вернулся с фронта!

Еще бы не плакать! Но я, наверняка, еще не знаю песню про казака, который «Просил и молил, умирая, насыпать курган у него в головах». Отец пел ее самозабвенно, и я всегда так же самозабвенно и горько плакала. И каждый раз просила его спеть на ночь про казака. «Папочка, может, он все-таки вернется? Ведь ты же вернулся...» – умоляющим голосом говорила я, заглядывая в его тоже полные слез глаза.

Отец на веслах переправляется через Дон. Я совсем не помню его с усами. Наверное, это был сорок седьмой год, год невиданного разлива нашего не такого уж и тихого в ту пору Дона.

Вместо коня пришлось держать корову – после войны нужно было выживать. И, разумеется, продолжать писать. За Доном хуторянам выделили землю под огороды и покосы. Отец и Мама сами сажали картошку, кабаки, помидоры, косили траву Зорьке. Уставали до изнеможения. Отец работал ночами в своем мезонине. Свет от его керосиновой лампы был виден даже за Доном. В

ту пору он написал рассказы «Неумирающие корни», «Братья», большие, гремевшие на всю страну очерки для «Правды», «Молота», «Комсомольской правды», героями которых стали его земляки-казаки.

Сосед Попов Николай Иванович дает урок виноградарства.

Это, вероятно, опять-таки 47-й год. Наш двор был пустырем, посреди которого росло бисерное дерево, покрывающееся по весне ярко-розовыми бусинками-цветами. Я лишь недавно узнала, что по-научному оно называется тамариск и что испокон века растет в Диком Поле, как кермек, чебрец, акация. Казаки-старожилы приносили чубуки и саженцы винограда, учили Отца, как сажать, как ухаживать за лозой. Сорта тогда выращивали замечательные: молдавский, ладанный, пухляковский, мускат гамбургский, бычий глаз, буланный... Сад у нас был богатый, но к концу семидесятых появилась филлоксера, которая почти все сожрала. Николай Иванович Попов и его жена Нимфадора Федотьевна часто заходили к нам в гости. Калинин много узнал от них из истории.

Маленькая помощница молодого садовода. Я на самом деле очень люблю землю и все, что на ней растет и живет.

Виден здесь наш двор-пустырь во всей его «красе». Вдали справа – яблоня-кислица, под которой прошло мое раннее детство. Уже посажено несколько рядов винограда. Но у Отца была мечта засадить весь сад, и чтобы виноград рос непременно донской чашей, как встарь на Дону. До сорока пудов снимали с такой чаши. Отец защищал правобережное

виноградарство – склоны наши подставлены солнцу, сами ловят его лучи. Да и донская чаша, говорят виноградари, самый лучший способ выращивать лозу, правда, трудоемкий. Но казаки в былые времена не боялись трудиться. Потом вместе с цивилизацией и коллективизацией на Дон пришла техника – и виноградники в основном переселили на левый, равнинный, берег. Появились новые сорта, устойчивые к филлоксере. Вино стало хуже – сахара не успевает набрать виноградная гроздь, посаженная шпалерой, то есть длинным рядом низких кустов, которые привязывают к проволоке. Вот и истинных ценителей сухих вин у нас теперь встретишь редко. А такие сорта, как ладанный, пухляковский, гамбургский мускат исчезли как сон.

Отец вкапывает слепки для нового виноградного сада.

И наверняка обдумывает в это время какую-нибудь фразу или целый абзац. Сколько раз видела: бросает вдруг все и бегом к себе в мезонин. Как-то даже чувяк по пути потерял, но и не подумал за ним вернуться.

Вениамин Александрович Калинин, выпускник Новочеркасского реального училища. На другой фотографии – уже Заслуженный учитель РСФСР.

Дедушка преподавал историю. Не просто преподавал – воспитывал своих учеников, вникая в их проблемы и интересы, вовремя останавливая от дурных поступков и необдуманных решений. Авторитет у старшего Калинина был очень высокий, о чем вспоминают его бывшие ученики, многих из которых он сумел направить на истинный путь. Нет-нет и заглянет к нам в дом кто-то из них. Или вдруг в разговоре человек, впервые попавший к нам, скажет: «А я, между прочим, учился у Вениамина Александровича Калинина. И если бы не он, стал бы, возможно, отпетым хулиганом. Были у меня такие задатки...». Учительская семья Калининых кочевала с места на место, из хутора в хутор, и Отец рос под выстрелы бандитов и зарева пожарищ. До конца дней вспоминал он страшный эпизод убийства человека из-за буханки хлеба.

Цимла. Черкасов, собака Чужой и мы трое возле нашего дома. На второй фотографии мужчины почему-то сняли головные уборы...

Черкасов – начальник политотдела стройки. Отец его очень ценил за бережное отношение к людям.

И снова старая фотография, а вместе с нею моя память возвращает меня в молодость моих родителей... Цимла. 1952 год. Строительство плотины и гидроузла. Вся страна следила, затаив дыхание, за тем, как взнуздывают старую казачью реку, как говорили старики, сажают на голодный паек. Но молодые верили в прогресс, в науку... Отец вместе со всеми нами почти на целый год поселился в коттедже на крутом берегу, откуда каждый день ходил на стройку. Написал о ней роман «Запретная зона», вторая часть которого долго лежала в столе по цензурным

соображениям.

В Цимле мы жили дружно и весело. Часто приезжали друзья и родственники, гостили иногда неделями. Побывал и М.А. Шолохов, которого я тогда увидела в первый раз. Моложавый, красивый, острый на язык и затейливый на веселье. Даже бабушка пела с ним казачьи песни. И танцевала на своих больных ногах. Никто в ту пору и предположить не мог, во что превратит наш тихий и чистый Дон это рукотворное море.

Мы прожили там не так уж долго, но этот период моего детства запечатлелся в моей памяти навсегда.

Наш солнечный домик на пригорке, энтузиазм Отца, проводившего дни и ночи на стройке. Разумеется, его привлекали люди, заключенные в том числе, которые в основном и построили плотину и гидроузел. ЦИМЛЯНСКИЙ ДНЕВНИК Анатолия Калинина, который я прочитала уже после его ухода из жизни, на многое заставил меня посмотреть иначе, высветив то, о чем нынче напрочь забыли. Было время, когда люди – большинство людей – радели прежде всего о благе государства, народа. Наверное, Россия нуждается в потрясении, чтобы мы все снова стали патриотами своего Отечества.

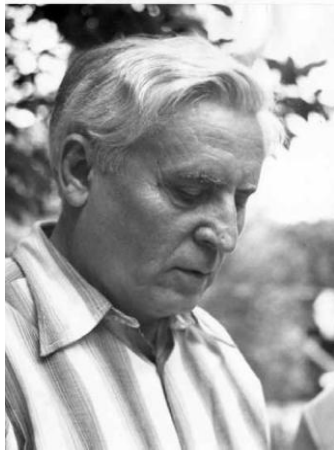

Анатолий Калинин с журналистом Борисом Шабановым. 1936 год.

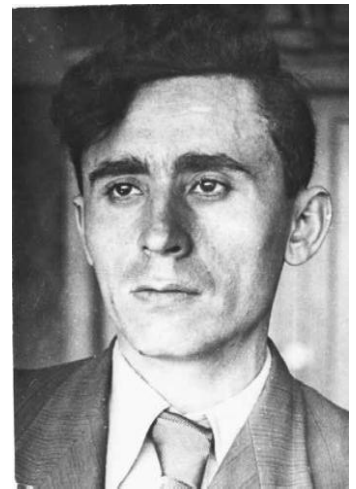
Попадаются мне все время эти черно-белые фотографии, запечатлевшие мгновения молодой, полной надежд жизни Отца. Возможно, многие из этих надежд не сбылись – Отец был романтиком из романтиков. Не исключено, последним из той плеяды. Жизнь, как говорится, внесла свои коррективы. Однако то, что было в душе, отразилось – пропечаталось – на лице. Отец был очень красив в молодости. Но ближе к

старости и в преклонные года он стал настоящим эталоном красоты. Таких лиц я знаю не много – сущие единицы. Эта, как нынче выражаются, харизма привлекала фотографов профессиональных и любителей, разумеется. В альбомах хранятся целые россыпи фотопортретов Отца. Он никогда не позировал – не умел, – а потому везде оставался самим собой.

Россыпи фотопортретов...

Вот они, эти разные мгновения его трудной, но в то же время бесконечно интересной – неунывающая натура была у Калинина – жизни. По его лицу видно все. Душа на нем пропечаталась, как говорится...

Дядя Аркаша Калинин с трубкой.

Родной дядя Отца – Аркадий Александрович Калинин. Закончил духовную семинарию. Никогда этого не скрывал. Его сын, Виталий Аркадьевич Калинин, был тем самым непокоренным капитаном легендарного танкера «Туапсе», захваченном в начале пятидесятих чанкайшистами.

Дядя Аркадий часто гостил у нас. Я видела, и не раз, как Отец смотрит на него с каким-то особенным обожанием. Помню, давно он бросил: «Дворянская кость». С явным восхищением.

Любопытная деталь, думаю, ни в коем случае не порочащая и мною любимого дедушку Аркашу. Во время войны он был одно время коммерческим директором ликероводочного завода в Ростове. Об этом прознали кое-кто из военных корреспондентов и время от времени являлись пред его очи с просьбой – от любимого племянника, разумеется, – продать либо дать определенное количество спиртного. И Аркадий Александрович давал, думая, что этих людей на самом деле послал к нему Толя. Долго и весело смеялся, когда открылся обман.

Скорей бы снова на фронт, к Саше.

Калинин не любил, когда его вызывали в редакцию, в Москву. Думаю, в первую очередь из-за того, что это означало разлуку с Сашей... И не выносил он, когда его поучали те, кто пороха не нюхал. Он-то привык давать репортажи с передовой, писать их по горячим следам или даже во время боя под пулями и снарядами. Москва и редакция «Комсомолки» жили, как и прежде, размеренной редакционной жизнью. Кстати, об этом у Отца есть замечательное стихотворение:

*Всю жизнь, как нитка за иголкой,
Тянулся я за «Комсомолкой».
И вот, впадая вдруг в каприз,
Я эту нитку перегрыз.*

*За десять лет нескладной сказки
Я не познал ни капли ласки
От всемогущего двора
На службе пылкого пера.
Всегда завешенного шторой
В глубокой нише коридора,
Где двор, меж тем, как заседал
Арабский кофе попивал.
Тогда как грешные соборы
Всегда голодные, на сборы
В кармане с черствым сухарем
Сюда слетались на разгром.
За неизбежные ошибки,
Струясь по коже потом липким,
Ломая в пальцах карандаш
И вспоминая «Отче наш»...*

Молодая бабушка Женя из рода донских казаков Чеботаревых.

Наконец мне попала эта фотография: наша бабушка Женя, Евгения Ивановна Калинина, молодая и красивая, в редчайшую минуту отдыха где-то на юге. Она преподавала русский язык и литературу, в годы Гражданской войны и впоследствии занималась ликвидацией безграмотности среди населения. Весьма успешно, я слышала. И играла в драмкружке героинь Шиллера, Шекспира, Чехова... Тяга к истинной культуре у их поколения была самая что ни на есть могучая. Отец унаследовал ее сполна.

Моя сестра Любаша. 1938 год.

Моя сестра не знала своей родной матери – ее воспитали дедушка и бабушка Калинины. Мою – нашу – маму она называет с раннего детства Сашей и считает скорее сестрой или закадычной подружкой. С Любашей мы обычно общались летом – она жила в Новочеркасске, впоследствии в Москве, проявляя большой талант и настоящее трудолюбие к музыке, к фортепьяно. Вот почему, наверное, для меня до сих пор самое счастливое время года – лето. Мы и сейчас видимся с ней главным образом летом...

С бабушкой Нюрой и с Женей, моей двоюродной сестрой.

Анна Михайловна Веракс, моя бабушка Нюра, жила с нами до самой смерти. Она была и остается для меня всем на свете. Дедушку Юлиана посадили по навету в 1938 году – ко всему прочему он был поляком, католиком, ходил в костел и высказывался не слишком лестно о властях. Мама, как дочь врага народа, не имела право на высшее образование и

стала работать машинисткой. Возможно, в силу всех этих обстоятельств ей было суждено встретиться с Отцом. Моя двоюродная сестра, Женя, – младшая дочь дяди Бори, родного брата мамы. Мы были очень дружны в детстве.

Тетя Люба. Казачья стать сказывается всегда и во всем.

Старшая сестра Отца, Любовь Вениаминовна, была настоящей красавицей-казачкой.

Рано уехала

в Москву, вышла замуж – и стала истинной москвичкой. В молодые годы неохотно вспоминала свои детство и раннюю юность и никому из подруг и знакомых не хвалилась своим казачьим

происхождением. Потом, уже на

склоне лет, вдруг ощутила тягу к родным корням и часто вспоминала голодное детство, родителей, своих подруг. В ней чувствовался большой природный талант, проявлявшийся во всем: пела в хоре на Всесоюзном радио, делала модные шляпы, вязала, прекрасно готовила, отличалась незаурядным даром рассказчика. Была отзывчива на чужую беду. И очень гордилась своим знаменитым братом.

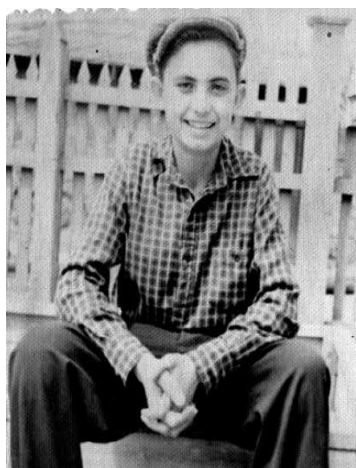

Наш милый старый дом на фоне «Победы» – в ту пору самой модной машины.

Так в начале пятидесятых выглядел наш дом – к тому времени ему было больше полувека, а ведь его задумали как летнюю дачу для инженера-путейца из Питера. Но дом построили добротно, из отличных досок. И с большой выдумкой: вроде бы похож на казачий курень с прохладными в жару низами, но есть и мезонин, в котором летом, кстати, удушающее жарко. Зато открывается оттуда фантастически красивая панорама на Дон и Задонье, а с северной стороны – на наши знаменитые скифские курганы, хранящие и по сей день свои тайны. Машина

у окна не наша – это приехали из Москвы Александровы, родственники по линии мамы. Владимир Леонтьевич работал в КБ у Туполева и был потомственным дворянином, о чем не боялся говорить вслух. Тетя Валя, двоюродная сестра мамы, красавица и сердцеедка, вышла замуж за человека старше ее на двадцать с лишним лет, о чем ни разу не пожалела.

Вот они с мамой ... А тут еще подросли папа с бабушкой и овчаркой Булькой, моей ровесницей. И дерево у порога еще совсем юное, тонкоствольное...

Мой брат Сергей. Ему здесь шестнадцать лет. И потом, уже вдаль и сам по себе. Жалею, что мы с ним совсем мало времени провели вместе. Как и все военные, жил на чемоданах.

Мой брат Сергей старше меня на пять с половиной лет. Мы очень любили друг друга в детстве – он обычно проводил каждое лето в Пухляковке. Был красив восточной – жгучей – красотой. Местные девушки все до одной влюбились в него, да и он был не прочь поухаживать за ними. Помню, я, тогда еще босоногая девчонка, ревновала его к ним. По вечерам у брата была своя, отдельная от

меня взрослая жизнь, зато днем он принадлежал мне безраздельно. Ходили на рыбалку, он читал мне вслух новеллы о Шерлоке Холмсе и романы Майн Рида. Потом, когда увлекся фотографией, снимал меня в цветах, верхом на собаках, с подружками. Увы, у нас не осталось совместных снимков – брат забрал их в свой последний приезд, собираясь увеличить, сделать портреты. Так и не успел... Жил последние годы в Таллинне, куда его забросила военная служба. Страдал от преследований местных властей-ксенофобов, от своей оторванности от родины. Но дети не хотели уезжать из

Эстонии. Наказал строго не сообщать Отцу о своей смерти. Мы долгое время и не знали ничего... Перед вами несколько «шедевров» Сергея Анатольевича Калинина, запечатлевших меня, свою любимую и послушную фотомоделю.

Отец качает воду из скважины на самом солнцепеке. Совсем как в Древнем Риме.

Вот таким образом мы добывали воду в пятидесятые-шестидесятые годы. Из скважины, пробуренной посреди двора. Сперва качали вручную, мотор появился позже, но он часто выходил из строя. Отец любил качать воду, носил ведра под кусты винограда, радовался, как наливаются соком кисти на лозах, напитавшихся влагой. Каждый день Отец обходил двор, любя

и хорошо зная все его уголки. Не разрешал убивать змей, подкармливал ужа, который долгое время жил у нас за порожком. Зимой в наш двор слетались – и слетаются по сей день – птицы из всех окрестных лесополос и задонского леса. Отец сам мастерил для них кормушки, каждое утро наполняя их семечками, крошками, пшеном...

Отец с Феней, бабушкой и тетей Варей возле нашей «Победы». 1956 год.

Этот снимок сделал мой брат Сергей – я даже помню, как долго он «мостился», прежде чем выбрать подходящий ракурс. Был знойный июльский день. Отец только что сходил к воротам за почтой, он держит ее в руке, которой обнимает Феню – она «пристала» к нашему берегу в начале пятидесятых и

долго жила вместе со взрослым сыном, помогала обрабатывать огород, любила рассказывать всякие страшилки-небылицы. Бабушка с тарелкой – спешила в летницу – почему-то мы называли ее «землянкой», – где готовила на большой печке обед. Тетя Варя, ее родная сестра, каждое лето приезжала к нам из Москвы. Отдыхала, набиралась сил. Помню, за наш большой овальный стол в столовой в редкие дни садилось менее десяти человек. Жили дружно и весело. Атмосфера в доме не располагала к мелким склокам и раздорам.

Наш дом со стороны Дона. Шестидесятые годы.

А вот так наш дом смотрелся со стороны Дона, из-под яра. Увы, он пережил варварский ремонт – круглая ветхая веранда наверху, где мы любили спать в июльскую жару, заменена небольшой прямоугольной, на которой всей семьей уже не поместиться. Мимо

нашего дома вилась тропинка, по ней добирались в станицу Раздорскую. Пеши, верхом на лошадях, на двуколках, велосипедах и даже мотоциклах. Живописная была дорога: через вербный лесок, мимо кручи под названием Маяк, а справа наш остров, на котором, как утверждают гиды туристических теплоходов, свили себе гнездышко князь Владимир Игоревич и его возлюбленная Кончаковна. Легенда легендой, но когда-то здесь было Дикое Поле. Отец часто рассказывал мне о тех временах. О смельчаках, охранявших границы Русского Государства. Он гордился подвигами донских казаков и знал хорошо историю родного края.

Юлиан Доминикович Веракс и Анна Михайловна Захарова, по мужу Веракс.

Эти портреты обнаружались случайно – завалились у кого-то из московских родственников. Моя бабушка Нюра в войну оставалась в оккупированном Ростове и все ее фотографии и документы пропали бесследно. Она скупно вспоминала свою замужнюю жизнь – плакала, рассказывая о Юлиане, с которым прожила более тридцати лет. Не пожалели человека, который защищал Отечество еще в Первую

мировую, имел награды... Мама не скрыла от Отца, что она – дочь так называемого врага народа. «Я застрелю человека, который написал на него донос», – пообещал Отец и непременно исполнил бы свое обещание, тем более, что этот мерзавец во время оккупации отправил в газовую камеру еврейскую семью. Мама и бабушка буквально повисли на его руке, не желая, чтобы он брал на свою душу столь тяжкий грех, как убийство. Рассказывали, доносчик и палач вскоре умер своей смертью в страшных мучениях. В детстве мне очень хотелось, чтобы Отец его застрелил. Теперь я понимаю: воспоминания об этом страшном самосуде свели бы его в могилу раньше срока.

Во дворе у семьи Чоры.

Это наши соседи, Чора, которые спасли родителей от отравления газом. Дело было в середине

девяностых и к Отцу в ту пору власти относились с явным пренебрежением, а один бывший полицей, подвыпив, говорил, остановившись у наших ворот: «Давненько я не вешал коммунистов».

Отец не скрывал никогда своих

убеждений, не сжигал публично партбилет, не выкидывал его в урну, как это сделали многие отъявленные карьеристы. Фактически, родители в ту пору жили в опале, и никому до них не было дела. Не проверяли много лет ни состояние дымохода, ни газового котла. Анфиса Ивановна Чора пришла как-то поутру к нашим, наткнулась на запертую дверь... Заподозрив неладное, велела своему деду, Георгию Николаевичу, открыть стамеской раму. И Отец, и Мама уже лежали на полу без чувств. Вызвали скорую. Суетились вокруг Отца, а про Маму словно забыли... Тогда вмешался Кравченко Леонид Васильевич, он же директор совхоза-техникума в ту пору. Дал нагоняй врачам, снабдил горючим для поездки в Шахты. Страшно нам с сестрой было в самолете и по дороге из аэропорта – тогда еще не было мобильных. Застали родителей уже в сознании, но они провалялись неделю в больнице города Шахты, где к ним относились со вниманием и любовью. Простые люди, окружавшие всегда нашу семью, любили Отца искренне и во все времена. Именно они стали героями произведений Анатолия Калинина. Согласитесь, их судьбы гораздо интересней и содержательней своей непредсказуемостью и непредвзятостью суждений и поступков судеб больших чиновников от власти. Фотография сделана еще до этого страшного случая отравления – семья Чора всегда была для нас родной. Кстати, эта молдавская фамилия попала в Восьмую часть «Цыгана» Анатолия Калинина.

Саша, тогда еще Веракс, с политруком Захаровым. 1942 год.

На обороте подпись рукой Отца: «Старший политрук редакции армейской газеты 56-й армии Иван Захаров диктует статью машинистке Александре Калининой»...

И в памяти нетленная

*Товарищей семья:
Редакция военная,
Армейская, твоя.
И вот уже воочию
Я вижу тут как тут
Бессонный твой рокошующий
Ночами «ундервуд».
И тем вражду я прочную
Друзей своих снискал,
Что я тебе не в очередь
Заметки диктовал...*

Признался Отец мне уже на склоне лет, что ужасно ревновал Маму к редакционным работникам, молодым корреспондентам, всегда так и вившихся вокруг красивой и улыбочливой машинистки. «Я уезжал на фронт, а она оставалась среди них. Страдал я, хоть и знал, уверен был, что она верная, не кокетка и не ветреница. Убеждал себя в этом – и все равно страдал...» Не могу оторваться от юных лиц родителей. Не могу не восхищаться их столь красиво во всех отношениях прожитой жизнью.

Разведчик Пятого Донского казачьего корпуса генерала Селиванова Жук Олег Витальевич и молодые Калинины. Сочи. 1948 год.

Мне снова не дает покоя военная тема... Ни на один день не утихает в нашем мире кровавая вражда. Мы с Отцом часто говорили об этом. «Я думал тогда, в сорок пятом, что мир воцарится надолго. Многие так думали, – как-то признался Отец. – Очень жаль, что мы ошибались...» Кое-кто после войны еще продолжал носить военную форму, Отец же сразу сменил ее на гражданский костюм. Думаю, гимнастерка и китель напоминали ему не только о крепкой дружбе, спаявшей воедино казаков Пятого Донского и корреспондента «Комсомольской правды» Анатолия Калинина, а еще и о крови, пролитой во имя мира. Гораздо позже, уже в семидесятые, Отец написал стихотворение, строки которого теперь цитируют многие: «Никого на земле не обидеть, Ни слезинки чужой не пролить». Наступит ли когда-нибудь такое... божественное время?..

Такие молодые и такие красивые. И так друг друга любят...

Это мое любимое фото. Увидев его еще в раннем детстве, я сказала бабушке Нюре, меня растившей: «Хочу встретить такую любовь, какая была у моей Мамы». «Почему была? – спросила бабушка. – Она и есть. И будет». На что я, пятилетняя, ответила: «Любить могут только молодые. Любовь – это очень красиво и... страшно», – почему-то добавила я, еще не сознавая смысла сказанного. Очень не скоро осознала. Страшно потерять любовь – вот что я, наверное, тогда имела в виду. Почти все теряют, завязнув и погрязнув в мелочных проблемах каждодневного быта. У моих родителей было много проблем, связанных с бытом, тем более, что лишних денег в нашей семье не было никогда. Они не потеряли. Стойко боролись за свою любовь. И она победила.

Надпись на обороте рукой мамы, за которую мне, думаю, влетит – она заклеила ее бумагой:

«Милый мой, я вовсе не лучше тебя, как ты думаешь. Ты очень хороший и для меня лучше тебя нет никого. Если бы ты знал, как я люблю тебя. И потеря, о которой ты говоришь, для меня равносильна смерти. Любящая тебя Саша 7/IV-42 г.»

Она взяла и сожгла все свои письма к Толе. Без его ведома, разумеется. Его письма к ней сохранились, но она позволила процитировать из них только стихи.

С Марией Степановной Кашириной на берегу Дона.

Судьба этой женщины и даже ее фамилия – Каширина – послужили толчком для создания повести «Возврата нет». Не сразу, а в ретроспективе времени, то есть лет через пятнадцать после того, как Мария Степановна Каширина вышла замуж и уехала в Москву, Калинина вдруг потянуло окунуться в то нелегкое

послевоенное время, когда вернувшиеся с фронта герои увидели, что наши русские женщины, казачки, взяли в свои руки самую тяжелую работу по восстановлению страны из руин. Мария Степановна была душой нашего Раздорского в ту пору района. Занимая должность председателя райисполкома, она колесила от зари до зари, заглядывая в каждый самый отдаленный хутор. И у нас часто бывала... Присядет ненадолго в тенечке, расскажет что-нибудь смешное или грустное, выпьет холодной воды – и в путь. На двуколке, верхи, а то и пешком – босиком или в кирзачках в зависимости от погоды на дворе. Не было при ней никакой свиты, корреспондентов, даже личный шофер чаще чинил старенькую машину, чем ездил на ней. Перо писателя-романтика, каким был Анатолий Калинин, возвеличило нашу русскую женщину во всех отношениях. Читательницы платили ему за это самой искренней любовью, с нетерпением ожидая новое произведение своего любимого автора.

«Тебе все те же двадцать три и я ни часа не прибавлю...»

А это, думаю, середина семидесятых. Отец смотрит на Маму так же внимательно и с такой же любовью, как тогда, в Ольшанке, увековеченной им в стихах, где вдруг так пламенно и прекрасно вспыхнула их любовь... Я обожаю эту фотографию, это мгновение,

подловленное каким-то неизвестным, но, думаю, очень мудрым фотографом. А ее взгляд говорит: «Толя, ты вся моя жизнь...»

Принцесса в цветах.

Это снимок моего брата Сергея. Здесь, в Пухляковке, в клумбе возле дома. Помню тот жаркий августовский

день как сейчас... Отец сидел в тени под деревом в шезлонге, о чем-то своем думая, как вдруг сказал брату: «Принцессу посади в цветы. Нет, косынку не снимай. Она у нас особенная принцесса – дитя природы и всех зверей и птиц». «И змей тоже», – добавил брат, который уже отругал меня за то, что я надевала на шею ужа, как это делали все деревенские мальчишки. Ведь он-то вырос в городе.
...Помню, нам всем троим влетело за то, что помяли цветы.

Родители Вениамина Александровича Калинина, то есть дедушка и бабушка отца. У Александра был замечательный бас-профондо, из-за которого его хотели взять в Мариинский театр.

Не могу не процитировать несколько строф из поэмы Анатолия Калинина «И вешних крыльев плеск...», посвященной его любимому Новочеркасску. Потому что лучше, чем Поэт, не скажешь:

*И замирал Новочеркасск,
Когда над зеркалом простора
Гремел как гром профондо-бас
Из врат распахнутых собора.*

*На гребнях волн он доставал
До самых дальних богомольцев,
О чем я позже всех узнал,
Поскольку был я комсомольцем.*

*Отец, храня меня от бед,
И мне не смел проговориться,
Что смог до вахмистра мой дед
Своим профондо дослужиться.*

*Сам Петербург, успев узнать
Про сей бельканто исполинский,
Не в силах был его зазвать
Звучать со сцены мариинской.*

*И не казною ослеплен
С соблазном ласк из ложи царской,
Ни чином новым обольщен,
Не бросил Дон казак черкасский.*

*Чтоб внук той верности урок
До настоящего момента
От глаз генсеков уберег
И кинокамер президентов.*

Эта фотография лежала в архивах сестры Любаши, которую я называю фотолетописцем нашего семейства. Она гордится нашими казачьими корнями, а я горжусь ею, не растерявшей за долгие годы жизни в Москве свою любовь к Дону, казачеству, корням.

Могучее, красивое дерево. Столько интересных встреч было под его раскидистыми ветвями.

Как только ни называли это дерево – и клен, и кудряш, и американский тополь, и вяз... Такого дерева я не видела больше нигде. По весне оно выбрасывает пахучие темно бордовые кисти соцветий, вокруг которых громко гудят пчелы. Ему уже за семьдесят, этому великану, а то и больше –

толком не знает никто. Росло точно такое у порога, но в него попала молния, и теперь на его месте от корня тянутся вверх два ствола. Все мое детство прошло под этим вязомкудряшом. В его прохладной тени на простой деревянной скамейке сидели знаменитые писатели, художники, кинорежиссеры, актеры и просто замечательные люди. Он же, этот вязкудряш, стал героем и «Лунных ночей», и «Сурового поля», и многих других произведений Анатолия Калинина. Впрочем, как и вся наша донская природа.

С писателем Александром Бахаревым. Конец сороковых.

Им было о чем поговорить. Отец любил Александра Арсентьевича Бахарева, дорожил его дружбой. Если бы старое подворье заставить заговорить и вспомнить былое...

Фотография тех времен: Калинин и Бахарев сидят на нашей обшарпанной, но такой дорогой моему сердцу веранде. Это

на ней мы не раз слушали с Отцом Первый концерт Шопена под шум листвы акаций на яру, в который вплетался птичий щебет. Мы слушали на этой веранде много классической музыки, но почему-то я вспоминаю, прежде всего, Ми-ми-норный концерт Шопена, про который Отец вдруг сказал: «Будто он (Шопен) видит и серебро воды, и золото речных отмелей, и эти трепещущие на ветру нежные былинки ковыля на склонах наших бугров... Как же тосковало его бедное сердце в разлуке с Родиной!»

Калинин и Никулин. Я прозвала их в детстве профессор и академик.

Мне, совсем маленькой, разрешали присутствовать при долгих задушевных беседах Отца с Михаилом Андреевичем Никулиным. Сидела, помню, затаив дыхание, разумеется, не все еще понимая из их умных разговоров. А говорили они о литературе, музыке, об искусстве вообще. Никулин был поклонником русского

критика Стасова, а тот, в свою очередь, поклонялся «Могучей кучке» и подчас больно щипал Чайковского, любимого мною с детства композитора, считая его западником. Помню, Отец вдруг вступил с Никулиным в спор, сказал: «А для меня музыка Чайковского – сама Россия. Не знаю музыки более русской и более прекрасной

именно этим, чем музыка Чайковского. Но он не замыкался на русской тематике, его интересовало буквально все. И Моцарта он обожал, как дитя. Прыгал от радости, когда, не помню кто, подарил ему на Рождество собрание сочинений Моцарта...» Я была тогда (и сейчас тоже!) целиком на стороне Отца, хотя хранила молчание. Когда Никулин ушел, Отец сказал мне: «Мир богат и разнообразен. Думать одинаково, либо обращать кого-то в свою веру скучно и бесполезно...» Эту последнюю фразу я запомнила на всю жизнь.

«Я всегда знал, что встречу ее... Без нее я бы не написал: ни «Цыгана», ни «Суровое поле»... Ничего бы не написал». (Анатолий Калинин).

Она работала до войны в Азово-Черноморском пароходстве и не ведала о том, какая нелегкая, но и счастливая судьба ее ожидает. Она была тогда Сашенькой Веракс. В самом начале войны поступила на работу в редакцию военной газеты, случайно поступила, только потому, что машинистка сломала ногу и не смогла отступать вместе с газетой и нашей армией. Никто не спросил у Саши ее биографию, как это дела ли раньше – не до

того было. Вот таким образом дочь врага народа стала машинисткой редакции армейской газеты «За нашу Родину», где и встретила своего единственного на всю жизнь Человека.

...Эти старые фотографии всегда возвращают меня в волшебный мир Большой родительской любви.

«Я не могла не встретить Толю. Я потеряла отца. Жизнь просто обязана была вознаградить меня за эту потерю... Толя словно всегда был где-то рядом...»

А он, ее Толя, мотался по всей стране. Кубань, станица Отрадная. В семнадцать лет Анатолий Калинин уже ответственный секретарь газеты «Красное знамя». Его репортажи, очерки, заметки публикует «Комсомольская правда», «Молот»... Ночами он читает, восполняя

пробелы в образовании. Совсем как Мартин Иден из одноименного романа Джека Лондона... Поколение моих родителей боготворило этого писателя. Ему поклонялся и Эрнест Хемингуэй.

И Саша много читает. И тоже Джека Лондона. Еще русскую классику. Мечтает... Ей тесно в том провинциальном мирке, где привелось появиться на свет. А тут еще эта трагедия с отцом, которого вся семья горячо любила.

Быть может, представлялся он ей Лоэнгрином или Андреем Болконским... Правда, она говорит, что влюбилась в военного корреспондента «Комсомолки» Анатолия Калинина с первого взгляда, еще даже не зная, кто он.

В нашем доме все поклонялись балету. Моя сестра Любаша и кузина Светлана. Вот только пуанты забыли надеть.

А вот Отец и его старшая дочь на лавочке, вероятно, в Новочеркасске. Мне кажется, Отец даже не заметил фотографа, думает о чем-то своем, как всегда, а Любаша, как будущая артистка, смотрит прямо в объектив и слегка улыбается. Знает, что она красива и, что еще важнее, невозможно обаятельна, как выразился один из ее многочисленных поклонников.

Отец всегда был красив...

И больше мне нечего сказать по этому поводу – фотокарточки говорят сами за себя. Думаю, современные рекламодатели гонялись бы за Калининым толпами. Черты лица вытачивает жизнь, которой живешь, мысли, чувства, мечты... Мой Отец всегда жил на светлой стороне бытия, хотя, безусловно, знал и о существовании темной его половины или, быть может, куда более значительной его части.

На нашем подворье всегда было много солнца....

Отец любил эту красную клетчатую рубашку. Надевая ее, возможно, думал о Будулае... Маркиз требует к себе внимания. Ну, а Вова, Вовочка, совсем недавно пришел к нам под ворота с удавкой на шее и перебитой лапой. Как и Папа, он умер в 2008 году. Ровно за два месяца до ухода Хозяина.

Звери и птицы в нашем доме пользовались и продолжают пользоваться особым почетом и уважением. Маркиз, рыжий пес, обожал Отца, который

не выходил из дома без лакомого кусочка для него. И стихи Калинин Маркизу посвящал. И всем другим собакам, обитавшим в разное время в нашем доме. На коленях у Отца – кошка Пеструшка в юном возрасте. Ее потомство по сей день плодится, приумножая наш и без того богатый «зоопарк».

Наш Карлушка. Всеобщий любимец. Даже по центральному телевидению его показывали.

Этого тогда еще желторотого галчонка нашел Отец под листом шифера, куда он забился от кошки, успевшей его изуродовать на всю жизнь. Карлушка стал полноправным членом нашей семьи. По утрам здоровался громко и радостно со всеми нами, обожал свежий творог и бананы, ворчал сердито, если ему кто-то по неведению предлагал земляных червей. А вот медведок, которых в нашем огороде превеликое множество, очень любил и

расправлялся с этими хищными тварями одним точным ударом клюва. Как и Отец, не переносил, когда я включала кофемолку или дробилку зерна. И музыку любил только мелодичную – классическую. Прожил восемь лет. Когда он умер в апреле 2008, Отец сказал: «Теперь мой черед...»

Весна – радость не только для молодых. Наша знаменитая беседка, которой давно нет.

В нашем дворе, в нашем доме всегда все было просто, без излишеств. Быть может, слишком просто. Отец любил растворяться в природе, в окружающем его мире

зверей, птиц. Он не обращал внимания на то, какая стоит мебель, из какой тарелки и какой

вилкой он ест – лишь бы они были чистые, а еда пускай простая, но вкусная. Наша беседка, оплетенная «изабеллой», грубые деревянные лавки, покрытый простой

клеенкой стол – мне все это тоже очень нравилась и я плакала, когда беседку сломали, построив к 90-летию Отца вместо нашей летницы из ракушечника кирпичный домик с верандой, который, впрочем, очень быстро обжили наши кошки. Вспоминаю наш один из последних разговоров с Отцом. Почти все они происходили в столовой, на диване – тут и телефон, который звонит беспрестанно, и теплая батарея, к которой Отец последнее

время так и жался.

– Не надо ничего менять в этом доме, – сказал он, не глядя на меня. – Он живой, мы с ним всегда жили душа в душу. Не соглашайся ни на какие большие ремонты.

– Не соглашусь. Я сама их ненавижу.

– Ты в меня. Я всегда старался сбежать из дома, когда тут шел ремонт.

– Но пять лет назад остался, помнишь? Вы с мамой спали в низах, не было ни окон, ни дверей, кошки и собаки спали вместе с вами на кроватях. А я каждый день ночевала в разных комнатах или во дворе.

– Тогда Владимир Федорович Чуб меня уговорил. Сказал: «У вас знаменитые люди бывают, иностранцы, мне стыдно, что такой известный писатель живет в неподобающих для него условиях. Вон Кугультинову какой дом выстроили...»

– Я помню этот разговор. Но ты сказал все-таки «нет». Поблагодарил и отказался. А через два дня приехала целая бригада рабочих, помнишь?

– Я не смог их выгнать. Это было бы неуважением по отношению к простым добрым людям. Да и мама сказала, что дом скоро завалится. Но ты стой на своем. Он никогда не завалится.

– Ты куда-то собрался? – спросила я, чувствуя, как мои глаза наполняются непрошеными слезами. – Тут без тебя будет... невыносимо.

– Я буду здесь. С тобой и с мамой. – Он обнял меня за плечи и смахнул украдкой слезинку. – Мама... Саша, она привыкла быть независимой...

К счастью, в это мгновение позвонил телефон и мой «братушка» – наш однофамилец из Усть-Донецка Калинин Михаил Макарович, – как всегда бодрым голосом рассказал

какой-то очень уж смешной анекдот. Папа взял трубку и тоже смеялся. По его щекам бежали слезы...

Два Калинина. М. А. и А. В. Очень родственные души.

Михаил Макарович из тех людей, которые, занимая хорошие должности – он был долгое время председателем крупного рыбацкого колхоза, – не стяжут себе никаких богатств. Не перевелись еще на нашей земле такие личности, именно личности, а не всякие фуфло. Кому не застилают глаза Майами, «мерседесы», банковские счета в оффшорных зонах. Без лишних слов сделает доброе дело, считая это своей

прямой
обязанностью. А
его чувство юмора
не раз спасало

меня от депрессии. Наверное, не только меня. Отец дня не мог прожить, не поговорив с моим «братушкой» по телефону. Особенно в последние годы. И приезжал он к нам часто. Читал свои юмористические стихи и целые поэмы. Думаю, их герои побаиваются его всерьез.

С казачатами из кадетского корпуса в своей любимой беседке.

Отец любил встречаться с молодежью, с детьми. Он никогда не подстраивался под них, а, напротив, заинтересовывал их ненавязчиво «взрослыми» темами. В основном, темой любви к нашему краю, к людям, ко всему живому. Мальчишки и девчонки

потом писали рефераты на тему встречи с писателем Калининым, присылали ему по почте, привозили сами. Чувствовалось, что многие после встречи с Отцом всерьез задумывались о состоянии нашей природы, загубленной химическими отбросами, серой, которую возят по Дону подчас в насыпку, пренебрежением людей к своей прямой, Богом завещанной, обязанности любить и беречь наших меньших братьев. «Они очень отзывчивы на добро, – сказал как-то Отец после встречи с молодежью. – Но мы сами часто отпугиваем их своим равнодушием, непониманием, невниманием к их идеям, наконец, к их запросам. Мальчик пожаловался мне, что принес домой щенка, а мама сказала, если он не отнесет его назад, она не купит ему велосипед... – В глазах Отца было явное страдание. – Мальчик отказался от велосипеда, но мама все равно выкинула щенка на улицу...»

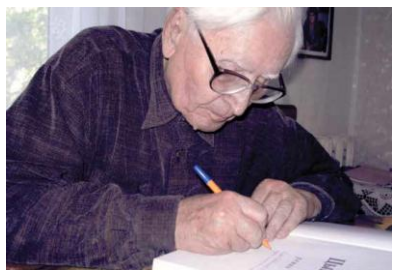
Весна 1994. Последний на моей памяти разлив нашего батюшки-Дона. Затопило половину лестницы, ведущей на нашу усадьбу.

Разлив – это воля, что-то древнее, пахнущее Диким Полем и даже тем временем, когда здесь, в наших краях, еще не ступала нога человека. Мы часто говорили с Отцом на эту тему. Он сумел с раннего детства заинтересовать меня историей и даже

предысторией нашего казачьего края. Рассказывал о скифских курганах, в которых хоронили павших в битвах героев. «Каждый воин подходил и кидал в могилу горстку земли. Вот и появился наш Володин бугор...» Не знаю, выдумал он это или так было на самом деле, но Володин бугор, как и хутор Вербный, присутствует во всех произведениях Анатолия Калинина. Это – среда обитания его героев. Особенный, неповторимый мир идеальной влюбленности и любви, по-калинински обостренного восприятия долга, совести, чести, великодушия и даже всепрощения в его широком и умном смысле. Зло – это камень на душе, удавка на сердце. И еще: несмотря на свою искреннюю любовь к людям и желанием помочь им делом, словом, всем, чем угодно, Калинин любил одиночество, уединение, чурался шумных сборищ... «Я бы просил друзей, горячее жалея, Меня освободить от дат и юбилеев...» Это он научил меня мечтать и тосковать по идеалу, пускай даже недоступному.

...А Дон, я думаю, еще не раз разольется. И грустно мне оттого, что я не смогу постоять рядом с Отцом на берегу свободно разлившегося Дона.

Автографы... Еще, еще...

Сколько книг подписал за свою жизнь Анатолий Калинин?.. Знает только Господь. А ведь он не просто расписывался в книге, желая здоровья, удачи и так далее, – целую эпитафию писал. Иногда даже в стихах.

Расспрашивал у человека, откуда он, кто по профессии, изучал внимательно лицо... Если Отец виделся раньше с этим человеком, знал его с той либо иной стороны, он и писал что-то такое, что высвечивало в этом человеке главное, интересное.

Что касается его отношения к книгам вообще, то это, пожалуй, стоит выделить особо. Тот список,

который Отец составил в десять! лет и книги из которого доставал, что называется, любой ценой – покупал на развалах, менял на хлеб, брал в библиотеках и у друзей – дорогого стоит. Сколько

раз просила я вспомнить его подробно названия книг из этого списка – и каждый раз получалось все заново. То есть добавлялись еще имена и названия, еще и еще...

– В девять лет я прочитал рассказы Джека

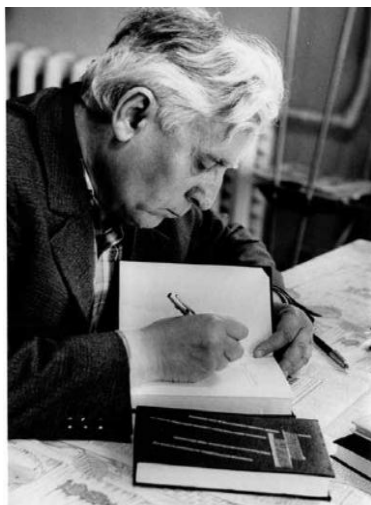

Лондона и собрался бежать в Америку, – сказал он как-то в редкие минуты досуга и уединения. – Меня всегда влекла эта страна, в которую влюбил и Джек Лондон, Марк Твен, потом Хемингуэй и Фицджеральд. Но той страны, которую они изобразили, на самом деле не существует, понимаешь?

– Да. И той, о которой пишешь ты в «Цыгане», например, тоже, – согласилась я.

– «Над вымыслом слезами обольюсь»... – Отец часто любил повторять эти строки. – Но для меня

мои герои реальней многих живых людей. И ближе. И родней. Хотя без друзей, без моих земляков я бы не смог ничего написать. Мои повести и романы и о них тоже. Не знаю, из чего получается этот сплав, который вдруг выплескивается на страницы. Да и зачем мне это знать? Я никогда не составляю плана произведения, которое пишу, я не всегда знаю, куда заведут меня мои герои, но я им верю, я их люблю, страдаю и плачу вместе с ними.

– Эта невидимая обычным глазом грань между жизнью и вымыслом замечательно показана у тебя в «Суровом поле».

– Возможно. Правда, сейчас я бы сделал все иначе. Как – не знаю. Но в творчестве властвует негласный закон: не переписывай свои произведения, написанные давно и даже недавно. Ведь ты уже не поймал то настроение, то состояние души, в котором создавал их. Не думаю, чтобы Репин переписывал свои картины или Чайковский свои ранние симфонии и оперы. Бывают, конечно, исключения, но, мне кажется, и писатель, и художник, и композитор не должен вмешиваться в самую суть произведения. Техника письма – да, она иногда нуждается в исправлении. Я правлю гранки всех изданий и переизданий, но это касается отдельных

слов, повторов, знаков препинаний.

– Михаил Андреевич Никулин называл тебя русским Флобером, помнишь?

– Да, конечно. – Отец вздохнул. – Любил я этого человека, писателя, мыслителя. Знал он хорошо классическую музыку, много читал... И писал интересно.

– Провинция дала литературе и искусству много, – заметила я. – Но москвичи, как мы их здесь называем, «москаля», подчас считают нас отсталыми, обросшими шерстью неандертальцами.

– Это хорошо, что они так считают. – Отец улыбнулся. – Не дают нам на самом деле шерстью обрасти. А вообще-то и Чайковский вышел из русской провинции, и Глинка, и Чехов, и Бунин... И Шолохов, разумеется. Москва когда-то была привлекательна своими театрами, концертами классической музыки. А сейчас искусство называют шоу-бизнесом. Что касается литературы... Нет, не хочу я ворчать и брюзжать, но я до сих пор с удовольствием перечитываю Ремарка, Бунина, люблю слушать музыку Рахманинова, Глинки... Песни военных лет люблю, особенно в исполнении Хворостовского. Детективы читал только в детстве, сейчас не интересно – почти всегда знаю, чем кончится. У каждого автора этого жанра свой набор приемов, я их распознаю очень быстро, – и становится неинтересно. Люблю читать только то, что интересно. Насильно ничего не люблю делать...

С личным водителем – Александрой Калининой.

Была у Мама еще и такая должность в нашей семье: возила Отца и в Ростов, и в Новочеркасск, и в Вешки... Меня с подружками возила в Раздорскую школу. Набьется нас полная машина, сидим друг у друга на коленях. Весело... Дороги тогда были грунтовые, хляби бездонные разверзались, стоило пройти дождю. Но

она смело бороздила их на «победе», которую по сей день считает лучшей машиной в мире. По асфальту любила лихачить, за что Отец ее поругивал. Но он сам вечно куда-то спешил.

Вот она, Санька-шофер, при исполнении своих обязанностей.

Так Отец иногда называл Маму – любовно, с восхищением. Нашла эту фотографию с трудом. Помню, Отец хотел ее увеличить и повесить на стене у себя в кабинете. Увы, эта самая «Шурка» высмеяла его затею. Слышала я поговорку: «Простота – хуже воровства», ну, а в данной ситуации я бы сказала: «Излишняя скромность – сестра ханжества». Но Маму не переделать. Отец другой раз, натыкаясь на ее упорство, говорил в сердцах «Пси кровь». Разумеется, не без чувства гордости. Уверена, Отец гордился польскими корнями Мама. Что касается меня, то я, квартиронка, с

детства хвастаюсь своим «польским» происхождением. Возможно, потому, что, никогда не видев вживую, а зная только по рассказам и одной-единственной фотографии, полюбила горячо невинно убиенного дедушку Юлиана Доминиковича. Католика, простого железнодорожника, любителя рассказывать политические анекдоты (и это в 38-м году!).

Чаще всего Мама оказывалась права, ибо сама же оградила Отца от всех тягот и невзгод быта. Позволила быть романтиком и идеалистом. В нашем-то мире – хоть сегодняшнем, хоть вчерашнем! Но на то Господь и создает гениев, чтобы не давали они нам, простым смертным, погрязнуть окончательно в вязкой и прилипчивой трясине повседневной жизни. И кто-то обязательно должен стоять на страже их покоя и душевного благополучия. Мама справлялась с этой нелегкой задачей великолепно.

Ромка, Ромул – герой романа «Гремите, колокола!»

Это середина шестидесятых. Был у нас чудесный пес Ромул, Ромка. Овчарка чепрачного цвета. Умный, добрый, мой друг и защитник в дальних прогулках на остров, в задонский лес и луга. Были у

нас потом и другие собаки, но Ромка оставил особый след и память в наших сердцах. Не любил, когда за столом кто-то из гостей повышал голос – мгновенно подавал свой. Помню, как только Евгений Семенович Матвеев, увлекшись ролью Будулая, которого замечательно воплотил в первой экранизации «Цыгана», начинал кричать, доказывая воображаемым цыганам, что нужно жить оседло и так далее, Ромка выскакивал из-под стола и истошно лаял, перебивая громоподобный голос Матвеева. И тогда Евгений Семенович кричал мне: «Наташа, убери от меня этого критика!»

Е.С. Матвеев и С.Ф. Бондарчук во время конференции, посвященной творчеству Анатолия Калинина. 1976 год.

Евгений Семенович был частым гостем в нашем Пухляковском доме, если мне не изменяет память, с конца пятидесятих, когда в нашем хуторе снимали фильм «Жеребенок» по рассказу М.А. Шолохова. Тогда они и подружились с Отцом. Матвеев приходил к нам почти

каждый день, подолгу просиживали они с Калининым где-нибудь в тенечке или за обеденным столом, всегда без натуги находя общие темы для разговора. Матвеев быстро стал своим в нашем доме, хотя началось мое с ним знакомство с мелких обид – в моем альбоме с артистами не оказалось его фотографии. «Что, я не такой красивый, как твой любимчик Грегори Пек? – возмутился он. – А это еще кто такой? – Он нарочито долго рассматривал фотографию Олега Стриженова. – А, ну да, дамы всех возрастов и профессий без ума от нашего Олежки. И ты туда же. – Он бесцеремонно растрепал мои и без того растрепанные после ныряния в Дону волосы. – Колдунья, вот ты кто. Я видел, как ты бегала с девчонками по хутору. Марина Влади ни за что бы не угналась за тобой». Так и пристало ко мне – правда, всего на одно лето, – прозвище «Колдунья». А я ведь в ту пору еще и не видела этот замечательный французский фильм – детей до шестнадцати лет на него не пускали. Евгений Семенович, вернувшись в Москву, немедленно прислал мне несколько своих фотографий, где он изображен совсем юным и красивым. Увы, во время одного из ремонтов в нашем доме кто-то экспроприировал у меня этот замечательный альбом.

С Сергеем Бондарчуком.

Отец любил фильмы Бондарчука. Все началось с «Судьбы человека» по Шолохову. Они встречались в Москве на сессиях Верховного Совета, Бондарчук приезжал на один из юбилеев Отца, если не ошибаюсь, на его семидесятилетие. Когда Сергей Федорович задумал снимать «Тихий Дон», он попросил у

Калинина совета и поддержки. Отец писал ему пространные письма, излагая в них свои мысли, свое видение образов, любимых им с детства. К сожалению, копий не сохранилось, а после смерти самого Бондарчука семья отдалась от прежних его друзей и знакомых и эти письма, боюсь, пропали. Бондарчук был большим мастером своего дела, «Львом», как называл его Евгений Семенович Матвеев. «Тихий Дон»

получился совсем не таким, каким он замыслил его поначалу. Почему – мне трудно сказать...

Сергей Бондарчук в роли Отца Сергия в одноименном фильме по Льву Толстому.

На обороте надпись синим карандашом «Моему духовному наставнику дорогому Анатолию Калинину от о. Сергия» Подпись и дата – 22 декабря 1977 года.

С Сергеем Бондарчуком на каком-то официальном застолье с номенклатурой, как мне кажется.

Было в Сергее Федоровиче Бондарчуке что-то затаенно-ранимое, какая-то боль, страдание, желание быть понятым до конца, что ли... Впрочем, я знала его совсем мало – главным образом, по фильмам. Помню, «Тихий Дон» мы смотрели по телевизору вместе с Отцом – внимательно, с радостью отмечая творческие удачи. Увы, их, по нашему разумению оказалось так мало. И дубляж оставлял желать лучшего, и деревня, то есть хутор Татарский, выглядит какой-то лубочной... Думаю, будет еще не одна экранизация этого Великого Романа. Скорее всего, уже во время съемок «Тихого Дона» Сергей Федорович был неизлечимо болен. И всё же: больше было радости и нового восхищения гением Шолохова.

С актрисой Нонной Мордюковой и кинорежиссером Алексеем Салтыковым в Москве Обсуждают так и не состоявшуюся экранизацию по повести «Эхо войны».

«Возврата нет», творческая группа во главе с режиссером Салтыковым и актрисой Нонной Мордюковой, создавшей потрясающий образ истинной казачки Антонины Кашириной, загорелась – в буквальном смысле этого слова – снять фильм по «Эху

войны». Салтыков уже подобрал актеров, Нонна вживалась – очень успешно – в образ Варвары Табунщиковой, бывшей кулачки, матери полицаев, выписанный Калининым на редкость ярко, правдиво, без утрирования ее пороков. Одним словом, сама жизнь выплеснулась на страницы этой короткой, но очень ёмкой повести. Без прикрас, без каких бы то ни было нравоучений, идейных подоплек и так далее. Читатель должен сам был решить: на чьей он стороне. Помню, Отца после опубликования повести в журнале «Огонек», завалили письмами, которые я таскала с нашей почты в жару и в стужу. И фильм, уверена, получился бы великолепный – в ту пору Салтыков переживал творческий подъем; что касается Ноны Мордюковой, то она сказала в одном интервью, что всю жизнь ждала эту роль. Однако чиновников из Госкино и киностудии Мосфильм никак не устраивал сюжет, главной героиней которого была бывшая кулачка и мать полицаев одновременно. И не только это их не устраивало, как я думаю теперь. Отец никогда не был при так называемом «пироге», – то есть, куски с барского стола ему не доставались, да он бы их и не взял на тех условиях, которые навязывали тот же Мосфильм или Госкино. Шолохов сказал когда-то примерно

следующую фразу: Раньше брали взятки борзыми щенками, а теперь рецензиями и публикациями. Калинин не мог пойти против своей совести и достоинства, а также не собирался перекраивать свою прекрасную повесть, за которую, кстати, получил, как я полагаю, самую престижную и самую не ангажированную премию тех времен – Государственную Премию имени Горького. «Роман» с киностудией Мосфильм и лично ее директором Ермашом был им обрублен окончательно и бесповоротно. Зато сохранился

написанный самим! Калининым киноман «Эхо войны», значительно расширивший границы повести.

Я бы и теперь, когда нет прежней цензуры, (есть зато другая, куда более изощренная и тупая одновременно) не стала бы связываться с кинопроизводством. Эта отрасль уже пережила свой расцвет. Что с ней будет дальше – догадаться не трудно.

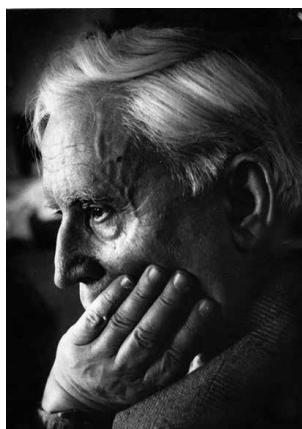

Мы оба такие счастливые на этом снимке...

Помню, побросала я дела в Москве и приехала в Пухляковку, когда узнала, что Отец болен... От меня долго это скрывали, пока не проговорила по телефону Вера Тишкова, за что ей великое спасибо. Отца я нашла худым, но уже выздоравливающим после тяжелой болезни. Кстати, точного диагноза так и не поставили – что-то типа

малокровия. Возможно, от переутомления – работал ночами, мало спал... Помню, я прижалась к нему – как всегда, выглядывал он меня у ворот, – и поняла, что должна быть рядом с ними, мои-ми самыми дорогими и близкими людьми. К черту Москву и все остальное. Я очень быстро осуществила это свое решение и ни на секунду не пожалела о нем.

Тут я настоящая Колдунья – лохматая и дикая, словно только что из лесу выскочила. Купалась в Дону до умопомрачения, смывая Москву... Отец ждал меня у калитки, сказал: «Моя ты любимая казачка».

Музыка... Музыка...

Отец боготворил музыку. Классическую. Особенно русскую – Глинка, Чайковский, Рахманинов... Часто просил меня поставить Первый концерт Чайковского в исполнении Вана Клиберна, в его же исполнении Третий концерт Рахманинова. И русские романсы любил. Слушал необыкновенно внимательно, иногда смахивая украдкой слезинку. В последнее время ему очень нравился Михаил Плетнев – и как дирижер, и как пианист. Военные песни в исполнении Дмитрия Хворостовского, помню, потрясли его до глубины души. Слушал с выражением глубокой задумчивости и сосредоточенности на лице – как на этой фотографии, – и плакал. Он переживал музыку, все до последней ноты пропуская через сердце. Когда они с Мамой бывали в Москве, ходили часто в Большой театр на оперу. И в Малый театр ходили, и во МХАТ, и в театр имени Вахтангова, но только на классику. Из современной драматургии Отцу мало что нравилось, хотя он выписывал журнал «Театр» и регулярно читал все новые пьесы, опубликованные в нем. Как, впрочем, и прозу и поэзию в толстых журналах. Когда только успевал – не знаю. «Музыка не позволяет зачерстветь душе, – говорил Отец. – Она пробуждает боль, страх, страдание за наш такой хрупкий и прекрасный мир».

Наша Любаша во всей ее жгучей казачьей красе. Похожи они с отцом не только внешне, а еще и душами – тонко чувствующими, ранимыми, совестливыми чуть ли не до абсурда. Она же среди кактусовых зарослей в Сеуле, южная Корея.

Я прожила в Москве без малого сорок лет, но истинной москвичкой не стала, хотя любила ходить в театры, на концерты классической музыки, кинофестивали и кинонедели, музеи – словом, приобщаться к большой культуре. Других привязанностей в столице у меня почему-то

не оказалось. Своей семьей я всегда считала прежде всего родителей, а своим домом – наш пухляковский дом. Любаша, моя сестра, истинная москвичка в лучшем смысле этого слова. Друзей у нее в Москве много, отыскала наших дальних родственников, любит свой подмосковный домик и сад...

Даже чеховские сестры, и те стремились в Москву, впрочем, как и сам Антон Павлович. Я тоже мечтала в юности о Москве, но там чуть ли не с самых первых дней стала испытывать жгучую тоску по Дону. Сама не знаю – почему. И друзья были хорошие, и семья поначалу счастливая, а вот сердце чувствовало себя как в клетке. Стыдно признаться, но я и в тридцать скучала по Отцу и Маме, которых мне так никто и не смог заменить. С сестрой мы очень близки с детства,

дня не проходило, чтобы не пообщались – Москва то место, где привыкаешь общаться на слух, то есть по телефону, а видишься с той же любимой сестрой в лучшем случае раз в месяц. Она и помогла мне так долго выдержать столичное заточение. А теперь я мечтаю о том дне, когда уговорю ее и Юру, ее мужа и очень близкого всем нам человека, переехать на Дон...

Саша Веракс.

Была бы я такой красивой, как Мама, я бы наверняка стала киноактрисой... Мечтала об этом в детстве, но стоило посмотреть на свой «римский» профиль – и моя трезво мыслящая голова насмеялась над этими мечтами беспардонно нагло. Мне была уготована иная судьба. Но это кстати. Отец признался как-то – в отсутствие мамы, – что, увидев ее впервые, просто ошеломлен от ее красоты, особенной нежности и мягкости, сквозившей во всех чертах этой приветливой и в то же время, как

предупредили его друзья по корреспондентскому корпусу, «большой недотроги», девушки. Виталий Александрович Закруткин называл Сашу «цветущий сад» и одно время проявлял к ней повышенное, но очень рыцарское внимание. Впоследствии, когда Отец и Мама уже были вместе, не раз интересовался у своего друга: «Ну, как твой сад?», и Отец отвечал ему: «Цветет и благоухает».

Заготовка дров – дело государственной важности.

Многие делают это и по сей день ради удовольствия размяться, потом в баньку сходить. У нас дрова были самой насущной необходимостью. Газа не было и в помине. Печки – их было пять – растапливали дровами, которые они пожирали с необыкновенной жадностью, треща и воя

от восторга. Отец любил пилить и колоть дрова, распространявшие вокруг запах свежей древесины, любил все, что было связано с нелегким в ту пору деревенским бытом. Но Анатолий Калинин, депутат Верховного Совета РСФСР шести созывов, всегда думал о том, что и в хуторе, и в станице, и в маленьком поселке люди должны жить по-человечески: с водой, всеми городскими удобствами, асфальтовыми дорогами. И он боролся за это, нередко, кроме депутатского, подключая еще и свой авторитет писателя. Помню, посылал высокопоставленным чиновникам телеграммы от имени цыгана Будулая, в ту пору любимого героя всей страны. Разумеется, обыгрывал это с присущим лишь ему изящным искрометным юмором. У нас не сохранились, к сожалению, их копии – обычно диктовал по телефону, импровизируя на ходу. Возможно, в архиве каких-нибудь министерств и ведомств они еще лежат... Для себя лично просить не умел и не любил. Не просил. Кстати, все нюансы, все оттенки и состояния необыкновенно возвышенной, щедрой на добро и веру в

человека души Анатолия Калинина отражены в его поэзии. Дневник ему писать было некогда – и слава Богу. Зато он смолоду писал стихи, в которых не боялся говорить обо всем сокровенном.

Не знаю ни года, ни места, где сделан этот снимок, а лишь вспоминаю строки из стихотворения Отца:

*Мне доставалось очень часто
За чуб казачий мой ужасный
И грубый местный диалект,
Застрявший в речи с детских лет...*

Отцу тут лет двадцать, не больше. Казака настоящего узнаешь не только по чубу, хотя он у него здесь еще как смоль. Шолохов назвал как-то Калинина «Мой Григорий». Гении всегда видят глубже простых смертных. Григорий Мелехов был любимым литературным героем Отца, говорю это без натяжек. Сейчас подумала вдруг: родился Отец лет на двадцать раньше, куда привели бы его пути-дороги лихолетья?.. Он часто любил повторять: «В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата»...

Калинин всегда оставался казаком, о чем говорил открыто, ничего и никого не боясь. Он первый написал роман о донских казаках на фронтах Великой Отечественной, об их беспримерном героизме – «На юге», – переведенный сразу почти на все цивилизованные языки мира.

С двенадцати лет стал собкором «Ленинских внучат», кстати, и в своих полудетских репортажах не боялся употреблять слово «казак». В восемнадцать его уже надолго ангажировала «Комсомольская правда». В ту пору это была очень интересная газета, хотя и в ней печатались гневные материалы о так называемых врагах народа. (Кто знает, может, были среди них и настоящие...).

Но Калинин никогда не участвовал в травле. Когда забрали в каталажку его близких друзей Клима Климова и Рафаэля Артемьева, а Анатолия Калинина вызвали к следователю, чтобы он дал против них показания, его ответ прозвучал весьма конкретно и весомо: «Если они враги народа, то и я тоже». Думаю, в ту пору его спас сам Господь, хоть Отец и говорил, что следователь попался умный.

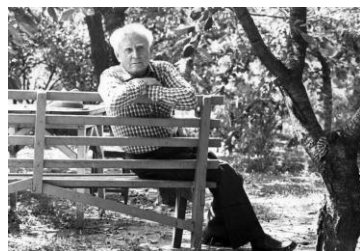
По саду тихо я иду, беседу с осенью веду...

Иду, либо сижу, задумавшись, на солнышке. А то и под звездным небом, размышляя о том, что у каждого человека в этой жизни свое предназначение. И каждый должен выполнить свой долг перед людьми, Родиной, Творцом.

*И ты, суете не ввергаясь в рабы,
Дежурным соблазнам в отдачу,
Скорее отринь их от главной
судьбы,*

Которой себя предназначил.

Отец любил ходить по саду. Мы старались не мешать ему, оставляли одного, знали: он либо что-то обдумывает, либо вспоминает, либо... Да мало ли какие мысли и

замыслы роились в это время в его голове. И рифмы обдумывал, и письма сочинял чиновникам, забывшим о своей прямой обязанности служить людям, иногда тихо напевал. А то вдруг, не разуваясь и не снимая плаща и шляпы, бежал к себе в кабинет и что-то писал на листке бумаги, читал быстро вслух, опять писал. Иногда звал Маму или, уже потом, меня и просил напечатать написанное. Чаше диктовал, что-то исправлял, и снова... А несколько дней спустя, или даже неделю-две, читал нам за столом дивные стихи или большие куски новой прозы. По хутору Отец тоже любил ходить. Особенно берегом Дона. Но тогда ему уже не удавалось побыть наедине с собой – кто-нибудь обязательно его затрагивал: с какой-нибудь просьбой или просто поговорить, что-то рассказать. Отец внимательно слушал рассказы хуторян, которые чудесным образом преломлялись в его сознании, превращаясь в настоящие шедевры прозы или поэзии. Люди, природа, весь окружающий мир были для Отца источником вдохновения. Он любил все живое и видел в этой любви единственный смысл своей жизни. Трудно не поддаться искушению властью, богатством, почестями. Но ведь можно, правда? Тому примером вся смолodu честная, щедрая на добро, истинную любовь и дружбу жизнь Анатолия Калинина.

В Донской степи: на хлебном поле, земляками...

И сразу вспоминаются строки из стихотворения Анатолия Калинина:

*Мечтаю я, под небом звездным,
Свернув с дороги столбовой,
По колее на стан колхозный
Успеть на ужин полевой
Опять услышать речь родную
Со стуком ложек вперевой,
А после песню фронтовую
В степи, объята тишиной;
В степи все той же, что и прежде,
С полынью, смоченной росой,
И не теряющей надежды
На гром с победною грозой.*

Какое у Отца здесь счастливое и удивительно размягченное лицо – лет на десять-пятнадцать помолодел! Чувствовал он себя легко и радостно, общаясь с людьми от земли, людьми труда. Отец любил ездить в страду по полевым станам. Заезжал за ним на зорьке председатель какого-нибудь колхоза или директор совхоза – и в путь по грунтовым дорогам нашей донской степи. А как радовался урожаю... Знал всегда, какое хозяйство сколько центнеров яровой или озимой пшеницы намолотило с гектара. И про ячмень знал. И про кукурузу с подсолнечником. Воевал с областным начальством, чтобы не душили поставками, не забирали корма у скота ради выслуги перед Москвой. Областное начальство Калинина не любило и трижды отклоняло

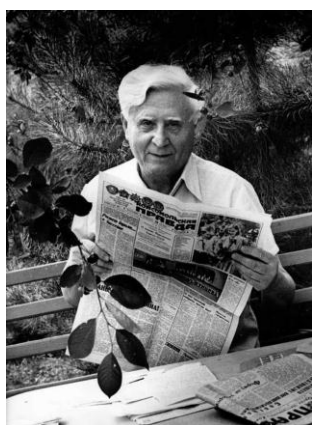
представление о награждении звездой Героя. Счастлива я безмерно, что выросла под крышей дома, в котором любили и ценили людей не за их положение в обществе или богатства, а совсем по другим причинам. Словом, люди черствые душой, алчные,

чванливые второй раз не переступали порога нашего дома – помню это хорошо. Им просто нечего было здесь делать. ...Они черно-белые, все эти фотографии, но в них присутствует какая-то особенная перспектива, дали необъятные, как на картинах художников эпохи Возрождения. Или это само время обозначило эти дали?.. Поля в наших краях на самом деле необъятные, и в степи открываются перед тобой такие горизонты, что, кажется, не за горами и другие континенты. Отец говорил неоднократно: «Когда я бываю в степи, меня вдруг внезапно окутывает такая пронзительная тишина, что кажется, будто этот мир только сию секунду создан и не ведает он зла, горя, слез...» Отец верил непоколебимо, что человечество в конце концов одолеет все свои пороки и наступит торжество добра. Как не вспомнить тут слова Спасителя: «Мое царствие не от мира сего».

Моя Пухляковская рать во всей своей красе.

Это середина пятидесятых – и снова фотошедевр моего брата Сергея. Любил проводить с нами время, следил, чтобы мы не заплывали далеко. Не сидели в воде до посинения. Мы его слушались – очень уж больно шлепал по задницам. Отец часто приходил «проведать» нас в нашем девчоночьем уединении под каким-нибудь деревом или кустом, иной раз вспоминал эпизод из своего детства – грустный, забавный, но всегда нравоучительный. Рассказывал так, что мы боялись громко вздохнуть или прогнать надоевшую муху. Под его влиянием стали играть в «сказки» – рассказывали друг другу про наших домашних зверей: про коров, у которых вместо рогов растут настоящие розы, про жар-птицу, что вдруг приснилась на рассвете, оставив под подушкой свое расписное перо... «Дядя Толя приучил меня читать книги, – призналась впоследствии моя закадычная пухляковская подруга Валя. – Он так интересно рас - сказывал про зверей и птиц, про то, какие травы когда цветут в Глубокой балке. А стихи какие читал наизусть, помнишь?... У нас дома ни одной книжки не было, кроме журналов по бухучету. Брала у вас, часто дядя Толя помогал выбрать».

Отец читает свою «Комсомолку» в зеленом кабинете под тютиной.

Здесь, под старой раскидистой тютиной, Отец любил сидеть подолгу – читал газеты, книги, журналы, принимал людей. Часто кричал мне оттуда: «Наташа, дай нам что-нибудь закусить. Человек из самих Раздор пешком шел». Или: «Неси вина и бокалы. Ради такого случая и я пригублю. Надо же – послушались моего Будулая и помогли починить вдове крышу.» Замечу, что последнее время Калинин часто использовал в своих ходатайствах имя Будулая. Думаю, тот был бы не против, узнай, как и во имя чего оно работает. Кстати, в интернете есть на Будулая – да, да, именно на него, – целое досье. Послужной список, семейное положение, национальность и все остальное. И почему-то там два портрета – Михая Волонтира в роли Будулая и Анатолия Калинина в своей собственной.

В своем кабинете в мезонине. Раздумья...

Отец редко работал за письменным столом, чаще в старом круглом кресле, положив на его спинку широкую дощечку, или в кровати, подвернув подушки таким образом, чтобы очутиться в почти сидячем положении. В саду работал – ходил, что-то бормоча себе под нос... Но он любил свой кабинет в мезонине, откуда открывается вид на Дон и задонские луга. Поднимался сюда часто уже в преклонные года, когда было трудно одолеть эти крутые тринадцать ступенек. Здесь все пропитано его мыслями, чувствами... Здесь становишься чище душой – и это не только я так думаю. Двоюродный брат Отца, Михаил Сербич, из знаменитой казацкой семьи Автономовых, часто гостил у нас летом. Спал в Отцовом мезонине, где термометр поднимался до тридцати пяти и выше. Но он стойко переносил жару, отшучиваясь то своими африкано-пушкинскими предками, то желанием отрастить на лысине густую шевелюру как у негра. Но однажды сказал на полном серьезе: «Толя, тут мне сны интересные снятся. Будулай пришел со своим кнутом и велел починить ворота и калитку. Нет, это правда, клянусь законом Бойля-Мариотта (дядя Миша преподавал в техникуме физику и без шутки не обходился никогда. Хотя бы на закуску)». На следующий год он уже в мезонине не захотел спать. Сослался на жару и еще что-то. Но Отцу сказал, что его бессонница замучила. «Твоя, Толя, твоя...»

Тот самый Михаил Сербич, которому Отец посвятил вот это стихотворение:

*В старом доме, рухнувшем под танком,
В крошечке могильном и в пыли
Пулемет – грозу фашистов – станковый
Следопыты юные нашли.
Прикрывая конематок переправу,
Целый день без отдыха «максим»
На откосе пьяную ораву
Раскаленным лезвием косил.
Клокотала, в гривы заплетая
Синева донскую навсегда,
Клокотала та же самая, донская,
В коих священная вода.*

*Лишь когда отставший жеребенок
Переплыть сумел на берег тот,
Замолчал, под танком погребенный,
Безымянный боевой расчет.*

«Вот оно и опять передо мной, перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона...»

«Стоит только выглянуть из окна или спуститься со склона, к которому прильнул наш казацкий хутор...» Это строки из сборника Анатолия Калинина «Время «Тихого Дона», посвященного

творчеству Михаила Александровича Шолохова. Более пространным и более поэтичным «разбором» произведений Шолохова со всех точек зрения, а особенно литературной, я, признаться, не читала. Но я сейчас не об этом. Что-то есть такое особенно притягательное в нашей казачьей реке, чего не оторвешь от сердца, даже если оно вдруг дало неожиданный сбой и приковало к постели. Помню, в середине семидесятых случился у Отца инфаркт, прямо на улице, но крепкая казачья порода помогла ему справиться с болезнью, пережить ее, что называется, на ногах. И все-таки последствия не замедлили сказаться. Через какое-то время слег Отец и, почему-то решив, что отправится скоро в мир иной, велел поставить свою кровать в мезонине так, что бы ему был виден Дон... Помню, лежал и смотрел на него, не отрываясь. Что-то шептали губы... Как вдруг попросил бумагу, карандаш и фанерную дощечку, на которой обычно писал лежа. И мы тогда поняли, что вернулся казак к нам с чужбины далекой. И будет еще долго с нами. Если по-честному выразиться, – то всегда будет.

*Неужели больше не свергаться
Из степи лавиной табуну,
Неужели больше не купаться
Лошадям в полуденном Дону?
Неужели сызмальства я даром
Им учился гривы заплетать
И, в обгон, бессовестным загаром
По станичной улице сверкать?
Неужели так и не осталось,
Чтоб с боков накупанных коней
Облаком по Дону расстиралось
Трепетное золото полей?*

Впоследствии это стихотворение Калинин включил в свой «Реквием», который написал, страдая по Шолохову, без Шолохова... Стихотворение за стихотворением, день за днем... Читал нам, друзьям, еще не зная о том, во что все это выльется. А вылилось в самый настоящий РЕКВИЕМ, то есть в ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ тому человеку, которому посвящен. Что-то я не припомню ничего подобного ни в нашей, ни в западной литературе. Целый РЕКВИЕМ. Пускай это латинское название, пускай пока никто не осмелился положить этот потрясающий цикл на музыку. Но он существует. Века переживет. Надеюсь: так оно и будет.

Отец читает Реквием семье Шолоховых за нашим столом в хуторе Пухляковском.

Эту встречу организовала Любовь Александровна Суркова, наш друг, беспокойный, человек доброй души. Приехали к нам Шолоховы: Светлана Михайловна, Михаил Михайлович, Мария Михайловна, Александр Михайлович. Донское телевидение широко показало эту встречу. Что касается телевидения

центрального... Да нет, не буду я их ругать – их и без того вся страна ругает. Что уж тут поделывать, как видно, средства массовой информации не успевают отображать важные этапы нашей отечественной культуры. Скандалы и распри в семье звезд куда важнее истинной культуры, не так ли?.. Но что нам до них?.. Отец читал уже

практически готовый РЕКВИЕМ, который, разумеется, впоследствии «оброс» новыми стихотворениями. А я сидела и думала о том, что их дружба – Шолохова и Калинина – не имеет аналогов в истории русской литературы, культуры, жизни вообще. После опубликования цикла статей Калинина в защиту автора «Тихого Дона», которые впоследствии были объединены в сборнике «Время «Тихого Дона», произведения Калинина стали изымать из планов издательств под тем либо иным предлогом, о чем Шолохов, конечно же, догадался первым. Спросил как-то по телефону: «Толя, а тебя еще печатают?» Помню, как зарубежные «голоса» бубнили какие-то бессвязные и невежественные обвинения в адрес истинного автора «Тихого Дона». Все это делалось, разумеется, с подачи нашей отечественной писательской братии, люто завидовавшей гению Шолохова. Ну почему, скажите? Мне это не понятно и по сей день. Цезарь Кюи травил Чайковского в своих пакостных бездарных статейках. (Кстати, только этим он и стал знаменит – музыка-то у него никуда не годная), из-за Прокофьева, завидовавшего гению и славе Рахманинова, последнему было отказано в возвращении на Родину. Да и Шаляпин не вернулся в Россию из-за того, что местные певцы не хотели иметь в его лице гениального конкурента. И несть числа примерам подобного рода. Люди, почему вы такие? У каждого из нас есть место в нашей необъятной галактике. Говорят, гения поцеловал при рождении сам Бог, тем самым запечатлев не только его избранность, но и трагическую судьбу жить среди тех, кто его не понимает, и, не понимая, считает сумасшедшим или мошенником, или кем-то еще. Вспоминаю невольно строки Карамзина из «Истории Государства Российского», столь любимого Пушкиным (тоже гением и тоже доведенным до последней черты бездарями и завистниками). «Мы, русские, завистливы...» Неужели это так и есть?.. Но вернусь к тому удивительному дню. Прослезилась все, даже молодой Александр, Саша, внук Михаила Александровича. Но эти слезы просветляли душу... Впоследствии РЕКВИЕМ неоднократно дополнялся Отцом, входил во все его поэтические издания. Кто-то, из поэтов сказал, что если бы Калинин не написал ничего, кроме РЕКВИЕМА, он бы остался в памяти людей.

Все участники этой волнующей премьеры Реквиема на нашем Пухляковском крыльце.

Запечатлел эту историческую во всех отношениях встречу Заслуженный художник России Чаусов Василий Александрович. Снимки он сделал, как и подобает художнику: ярко и тепло. Во дворе светило солнце, зрел на кустах наш донской виноград, как всегда, сновали по соснам белки, а я – думаю, остальные тоже – никак

не могла вернуться к действительности после таких вот строк:

*В майский день, запорошенный
Тополиной пургой,
Я вернулся из Вешенской
С потрясенной душой.
Та же с яра станица
Смотрит в синюю даль,
Те же самые лица...*

В этом вся и печаль.

Реквием звучит во Дворце культуры станицы Вешенской.

РЕКВИЕМ издали быстро и разошелся он моментально. По друзьям и знакомым, главным образом. Как посланник семьи Калининых, я поехала в Вешенскую на День Рождения Михаила Александровича Шолохова с экземплярами РЕКВИЕМА в подарок Музею. Со сцены Дворца Культуры меня попросили прочитать отрывки из РЕКВИЕМА. Помню, у меня срывался голос, слезы застилали глаза, но я читала... И букет ландышей в руках, преподнесенный симпатичной девчушкой, едва я вышла на сцену, все время напоминал мне о том, что я непременно должна прочитать и это стихотворение тоже:

*И еще на обрыве Вешенском,
Где отныне не гаснет пожар,
Из цветов полевых накошенный
Я увидел бесценный дар.*

*Был в стакане он с гранями синими,
Прислоненном под самый портрет,
И в росе, как в слезах Аксиньиных,
Этот ландышей первоцвет.*

*И тотчас же привиделось взору,
Как из леса их бережно нес
На рассвете в станицу Григорий
В неумелой руке через мост.*

*А потом у могилы высокой
С недодуманной думой своей
Он стоял, навсегда одинокий,
Чтоб уйти до прихода людей.*

Потом, сидя в зале и слушая и не слыша концерт, я вспоминала свои последние встречи с Михаилом Александровичем в квартире на Сивцевом Вражке, в Кремлевской больнице... Я знала Шолохова по рассказам Отца, видела раз или два в детстве, но так близко, как в тот, предпоследний год жизни Михаила Александровича, я не прикасалась к нему душой никогда. За несколько встреч успела привязаться к этому немногословному красивому мудрецу с крутым породистым лбом и грустными, даже скорее страдающими, глазами. Радуйтесь, клеветники, вы сделали свое черное дело – сумели омрачить последние годы жизни гения, сбрызнуть их своим зловонным ядом. Но юный Лермонтов, откликаясь на смерть Пушкина, сказал пророческие слова: «И вы не смоее всей вашей черной кровью Поэта праведную кровь».

Постоянный объект внимания камеры – Анатолий Калинин.

Обычно съемки происходили в нашем дворе или в доме. Отец всегда импровизировал, то есть говорил именно то, что в данный момент на сердце. Разумеется, никогда не бросая на ветер слова. Калинин был и остается из тех людей, кто твердо уверовал в библейскую

истину о том, что «В начале было слово...» Он знал, что неверно сказанное или понятое слово, оброненное в определенный момент, может многое изменить. Даже в истории целой страны. А потому взвешивал – всегда и везде – каждое свое слово прежде, чем его озвучить или напечатать. К слову, Калинин долго не решался собрать вместе все свои эпиграммы, написанные в разные годы, под одной обложкой. Читал их часто за столом тем, кому они предназначались. Другой раз смех стоял такой, что все собаки поднимали лай и носились весело по комнатам, подражая в своем веселье людям. А иногда вдруг повисало молчание, которое Отец спешил «смягчить» веселой шуткой либо добрым словом. Любовь Суркова узнала от меня про эпиграммы Калинина и в каждый свой очередной приезд просила Калинина прочесть что-нибудь из этого цикла. Отец читал, давал пояснения, которые Суркова аккуратно записывала на магнитофон... Ей каким-то образом удалось уговорить Калинина издать книгу эпиграмм, за что ей сердечное спасибо.

*Я не хитрый,
Я не мудрый
И уже не чернокудрый –
Я седой
И утомленный,
Но еще в тебя влюбленный.
Я все тот же,
Как когда-то:
И смешной, и неумелый.
Это жизнь другая чья-то
Мимо окон пролетела.*

Этим стихотворением заканчивается эта необычная во всех отношениях книга. Если Калинин-поэт долгое время оставался неизвестным широкому кругу читателей, хоть и начал писать стихи в десять лет, то Калинина-сатирика узнали совсем недавно. Многие теперь цитируют его эпиграммы на память. Я всего лишь хочу оговориться: злости Отец никогда ни на кого из своих обидчиков не держал – считал, что она лишь отягчает сердце. Но, что касается творчества, тут он мог быть беспощадным даже к самому близкому другу. Не любил халтурщиков, графоманов, пишущих

исключительно ради славы, премий, денег. А пуще всего не уважал тех, кто меняет свои убеждения, как коготка перчатки. Это его истинные слова.

Отец Валерий с матушкой Татьяной – желанные гости в нашем доме.

Так случилось в жизни... Отец Валерий отпевал мою дочку Наташу, которая похоронена в саду на подворье, рядом с Отцом. Он же помог всей нашей семье пережить это невиданное горе – девочке было всего 28 лет, она успела написать два романа: «ОСТАНЬСЯ СО

МНОЙ НАВСЕГДА» и «ДОМ, ГДЕ ЖИВЕТ ЛЮБОВЬ». Я расскажу о Наташе дальше, а сейчас мне хочется вспомнить добрым словом молодую семью священника Шпакова. После Ставропольской семинарии Отец Валерий был назначен настоятелем в наш Каныгинский храм Рождества Пресвятой Богородицы – и Бог прислал его, хоть и с трагической миссией – в наш дом. С Отцом они моментально нашли общий язык, как будто и не существовало никакой разницы в возрасте. Отец тяжело переживал разлуку с любимой внучкой, но где-то в глубине души понимал, что она не вечная. Что любящие души не могут навсегда потерять друг друга в хаосе мироздания. Валерий Шпаков недолго прослужил в Каныгинском приходе – не мог он притворяться, угождать, поддакивать властям. Ни церковным, ни светским. За что и был сослан в станицу Дубовскую, что называется, на край света. Но и там он занимается не накоплением богатств, а служит верно Богу и людям. ...Помню до сих пор, как Отец Валерий с моим Отцом пели казачьи песни в два голоса. Здесь, за этим столом. «Простой священник и так близок к знаменитому писателю, – сказал кто-то из окружения власти с ноткой осуждения в голосе. – Может запросто приехать в любое время...» Да, так оно и было. Узнав о кончине Калинина, Валерий бросил все дела и приехал проводить его в последний путь. И после обряда, который он совершил по полной форме и не торопясь, после его задушевных слов, обращенных к Господу с просьбой принять душу раба Божьего Анатолия, всем полегчало, сами собой высохли слезы...

С близкими друзьями в разные моменты жизни.

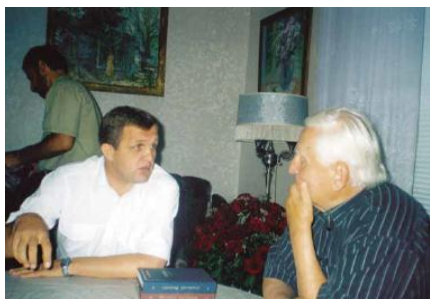
Сколько я помню, Отец никогда не делил людей на «красных» и «белых», богатых и нищих, скованных узами власти или свободных по призванию. Лишь бы... Словом, с камнем за пазухой или подлой лстивой душонкой порог нашего дома второй раз никто не переступал. И вовсе не потому, что Отец отказывал этому человеку в

гостеприимстве. Просто ему нечего было делать в доме, где не плетутся интриги и мелкие заговоры, где затыкают уши от сплетен и наветов всякого рода, где деньги значат ровно столько, сколько им должно быть отведено в жизни человека... С

Софроновым связала довоенная молодость, потом фронт, литературные дела... Не так уж был плох Анатолий Владимирович Софронов, как пытаются представить его нынче. И талантлив, и широк душой, и песни на его стихи созданы замечательные... Пришел после него в «Огонек» Коротич – и умер журнал бесславно, превратившись в неуклюжий политический рупор. Савченкова Мария Владимировна, народная художница

России, новочеркасская казачка, появилась в нашем пухляковском доме вскоре после войны. Потом привозила к нам не раз своего мужа художника, членкора Академии художеств, Нечитайло Василия Кирилловича. Вернее, привозил ее он, поскольку был за рулем. Но это детали. Овдовев, купила летний домик в нашем хуторе... Со Скомороховым Иваном Георгиевичем связаны воспоминания о путях-дорогах военных лет, о Пятом Донском – селивановском – кавалерийском казачьем корпусе. Елена Георгиевна Джичоева,

радиожурналистка, записала много интересных душевных бесед с Калининым. Георгий Васильевич Губанов собственный корреспондент правительственной газеты «Известия», редактор «Молота», а теперь – свободный художник, писатель, человек твердых – несгибаемых – убеждений, к тому же их с Калининым накрепко связала любовь к творчеству Шолохова, к его

могучей личности. Николай Васильевич Коломейцев, депутат ГД России, младший товарищ, единомышленник, человек умный от природы, дальновидный, сразу стал, по словам Отца, родным в нашем доме. Гуськов Игорь Александрович, с которым познакомил нас Алексей Кеда, талантливый литератор из Волгодонска и поэт Виктор Чеботников, тоже бывали в нашем доме не раз, им отец Отец читал

свои новые стихи, делился сокровенным... Приятными для Отца были встречи с молодыми депутатами Дона братьями Владимиром и Евгением Бессоновыми. Я уже не говорю о детях Шолохова! Если бы только наш старый дом мог рассказать последующим поколениям не только об его обитателях, но и о друзьях, создавших вместе с его удивительным во всех отношениях хозяином неповторимую ауру, которая – ощущая это, можно сказать, физически, и не только я одна – обволакивает переступившего порог человека сразу и очень

плотно. Помню, с каким нетерпением Отец ждал эту книгу – подарок от друзей: ведь впервые под одной крышей-обложкой выходили в свет его проза и стихи. И вот

свершилось: семьсот экземпляров «И вешних крыльев плеск» – на веранде нашего дома. Отец от радости только рука – ми развел: «Это все мне?!». Взял один томик и написал на титульной странице: «Дорогому Георгию Губанову – человеку, который упорно шел с фонарем, освещая дорогу этой книге. А. Калинин». Не стало Отца, но дружба его единомышленников осталась жить в нашем доме: и нам от неё в

часы невзгод уютней и теплей. Уже изданы при личном содействии Николая Коломейцева и творческом участии Георгия Губанова книги: «На гребне прожитого века», «Венок славы – победителям», где рядом с М. Шолоховым и В. Закруткиным стоит имя А. Калинина с его романом: «Товарищи». И вот перед вами новое, подарочное издание о жизни и творчестве Анатолия Калинина. Низкий поклон за такое доброе, бескорыстное отношение к памяти Отца, его жизни и творчеству. Было, случалось, что являлись и другие посетители. В калитку на подворье они входили сами, но сердце Отец им не открывал и в душу не пускал... Оставим таких «друзей» за калиткой этой светлой книги воскресшей памяти... Отец всегда любил встречать и провожать гостей...

В Пензе, с Львом Борисовичем Ерминым.

Рукой Отца на обороте: «С бывшим секретарем Раздорского райкома КПСС Л.Б. Ерминым.» И ни слова о его последующих заслугах. Отец любил Льва Борисовича не за его чины, а за отзывчивую душу. Ермин стал героем очерков-новелл Анатолия Калинина, среди них такой шедевр в своем жанре как

«Лунные ночи». К Ермину он вернулся в своих стихах: – поэма «В Саду Саида» была написана под Пензой в домике-вагончике в яблоневом саду. Отец ездил туда несколько лет подряд – с Мамой, с маленькой внучкой Наташей. Ермин в ту пору был

первым секретарем обкома в Пензе и значительно поднял уровень жизни и быта тружеников края.

В саду Саида.

А вот и фото в самом саду Саида. Отец с Мамой, хозяин сада Саид и Мерхабя, жена Саида, хозяйка сада. Стоит почитать поэму, и станет ясно, какие теплые отношения сложились у всех героев этого фотоснимка. Кроме Бога нас делает бессмертными еще и талант гения.

*В тот сад, овеянный туманом,
Где мне впервые стал знаком
Секрет, что может и шафраном*

*Парное пахнут молоко.
И где бы я узнал доселе,
Пока не знал тебя, Саид,
Какой роскошный это вид,
Когда твой сад по грудь в фацелии,
Как в синем озере, стоит?*

И здесь, в саду Саида, Отец пишет эти пронзительные строки, посвященные Маме, своей любимой Сашеньке:

*...И нам никто не помешает
Вернуться в молодость свою.
И нас никто на этом свете
В саду Саида не найдет,
Пока над нами дуб столетний
Охрану верную несет.
Над нами, взапуски играя,
Сгорают спутники и вновь
Летят, друг друга догоняя.
Лишь ты одна и не сгораешь,
Моя военная любовь...*

Женщина в бурке глядит со стены.

Портрет кисти художника Бориса Плевакина Отец велел вставить в рамку и повесил у себя в кабинете.

*И днем неотлучно
Меня стережет,*

*И ночью вдруг жгуче
Глазами сверкнет.*

Лучше, чем в стихах Калинина, обо всем этом и не скажешь. До самых последних дней Отец возвращался к бессмертной теме своей любви. В прозе, в стихах, в разговорах со мной...

*Дано, видно, черту
В тебе воплотить
Всех женщин, которых
Мечтал я любить.*

Но это вовсе не значит, что Калинин не обращал внимания на красоту, очарование и прочие достоинства других женщин. Стоит только вспомнить, сколько посвятил он им стихотворений – и Нине Ивановне Селивановой, жене легендарного казачьего генерала, и Любови Сурковой, другу нашего дома, тележурналистке, и Вере Тишковой, красавице-казачке, товарищу по партии, и Наталье Попружук, нашему знаменитому на весь Дон виноделу, и доктору Людмиле Мурадян, которую с любовью называл «турчанкой»... «Коснулась и меня гусарская стихия», – сказал Анатолий Калинин в одном из своих стихотворений. Но я, к счастью, выросла в доме, где не было никогда обмана, измен, а уж тем более грязных сцен ревности. Стоит только прочесть внимательно ту же прозу Калинина, вспомнить его героинь – Клавдию Пухлякову, Антонину Каширину, Наташу Луговую и героев: Будулая, писателя Михайлова из «Сурового поля», не говоря уж о поэмах и стихотворениях, где Калинин ясно выразил свое кредо – я однолюб, я не умею лгать и притворяться. Зато умею верно – на всю жизнь – любить.

Друзья привезли только что изданный сборник «И вешних крыльев плеск...», куда вошла и поэма «В саду Саида».

Новое издание для писателя – всегда большая радость. Отец сам составлял этот сборник. В него вошел целиком роман «Запретная зона» о строительстве Цимлянского гидроузла и несколько поэм. Кстати, я обнаружила совершенно случайно в интернете, что роман «Запретная зона» – самая популярная книга у заключенных. Ее даже инсценировали в нескольких колониях. Задело за живое, выходит. А ведь в нем все до последней

строчки – истинная правда. Совсем недавно я занималась переводом в цифровой вариант «Цимлянского дневника» Анатолия Калинина, который он писал ночами, вернувшись со строительства и в котором все имена подлинны, и поняла, что, да, Калинин способен на то, чтобы облиться слезами над вымыслом, но он еще и Реалист с большой буквы. Он не выдумывает ситуации – они переходят на страницы из жизни. И концовки у него не такие, какие любили в Голливуде сороковых-пятидесятых годов, то есть счастливого конца в жизни, как правило, не бывает, как бы нам этого ни хотелось. «Цыган» – особая статья. Здесь автор приоткрыл читателю свою душу, жаждущую и страждущую идеала. Прочитав этот роман, так и хочется опять и опять повторить слова Спасителя: «Мое царствие не от мира сего». Но ведь закончил

Калинин своего «Цыгана» так, что слез не хватит оплакать. Кино, снятое в семидесятые и столь любимое нашими зрителями, не передает и десятой доли того, что хотел выразить автор. Такова уж специфика кинематографа – по верхам и развлекать. Чтобы не уходили из зала, жевали попкорн, пили коку... Редкие фильмы избежали этой трагической участи. Увы...

Казанцев Юрий Семенович с женой Верой Афанасьевной – частые гости нашего Пухляковского дома.

Юрий Семенович был в семидесятые первым секретарем Шахтинского горкома партии. Сразу полюбились они с Калининым друг другу. И я догадываюсь о причине этой искренней и верной любви. Казанцев, хоть и принадлежал де-юре номенклатуре, де факто оставался человеком – ищущим дороги правды, не желающим идти, закрыв глаза, по тем самым проторенным дорогам, по которым и нынче шагает наша номенклатура. Доставалось ему за это от вышестоящего начальства, о чем он рассказывал Отцу, так сказать, снабжая материалом для творчества. Я тоже кое-что из его рассказов слышала – и как-то само собой получилось, что в моем романе «Любимые и покинутые», вышедшем в начале девяностых в издательстве ЭКСМО в Москве, кое-что из рассказов Казанцева, разумеется, в преломленном виде, отразилось, выплеснулось... Я тоже повидала на своем веку немало чиновников и тоже сразу поняла, что Юрий Семенович совсем другой. Слишком искренен был он в своих поисках правды, непримирим к кривде... В итоге его «выдвинули» в столицу, чтобы не мешался под ногами. И как-то завял он в Москве. Поначалу поверил в так называемую демократию, но очень скоро в ней жестоко разочаровался. Расстрел Дома Советов повлиял на него самым роковым образом – не думал он, что в нашей стране дело дойдет до такой бесчеловечной и бессмысленной бойни. Помню наш с ним последний телефонный разговор. Жил он последнее время на подмосковной даче, выращивал тюльпаны и розы, занимался много внучкой Миленой. «Хочу, чтобы она выросла не такой доверчивой, как наше поколение, – сказал он и, помолчав, добавил: – Я им верил. Страна нуждалась в переменах. Но теперь, после этой безвинно пролитой крови, я их проклинаю...» Я узнала через несколько дней, что Казанцев умер от инсульта. Вера Афанасьевна позвонила нашим в Пухляковку уже после его смерти и сказала, что Юрий Семенович последнее время вспоминал их с Калининым телефонные разговоры и споры и часто повторял, что Калинин – настоящий мудрец и пророк. Отец тяжело переживал эту потерю. Он говорил, что с потерей друга отмирает часть души. Юрию Семеновичу Казанцеву Анатолий Калинин посвятил замечательное стихотворение, где есть такие строки:

*Все круче в штопор я вхожу
Неисполнимых обещаний,*

*Неизгладимых расставаний,
Неразразившихся рыданий
Все круче в штопор я вхожу.*

Общие темы находились всегда.

Часто приезжал Петр Севастьянович в наш дом, к Отцу. Они друг друга знали давно, еще когда Косов работал в Старочеркасском музее-заповеднике. Думаю, сближала их, прежде всего, казачья тема в широком смысле этого понятия. Вернее, тревога и боль за судьбу нашего казачества, разрозненного на лагеря и группы, подчас между собой враждующие. Узнав, что Косов помог вызволить из чеченского плена триста с лишним наших ребят, Отец посвятил ему поэму «Фронта нет – и это точно». Есть в ней такие строки:

*И вот в наш век, отнюдь не лучший
Для тех, с кем в труса не играть,
Возник на родине могучей
К а з а к, чтоб пленных вызволять.
Казак не бравый, не с нагайкой –
В лампадах, льющихся, как шелк,
Поди попробуй, отгадай-ка,
Как в горы тропы он нашел?..*

Петр Севастьянович «выкрал» Отца из больницы в 2006 году. Посадил в машину – и увез домой, на Дон, в Пухляковку. Чему вся наша семья была несказанно рада. Отец не переносил больницы, из «Кремлевки» тоже делал как-то ноги – тогда ему на помощь пришел зять Юра, муж моей сестры. Наверное, не стоит этим хвалиться, но мне почему-то очень по душе эта черта моего Отца – бегать от неусыпной больничной опеки. Вспоминаю строки из его стихотворения:

*И вдыхать на дорогу длинную
Про запас, навсегда, до конца
Не угар городской, а полынную
Горечь с сладостью чебреца...
А когда захлебнусь без отдачи
Я последним глотком на заре,
Отвезли меня чтоб не иначе
Как туда, где курганы казачьи
В сибирьковом стоят серебре.*

Кстати, о казаках и лампадах. На дне рождения Калинина можно все себе позволить. Тем более, его младшей дочке.

Даже в казаки могут принять. По рекомендации Виктора Михайловича Гусная, разумеется. Теперь он высоко взлетел – по заслугам, я думаю, – а мы его знаем давно и считаем родным человеком. Отец в шутку называл его «пламенным гуцулом». Да уж, темперамента Виктору Михайловичу не занимать. Район ему достался самый красивый на Дону и, быть может, самый запущенный. Заплеванные дикими туристами пляжи, степные, лесные и береговые пожары чуть ли не каждый день с наступлением грибного и пляжного сезона. Быть может, и здесь казаки помогут спасти Россию, как уже не раз делали в прошлом... Пусть оправдаются эти щемящие сердце надежды.

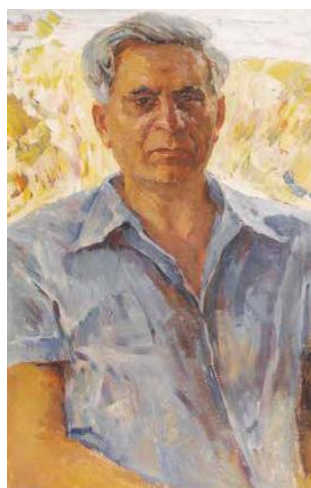
*Вино созрело в бочках у реки
И есть кому вам вынести по чаре.
Пускай она вольется в вашу кровь,
И вы донские песни запоете,
В которых все, что надо вам, найдете
Про родину. Про смерть. И про любовь.
Но только чтоб серебряной строки
Вы в песнях тех никак не проглядели,
Что никогда и раньше казаки
С Россией врозь свободы не хотели.*

Два художника – два Калинина.

Мне нравятся оба портрета. Борис Плевакин, новочеркасский художник, часто бывал в нашем доме, писал не только кистью, – перо у него тоже было легкое и умное. Изобразил Калинина в бурке, которую, кстати, подарил ему генерал Селиванов. Думаю, она не раз спасала его от зимних холодов во время войны. Я в детстве любила уткнуться носом в эту бурку, пахнущую и конем, и степью, и дальними странами, где успел побывать Отец в победном наступлении на врага вместе с Пятым Донским... Второй портрет – кисти тоже

новочеркасского художника, нашего дальнего родственника Николая Овечкина. Гостил как-то в Пухляковском, попросил Отца попозировать ему. Отец высидел не больше двух часов, хоть и любил Николая, ценил его талант, всегда находя интересные темы для общения с ним. И все равно портрет, не прописанный до конца, получился, я считаю, замечательным. Редкая удача. Калинина потом писали многие – и маслом, и гуашью, и углем, и в бронзе отливали... Но этот портрет особенный. Отец смотрит на нас так, как смотрел всегда – задумчиво, доброжелательно, с выстраданным спокойствием мудреца, заглянувшего в глубины человеческой души.

Интересный получился разговор...

И не позировали мы специально фотографу – Шевченко Александру Степановичу, земляку и журналисту из Новочеркасска. А еще и садоводу и огороднику по совместительству. Обычно он приезжал с друзьями, и поскольку Отец считал Новочеркасск своим родным городом, он всегда радовался гостям оттуда. Помню, в тот вечер мы говорили о судьбе поэта в нашем мире, имея в

виду Бориса Примерова. Калинин открыл широкой публике поэзию этого тогда еще совсем юного паренька с Ростсельмаша, которого не побоялся назвать «гением». Знал на память много стихов Бориса – никогда специально не учил, сами запоминались. Как и Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин... Я помню, кое-кто в Ростове, да и в Москве тоже, считал – из зависти, я думаю, – Бориса Примерова «сумасшедшим». Как-то давно случайно подслушала разговор двух писателей, и запомнила эту фразу: «Калинин сумасшедших поддерживает. Вроде еще и не старый, а сам...» И жест был соответствующий. Я рассказала об этом разговоре Отцу – было дело где-то в середине-конце шестидесятых. Смеялся он неудержимо, как вдруг лицо его посерьезнело и он сказал: «Бориса будут помнить, пока жив человек, а тех, кто это сказал, забудут...» Без всякой злобы, обиды... Кстати, потом эти писатели приезжали к нам – и Отец читал им вперемежку стихи Примерова, свои, Блока... У него был, помню, ужасно лукавый вид. Писатели восхищались стихами, разумеется, пребывая в полной уверенности, что Калинин читает им классику – ведь он в ту пору крайне редко публиковал свои стихи и относился к ним еще не совсем серьезно. Наконец, я не выдержала и рассмеялась. До слез. «С ней это бывает, – сказал Отец серьезно, но глаза его при этом лучились смехом. – Пойди лучше принеси нам винограда». Держу пари, наши гости разъехались по домам в полной уверенности в том, что Анатолий Калинин кроме домашних фирменных пирожков, вина и винограда угостил их еще и классикой русской поэзии.

Гость из Украины – поэт Иван Костыря.

Вот что написал этот замечательно интересный и талантливый человек на обороте одной из фотографий: «Была жара. И было так уютно под сенью клена, потягивал ветерок с Дона и опахивал, оведал свежестью. И было родство душ... Спасибо Небу!.. Иван Костыря» И дальше его же рукой:

«На снимке, сделанном в х. Пухляковском на Дону Николаем Вороной в день приезда в гости к А.В. Калинину. Иван Костыря (Донецк, Украина) Анатолий Калинин Наталья Калинина 8 июля 1999 года».

Читали друг другу стихи. Говорили о вечном братстве русского и украинского народов, которых разлучили хитроумные, но бездарные горе-политиканы.

Спорю с Отцом. Не от большого ума, разумеется.

А вот я не обладаю качествами, необходимыми для того, чтобы быть верной подругой гения. Возможно, потому, что не встретила того, ради которого можно жить, которым одним можно дышать и не надыхаться. С Отцом я, бывало, вступала в споры, которые обычно заканчивались горячим, подчас даже со слезами раскаяния, примирением. У него я научилась первой просить прощения. Помню, в детстве он отругал меня за то, что ушла без спросу на Дон, да еще переплыла с подружками на левый берег. (Доказала же какая-то гнида, простите за выражение). Я спряталась от обиды в нашем дремучем саду. Стемнело. Меня искали. Папа кричал громко: «Наташенька, вернись! Прошу тебя! Очень прошу!» Я слышала

в его голосе слезы, даже рыдания. И не выдержала – бросилась из тьмы прямо к нему на шею. «Прости, что я назвал тебя хулиганкой. Прости, прости... – Он целовал меня в макушку, гладил по спине. – Но мама так переживала за тебя. Попроси у нее прощения. Пожалуйста. Ради меня». Я не сразу согласилась – все-таки есть во мне гордая польская кровь. Ну, а когда попросила – стало на душе радостно, легко и даже празднично. И спала я в ту ночь сладко, как в самом раннем детстве. Помню до сих пор это блаженное состояние души, избавившейся от груза обиды, гордыни и еще чего-то ненужного, что мешает людям друг друга понимать. А уж тем более близким. Но на этой фотографии я себе не нравлюсь, хотя не помню точно, о чем был спор. В спорах я редко бываю права, да и в них никогда не рождается истина. Знаю одно, кстати, всегда знала: дороже Отца не было и не будет у меня на Земле, а, быть может, и во всей Вселенной человека. Вот и не нашла я себе в жизни достойной пары – ведь передо мной всегда был пример моего Отца.

А таких, как Саша, Сашенька, носят на руках не только в молодости.

Помню, Отец часто хватал Маму на руки, а она протестовала: «Не надо, Толя, тебе тяжело». И все равно несколько раз я видела, как он носит ее по саду на руках... Какое-то приятное воспоминание было связано у родителей с вальсом из музыки к драме Лермонтова «Маскарад» Хачатуряна. Едва зазвучит она по радио – и Отец подхватывает Маму, кружит по комнате. Он, насколько мне известно, был не слишком виртуозным танцором. В отличие от Мамы, для которой танцы значили в жизни очень много... «Вот когда, оказывается, ей

пригодилась ее страсть, которая нагрянула на нее еще в школьную пору. Бывало, едва заслышав из парка имени Горького звуки духового оркестра, она бежала туда в освещенный фонарями танцевальный круг, и потом уже ее ноги в легких туфельках неумоимо мелькали по этому кругу вплоть до той самой минуты, когда начинал мигать свет и оркестр переходил на бравурные звуки марша. В платице, прилипающем к лопаткам, она покидала парк с неизменным сожалением и с негодованием на тех, кто установил этот предел – заканчивать танцы в двенадцать ночи. Ей ничего не стоило бы танцевать до утра, ее ноги нисколько от этого не уставали. Вечером, выучив уроки, она снова спешила в парк в своих танцевальных туфельках. Со временем она научилась танцевать так, что ее наперебой выбирали лучшие партнеры. Даже подруги перестали ей завидовать, поняв, что им за ней не

угнаться». Это отрывок из романа Анатолия Калинина «Товарищи», написанного им уже в пору их с Мамой любви. Анна, героиня романа, партизанка, прекрасно танцует – совсем как Саша Веракс, – и это ее мастерство, помноженное на красоту и во всем – внешности, манере говорить, вести себя на людях, – сквозящую чистоту, помогает отвлечь фашистов от побега наших военнопленных. Кстати, вторую героиню этого романа зовут Саша, и она тоже во многом «списана» с оригинала. Так уж оно получается у художников пера, кисти и так далее. И мы не вправе винить их за это.

Калинины Саша и Толя. Им хорошо и интересно вдвоем. Под нашим вязом-кудряшом. В Пензе, в саду Саида. В санатории Железноводска. И снова дома...

«Саша, а ты поедешь со мной?» – всегда спрашивал Отец, собираясь в Москву на сессию либо по издательским делам. Знал, что она скажет: «Да, Толя, поеду», добавив мысленно: «Ну, как же ты без меня, а я без тебя?..» Но все равно спрашивал. Если

ложился в больницу – это уже край как

припечет, – то только при условии, что Саша тоже ляжет... Нет, мне вовсе не смешно, мне приподнято и радостно на душе от того, что такое еще случается на свете и не в каком-то там рыцарском веке, а сейчас, в век космический, изменчивый, щедрый на предательства и измены всякого рода. Саша первая узнавала о том, что пишет или собирается написать Анатолий Калинин. Он часто рассказывал ей сюжет будущего произведения,

спрашивал ее совета, мнения... Да, да, именно так. Вкус у Саши всегда был замечательный, хоть ей и не удалось получить высшее образование в силу того, что она была

дочерью «врага народа». Она читала. С детства. Гораздо больше, чем я, влюбленная в музыку и променявшую на нее в какой-то период жизни литературу. До сих пор читает, удивляя меня своей памятью и, разумеется, вкусом. Вспоминается мне невольно давний спор или, точнее, разговор Отца и Мамы по поводу советской

литературы. Она читала Айтматова, читала Белова с Распутиным, Бондарева, Астафьева... Разумеется, с подачи Отца. И как-то вдруг сказала: – Хочу прочитать «Дворянское гнездо». Толя, ты помнишь этот роман Тургенева? –

спросила она у Отца. — Давно читал. Еще в юности. Тогда же, когда и твоего любимого Джека Лондона. — Он и твой любимый тоже. — Да... Ты сейчас что читаешь? — Прочитала «И дольше века длится день» Айтматова. — И как? — Я не критик. Верблюд замечательный. Больше ничего не запомнила... Отец отвлекся на телефонный звонок, а Мама сказала мне: — Принеси мне, пожалуйста, том с «Дворянским гнездом». Ну, и Джека Лондона... Да, «Рассказы южных морей», если найдешь. Отец положил телефонную трубку и внимательно посмотрел на Маму. — Ты все та же, Саша. Помню, я вернулся с фронта, кругом бомбежка, все попрятались кто куда, а ты лежишь на диване и читаешь. Что ты тогда читала, не помнишь? — «Анну Каренину». И очень жалела Вронского. До сих пор жалею...

Калинин — депутат Верховного Совета. Мы с сестрой звали его слугой народа. Больше всерьез, чем в шутку.

Он становился выше, шире в плечах и красивей какой-то суровой и немного чужой красотой, когда выступал перед своими избирателями или собирался на сессию Верховного Совета. Увы, я никогда не видела, каким Отец был в зале. Как-то вернулся с заседания и сказал: «Выспался всласть». Но вообще-то к своим депутатским делам относился серьезно. Даже слишком. Шли к нему со всей области, а уж писали со всего Союза. Помню, пришла одна старушка только-только солнце Дон позолотило. Вижу из окна веранды: села на нижнюю ступеньку нашей лестницы, развязала узелок... Сосед Иван Филиппович, тоже ранняя пташка, вышел из-за калитки, спрашивает:

— Ты, бабушка, к Витаминычу?

— К нему, к нему. К нему все за правдой ходят.

— А ты знаешь, когда они свет потушили?

— Не знаю. Откуда мне знать? Я же из Мелиховки.

— Так вот, свет они потушили в третьем часу — я вставал Пирата отпустить — дюже цепью гремел, негодный, под самым окном. Уже на востоке сереть начинало. А сейчас только шестой час. Поспать-то дай человеку.

— Нехай спит. Я тут прикорну. Хлебушка съем кусочек — и прикорну. Так бы она, наверное, и поступила, но тут я услышала шаги Отца по лестнице из мезонина. Хлопнула входная дверь. И вот уже он стоит под яром — в рубашке и брюках и даже причесанный. Словно и не ложился спать. Может, не ложился?.. Не мог он заставлять людей ждать — характер был такой, а, главное, сердце доброе и чуткое. Всегда мог поставить себя на место человека, который пришел к нему только потому, что разуверился в правде, что чиновники во все времена были и остаются глухи к скорби и слезам народным.

— Окно было открыто — я и услышал, — рассказывал нам за завтраком. — Крепко старушку обидели, отрезали сотки, на которых фруктовый сад и пять кустов винограда — гамбургский мускат и бычий глаз. Выслуживается местная власть. Они у меня довыслуживаются. — Отец ударил ребром ладони по столу. Залаял Ромка, решив поддержать хозяина в его праведном гневе. Думаю, послушав рассказы вот таких стариков, старушек, да и молодых, еще в полной силе, мужчин и женщин, и написал Калинин свой очерк, скорее даже подходит к нему название «новелла», «Гранатовый сок», наделавший столько шума и в столице, и в области. «А я уже было и топор наточила: виноград и абрикосы на трех лишних сотках вырубать. Там у меня как раз

сладкокамушная абрикоса подросла, все внук ее дожидался, – и она под топор попадала... Теперь не попадет... И про буренку детишки будут не только по букварю узнавать...» Но еще лучше Егоров запомнил ее последние слова, сказанные на прощание: «Да не играйте вы с нами больше в прятки. Стыдно!» Эти слова Калинин вложил в уста своей любимой героини Дарьи Сошниковой, прототипом которой послужила наша местная казачка Клавдия Николаевна Чекунова. Крепко невзлюбили Калинина областные чиновники после «Гранатового сока»... И вид у него на этой фотографии решительный и какой-то просветленный. Нет, ничего не стяжал для себя Калинин за долгие годы своего депутатства. Сердце его всегда оставалось честным, чистым, неподкупным. Вот оно, это стихотворение, где Калинин сам задает себе вопрос: смогу ли прожить до конца так, чтобы и там, за пределом, не мучили угрызения? Как это исконно и благородно по-русски.

*Когда вечерняя заря
Совсем в окне моем сгустится,
Смогу ль сказать я, что не зря
Мне привелось на свет родиться?
Что я себя не уронил,
Что я себя не опозорил,
И ложью совесть не смутил,
И злу поддаться не позволил.*

И это он задает себе этот вопрос и, уверена, хочет ответить на него утвердительно, но все-таки побаивается чего-то. Жизнь полна искушений всякого рода, а он всего лишь человек, правда, достигший в своем духовном развитии «за-облачных высот». Нет, я не собираюсь причислять своего Отца к лику святых, тем более, что это не мои слова – я цитирую того же Бориса Примерова. Да и не только его. Я рассказываю все, как было. Оно так и было...

Зимнее интервью. Прекрасна наша природа во все времена. В ту сказочную зиму 2006 года так и казалось, что появится вот-вот снежная королева во всей своей красе.

Появились Любовь Александровна Суркова со съемочной группой и суетной фотограф Василий Чаусов... Отец был в ударе, чистил снег – это в свои-то грядущие в августе девяносто! а потом за столом читал стихотворение, написанное совсем недавно под впечатлением от знакомства с Вик- тором

Сурковым, мужем Любы:

*И ночью, и днем, облетая планету,
По меркам военным давно уже ас,
Любимый ваш мчится, а мне не по летам
Извольте страдать за него и за Вас...*

И это, от которого впадаешь в трепет восторга и жуткого страха за нашу опоганенную, заплеванную, терзаемую наживы ради Землю:

Как красоту России передать?
 Ее снегов суровое сиянье,
 Ее садов цветущих трепетанье,
 Ее полей созревших благодать.
 Ее морей отравленных печаль,
 Ее лесов редеющие вздохи
 Под топором безжалостной эпохи.
 Ее крестов несчитанную даль.
 Ее ночей загадочную жуть
 И проблески обманчивых рассветов,
 И плач разочарованных поэтов
 Опять сквозь окровавленную муть.

Отец и дочь Люба.

Столько лет прошло... Она стала Заслуженной артисткой, он – народным писателем. Любаша объездила полмира, если не больше, помогая вокалистам приумножить новыми победами на музыкальных конкурсах славу нашей родины. Отец всегда был привязан к Дону – уж очень крепко – и даже не принял приглашение

М.А. Шолохова сопровождать его в Стокгольм на вручение Нобелевской премии. «Нужно столько бумажек заполнить... – Он сморщился от отвращения. – И еще какие-то высокие пороги обивать. Посмотрю на М. А. по телевизору, а потом в Вешки съезжу. Если позовет, разумеется. Сам все и расскажет...»

Любаша после концерта в музее Скрябина и дома. Она же в компании с Дмитрием Хворостовским, тогда еще молодым и только начинающим сидеть, но уже очень знаменитым. Вкусила славу, цветы, аплодисменты. Объездила полмира. Но Отец любил ее не только за это. Еще как любил!

Что тут скажешь? Та беззаботная девчонка на лавочке рядом со своим юным Отцом – у них разница в возрасте каких-то девятнадцать лет, – разве думала она о

том, что станет знаменитой? Все мы хотим этого в детстве, но не представляем, как трудна и терниста дорога к славе. Моя сестра прошла ее с честью, разумеется, натываясь на шипы и спотыкаясь о

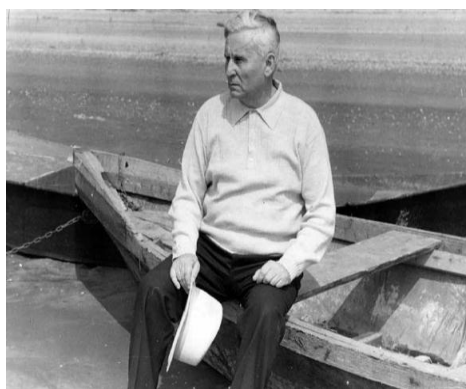
подножки все тех же завистников. Прошла! Честно и мужественно. Наш род ею гордится.

И еще о моей любимой сестре. На этой фотографии ей всего двадцать лет. А это ее мама, которая до двадцати не дожила...

Я смотрю на фотографию Любви Сафоновой и думаю: моего Отца любили самые красивые женщины. Вероятно, не только потому, что и он был красив. Истинная женская любовь смотрит глубже, то есть в самую душу. Недаром ведь мудрые женщины говорят – кстати, от мужчин я сроду не слышала этой поговорки, – «С лица воды не пить». А мама сказала мне недавно: «Он был такой худющий, когда мы встретились. Может, и красивый – я не заметила как-то. Добрый был, отзывчивый, страдал, видя муки других...»

Написано рукой Отца на обороте: на Пухляковском берегу Дона. 1983 год.

Видно, чем-то запомнился Калинину этот день, раз он своей рукой подписал дату. Ну, а на второй фотографии, сделанной, мне кажется, в один и тот же день, Отец сидит у стола в своем мезонине, но почему-то отвернулся от своего любимого Дона. Возможно, прошелся по берегу, увидел брошенные дикими туристами банки, бутылки, сожженные деревья и кусты – и задумался... «Помню, еще двадцать лет назад между хутором Пухляковским и станцией Раздорской сплошь тянулась по правому берегу Дона вербная роща, – пишет Анатолий Калинин в своем берущем за самое живое очерке «Земля и гроздь»... И далее: «Но тех самых верб, под которыми шла дорога от станции до хутора, уже почти нет. Только редкая цепочка их осталась. Далеко друг от друга стоят, а между ними – обугленные стволы и пеньки – дело рук браконьеров – рыбаков и просто гуляк, приезжавших на донской берег из города Шахты и ближайших поселков. Глушили толком и ловили – не только по ночам – сетками, черпаками, переметами рыбу... Жгли под деревьями костры, варили уху, пили, веселились. От костров загорались деревья и пылали, отражаясь по ночам в тихих водах Дона. Красиво горят деревья, разбрызгивая искры, и ни с чем несравнимо это зрелище стелющихся по Дону и гаснущих на воде искр...» С тех пор, увы, ничего не изменилось. Разве что еще хуже стало. Грустно и больно за природу, страшно за людей, уничтожающих постепенно, а в последнее время все быстрее, свой единственный неповторимо прекрасный дом. Суров взгляд Отца, смотрящего на загаженный людьми берег Дона...

Долгожданный друг из Москвы Анатолий Софронов. На берегу Дона.

*Не пойму, на Парнасе
Иль на склонах Голана
Зацвели вдруг лампасы,
Как тюльпаны, багряно.
Не на круче у Дона
Стоит – у Евфрата
Анатолий Софронов
Со щитом Арафата...*

Это, разумеется, шутка, сочиненная прямо за столом, на моих глазах. На самом деле Калинин любил Софронова и ждал всегда его приезда. Посвятил ему прекрасные стихи:

*Тобой назначенные сроки
Уже прошли, как месяц май,
И я рифмую эти строки,
Чтобы напомнить: приезжай...*

Ездили вместе с Софроновым в Вешки, к Шолохову. Помню, как-то Михаил Александрович сказал Отцу по телефону:

– Толя, Софронов ко мне собирается. А ты приедешь с ним?

– Приеду, Михаил Александрович.

– Ну, смотри. Буду ждать...

И Отец на крыльях радости летел в Вёшенскую...

Вешенская. В гостях у Шолохова.

Сколько легенд сложено об этом гении с высоким крутым лбом и пронизательным – словно в глубину души смотрящем – взоре. Тот, кто не видел живого Шолохова ни разу, быть может, и клюнет на тщательно продуманные завистниками и злопыхателями легенды о беспробудном пьянстве, плагиате и так далее. Я еще с детства слышала рассказы обывателей о личных самолетах, парке иномарок, открытом счете в банке... Да разве все эти выдумки и сплетни перечислишь? Однажды, помню, Отец вернулся из Вешек потрясенный – он всегда возвращался оттуда в приподнятом настроении духа, помолодевший

душой и какой-то словно парящий над землей. Но тут, помню, сказал: «Подумать только, Михаил Александрович признался мне наедине, что у него на книжке осталось две тысячи (дело было в шестидесятые годы). Сказал, что ему самому неловко заводить разговор об издании собрания сочинений. А ведь нет книг Шолохова в продаже. – Отец направился к телефону, помедлил, сел за стол. – Нет, я лучше напишу письмо в ЦК. О телефонном разговоре легко забыть...»

Если бы эти разговоры – Калинина и Шолохова – кто-нибудь записывал. Увы... Они уединялись, им старались не мешать. Возможно, в архивах КГБ и сохранились записи... Будем надеяться. Могу только сказать, что не анекдоты рассказывали друг другу эти два мудрых и открытых душой человека. Говорили о литературе в основном – знаю от дочери Марии

Михайловны, которая иногда присутствовала, разумеется, надолго оставляя их одних. Читал Шолохов много, до последних дней жизни. Своего любимого Бунина, Хемингуэя, Апдайка. И наших писателей читал... Что касается анекдотов и шуток, без них, разумеется, не обходилось. Это сейчас кое-кто пытается представить Шолохова этаким занудой, твердящим с трибуны лозунги и прописные истины. Особенно старается преуспеть в этом наше телевидение. Но даже я, знавшая М.А. уже в последние годы его жизни, могу сказать, что с этим человеком можно было поговорить

обо всем, не замечая, как бежит время... Я стеснялась отнимать у него это время. Теперь жалею, что так и не задала один вопрос, мучающий меня с самого детства: Кого больше любит он – Аксинью или Наталью? Не задала... Отец любил бывать с земляками на родине Шолохова, в станице Вёшенской...

Родители на нашем старом уютном диване с котом Роберто.

Почти никогда никто из нас не писал на обороте дату. А жаль. Здесь я могу определить ее благодаря белому коту, которого подобрала Наташа маленькая и назвала Роберто – она в ту пору изучала итальянский язык и уже работала переводчицей на ярмарках и выставках. Это примерно

конец восьмидесятых. В ту пору Мама как раз связала Отцу этот теплый свитер мшистого цвета, который он очень любил. Конечно же, это Пухляковка, наш дом. А кошки всегда присутствовали в нашей жизни, только Отец предпочитал называть их, в отличие от меня и моей дочки, русскими именами: Васька, Захар, Мавра, Гаврилка, Люська...

Обратите внимание на выражение лица Калинина – по нему все можно узнать.

Сидит на каком-то заседании и думает, наверняка, о чем-то своем – оттуда и ирония в глазах, в складке губ. Или же кто-нибудь из выступающих что-то такое «отморозил»... А Вера Григорьевна Тишкова смотрит с веселым недоумением. Но и не без страха – вдруг возьмет и рассмеется громко,

на весь зал, Анатолий Калинин, почетный член президиума... Цветы преподнесли от чистого сердца. Наверняка не как депутату, а как автору «Цыгана». И тоже дело происходит в президиуме какого-то серьезного мероприятия. А Калинин, на беду, забыл депутатский значок. Или же он у него отвалился, как это часто бывало, и лежит теперь в кармане. Весело Александру Александровичу Акишеву от соседства с таким непредсказуемым человеком, как Анатолий Калинин. Может вдруг сказать: «Будулай бы на моем месте, чем заседать, лучше бы в кузне делом занимался», либо что-нибудь еще в этом роде. Таков уж он был... Министр сельского хозяйства Василенко Вячеслав Николаевич, как и Отец, рад встрече. Василенко учился в нашем техникуме, бывал у Калинина еще в

студенческую пору – Отец всегда любил встречаться с молодежью. Вот и вышло из-под его пера стихотворение:

*Не забывай, служа отчизне,
Как общепризнанный министр,
О той своей сверххранной жизни,
Когда ты был и юн, и быстр...*

*Когда не в том кабриолете
Что чуть касается земли,
А гулким трактором в прицепе
Твой курс на практику везли.*

Думаю, Василенко не обиделся. И еще думаю, что студенческие годы в хуторе Пухляковском отложились в его памяти добрыми воспоминаниями. Народная художница России Мария Владимировна Савченкова купила в нашем хуторе летний домик только потому, что здесь живет наша семья. Их встречи с Отцом были большой радостью для обоих. Она ведь тоже из той породы людей, которые жизнь воспринимают главным образом как

материал для творчества. Оба всегда радовались удачам других – от чистого сердца. И стремились, чем могли, помочь молодому таланту раскрыться, проявить себя еще ярче.

В городе Отец был всегда не в своей тарелке. Зато дома, в родном хуторе, под старым орехом...

Но лучше Отец сам скажет об этом:

*Зовут в Москву в Кремлевском зале
Наказ с трибуны выполнять,
Но как могу я без печали
Донскую осень покидать?*

*Такую синь родного неба,
Такое золото ветвей,
И прошву будущего хлеба
На черном бархате полей.*

*И лес, униженный грачами
У этой осени в плену,
И ту звезду, что мне ночами
Мерцает в небе и в Дону.*

Уголки нашей усадьбы в разное время года. Здесь все тропинки и закоулки родные. Здесь воздух густой и терпкий, пропитанный мыслями Отца, чувствами, мечтами... Здесь и по сей день живут его герои.

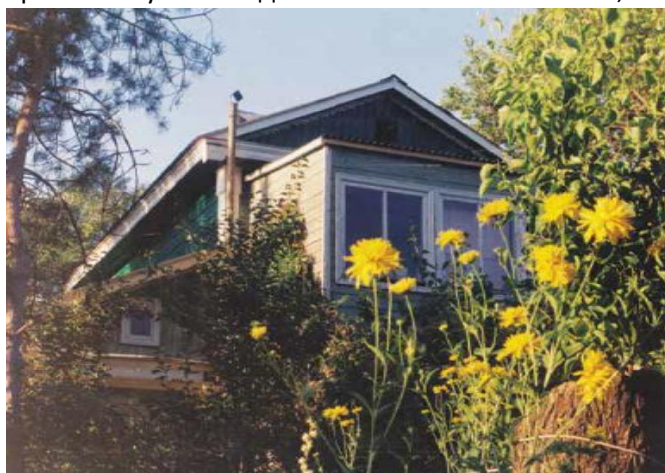
*...Голова моя сладко закружится
И впаду я в нездешние сны.
Никогда еще в жизни прежней
И нигде в изумруде листвы
Не видал я таких черешен
В ореоле такой синевы.*

*И как будто душою безгрешной
Я все выше над ними лечу...
Потому и от снов нездешних
Просыпаться никак не хочу.*

Как будто Отец здесь, с нами. Сколько раз приходил во сне, говорил: «Доченька, не делай так, а вот так...» или: «Прости его, доченька...» «Ну да, не ведает, что творит», – шепчут во сне мои губы, и я просыпаюсь с легким сердцем. Потому что уже простила того, кто обидел – случайно ли, нарочно. Прощать легко, поверьте мне. И сад наш помнит Отца. Каждый его уголок, может, даже каждое

дерево помнит. Сосны наверняка помнят – большие, стройные, полувековые, они когда-то были хрупкими маленькими веточками в мешке лесника Вениамина Василенко. Отец сам их сажал, сам выхаживал... И орехи любил собирать по осени. Но ореховые деревья сажал не он, а птицы. Несли в клювах, роняли на землю. Как тысячи лет назад, когда еще не было на Земле людей в нынешнем нашем обличии и хозяйничали на ней птицы, звери, возможно, какие-то феи, эльфы... Хранили эту землю для нас. Это я вспомнила то, что мне Отец в детстве рассказывал.

Бродим с ним по тогда еще совсем молодому саду, рассматриваем цветы, травинки, разговариваем с птицами. Сороки с удовольствием отвечают, скворцы тоже. А вот ласточки лишь носятся над головой, рассекая воздух своими узкими изящными туловищами. Ныряют вниз, сложив крылья, потом вдруг взмывают вверх. Как акробаты в цирке.

А ты, цыган, запой наперекор судьбе...

Эта фотография сделана в 2005 году на премьере в Ростовском Музыкальном театре оперы Леонида Клиничева «Цыган» по мотивам романа Анатолия Калинина. Премьера прошла с большим успехом, осуществленная известным режиссером-постановщиком В. Александровым (он на снимке рядом с Клиничевым). Увы, после пяти!

спектаклей, прошедших с аншлагом, «Цыгана» выкинули из репертуара. К недоумению зрителей и, разумеется, актеров. Кто-то из завистников, думаю, Клиничева, поднял грязную кампанию по поводу того, что в опере цыгане торгуют наркотиками, а на самом деле, утверждал некто Лиманский, они ими никогда не торгуют. Но ведь даже если это и так, Будулай, цыган, и его сын Ваня, тоже цыган, помогают разоблачить этих бессовестных торговцев, губящих молодежь. Разве в стаде не бывает паршивой овцы?.. Увы, театр не пошел на конфликт, раздутый, как всегда, СМИ. А на премьере было замечательно – приехал автор «Цыгана». Музыка у Клиничева мелодичная, глубокая. Что касается автора романа, то, разумеется, его Будулай остался таким, каким всегда жил в его сердце. После многочисленных инсценировок романа, которые шли по всей стране, после трех его экранизаций за каких-нибудь четверть века, Калинин сумел сохранить своего Будулая. Восхищаясь игрой Михая Волонтира, автор, тем не менее, думал всегда о другом Будулае, который однажды постучал своим кнутом к нему в окно да так и остался с Калининым до самого конца.

Цыган Будулай, то есть, Михай Волонтир. Страна его полюбила. Он учил добру и прощению. Трудно жить без такого героя.

«Благодарю Вас, что Вы родили такого доброго и необыкновенного сына цыганского народа. Дай Бог Вам удачи и счастья – Норон ши бафтэ! (это по-молдавски), – написал Михай Волонтир Анатолию Калинину в 1979 году. – Работая над фильмом, я научился у дяди Кости – старого и доброго кузнеца из Раздор, – ковать железо, чистить копыта и подковывать лошадей. На левом моем плече остался знак от искр раскаленного железа, это три маленькие белые пятна.

Я хочу, чтобы они сохранились навсегда – память о добром цыгане, память о работе над Вашим героем, моим героем. Я хочу, чтобы когда-нибудь меня спросили – откуда эти пятна, и я с гордостью скажу – от Будулая!

И, услышав это имя, люди всех наций становились бы добрее, вдумались бы в каждый шаг, сделанный по жизни... Многим читателям этот человек оставил знак в груди, мне и на теле».

Наше крыльцо. Старое и новое. Летом, осенью, весной...

Повсюду золотые россыпи осенней листвы, даже на крыше нашего старого крыльца... На снимке В. Гуськов, А. Кеда, Н. Калинина. А еще наш галчонок Карлушка в клетке на стене. Был готов поддержать любую беседу своими громкими и не всегда одобрительными выкриками. А вот и новое крыльцо – просторное, уже обжитое, на котором было столько незабываемо интересных встреч. Отец что-то оживленно обсуждает с Леонидом Павловичем Клиничевым, композитором, автором балета «Тихи Дон», оперы «Цыган». И вот разошлись и разъехались гости, и Отец остался с той, ближе которой для него нет никого на свете – с верной и бесконечно дорогой Сашей. Невольно

вспоминается мне знакомое и любимое с детства стихотворение Анатолия Калинина, написанное им в Будапеште в 1944 году, в разлуке со своей единственной Сашей:

*Нет, не пленить тебе меня,
Венгерская краса,
Меня от смерти сохранят
Не черные глаза.
Не смуглота девичьих щек,
Насурмленная бровь,
Не кровь, как виноградный сок,
А северная кровь...*

Помню, я бредила этими строками, еще не зная почему-то, что их написал мой родной Отец. Они словно пришли ко мне из далекого далека вместе с музыкой из «Большого вальса», стихами Блока про таинственных незнакомок,

светом далеких звезд в нашем пленительно бархатном небе, которым я могу любоваться часами. А потом Отец прочитал как-то за столом вот это:

*Мы дважды вместе отступали
И наступали через Дон,
И нас под бомбами венчали
Среди лампасов и погон.*

И подумала я о том, чем была бы наша жизнь, не будь в ней любви, музыки, поэзии... Да и как можно было противостоять доброй и мягкой красоте этой женщины?

Эти старые фотографии... Они все время мне попадают. Не могу оторваться от них.

«А. Калинин, южный фронт, 1942 г.» – написал Отец своей рукой карандашом на обороте. А на второй фотографии, не совсем четкой, не знаю – кто написал: «1934 г.

Мы с Калининым на встрече с С.М. Буденным». Кто он, этот человек, который написал, и спросить не у кого... Возможно, это Хорев, редактор газеты «Знамя коммуны» (сидит справа от Буденного). Помню, Отец рассказывал о нем много хорошего. Калинин в клетчатой рубашке за спиной у Буденного. Отец никогда не лез вперед. Ни в юности, ни в преклонные года.

С Клавдией, то есть с Кларой Лучко.

Сколько раз намеревалась спросить у Отца, поцеловала его в тот раз Клара или нет, но не посмела... Вряд ли бы он мне признался, если бы и поцеловала. Помню, разговаривая с Лучко по телефону, он часто называл ее «Клавдией», а она лишь звонко смеялась в ответ. Конечно, это была ее звездная роль, и сыграла она женщину

идеальную, то есть такую, которая не поддается соблазнам и искушениям минуты, а верно ждет того, кого любит. Зря в кино устроили встречу Клавдии и Будулая. Вообще зря, я считаю, сняли «Возвращение Будулая» – там от романа рожки да ножки, а в основном бредятина от сценаристов и режиссера. Не бывает так, быть не может, сама жизнь вопиет против того, чтобы сбылась такая любовь. У Калинина в романе все верно – *так можно любить только на расстоянии, в мечтах*. Жизнь всегда вносит свои печальные коррективы в отношения между людьми. Зрители радовались счастливому концу, а Калинин взял и написал Девятую часть... Да и в Восьмой – в самом конце – такую сцену расставания изобразил, что даже плакать не- возможно, сил нет... Но Отец все равно был очень благодарен творческому коллективу фильма и часто смотрел его, когда показывали по телевизору. Кассету не хотел смотреть, говорил: хочу смотреть со всей страной. Вероятно, на этой фотографии Лучко приняла Калинина за Будулая. А ведь она в чем-то права. По крайней мере, скажу от себя: Будулай во многом раскрепостил Калинина. Да, да, не удивляйтесь. По жизни депутату Верховного Совета России многое полагалось делать и говорить если не иначе, то иными словами, чем мог бы сказать Будулай. И Будулай говорил за Калинина. То, что Калинин не досказал в жизни в силу тех либо иных обстоятельств.

Скамейки нашей усадьбы. Они тоже много знают и помнят.

Вот приехала Люба Суркова – просто так, посидеть, поговорить. Но, разумеется, намотать кое-что себе на ус, чтобы потом привезти свою группу. Чаусов решил заснять этот «исторический момент», и мне пришлось спешить из сада прямо босиком, разумеется, не имея права и времени на

зеркало. А Отец, помню, сказал Чаусову: «Ну вот, Вася, а Маркиз почему-то повернулся к тебе задом. Знает, что это фотография не попадет ни в газету, ни на телеэкран, вот и относится несерьезно. Областное начальство он всегда встречает при полном параде – первый выскакивает к теле и фотокамерам...» Скамейки мочит дождь, засыпает осенняя листва, прожаривает солнце. А они все несут и несут свою нелегкую службу: под тютюной в Зеленом кабинете Калинина, у могила Наташи Маленькой возле старого дощатого забора, у нового крыльца или просто в тенистом уголке сада, где на голову может упасть яблоко или жердела, а под ногой оказаться принесенный кошками живой уж или даже гадючка.

Беседка, которой больше нет. Не вписалась в новый пейзаж с кирпичным коттеджем вместо летней кухни из ракушечника.

Беседка была из железных прутьев и вся оплетена «изабеллой», кисти которой свисали как люстры над столом. С апреля по ноябрь она служила пристанищем практически всем, кто приезжал к нам. И

действительно, зачем идти в комнату, если здесь, за большим столом, можно не только поговорить, выпить вина, поесть тающих во рту тонких пирожков маминой выпечки, о которых многие до сих пор вспоминают, а еще и вдохнуть ароматы сада и степи, которые нет-нет и принесет вездесущий ветер. И Дон совсем рядом – поблескивает, как чешуя огромной рыбы, манит своими песчаными отмелями, в сумерки мерцает огнями бакенов и проходящих барж и пароходов. И сливы тут под боком растут, и яблоки, и, конечно же, виноград. А в бокалах искрится и переливается вино... Виноградное вино прекрасный друг любого застолья – веселит, ум проясняет, не позволит хватить лишку даже тому, кто привык превращать застолье в подстолье. Оно всегда присутствовало и присутствует на нашем столе донское чистое вино, воспетое еще в Библии и благословленное самим Спасителем. Беседка... Вечная тебе память.

*То ли с Северным Кавказом
Все по той же доброте?*

**Налита в тарелки уха. И пирожки
прямо со сковородки – слюнки текут.
Но хозяин читает что-то. Быть может,
вот это:**

*Над землею тянет гарью,
Ворон к ворону летит...
С чем еще нам по сценарию
Распрощаться предстоит?
То ли с нефтью, то ли с газом,
То ли с тундрой в мерзлоте,*

Суховенко Сергей Леонидович, депутат Ростовского законодательного собрания, поклонник творчества Анатолия Калинина. Ну, а Виктору Михайловичу Гуснаю часто доводилось быть первым слушателем написанных Калининым стихов, а то и целых страниц новой прозы...

**Сирень... Она повсюду растет на
нашей усадьбе, как и все остальные
цветы, которые украшают родные
уголки с ранней весны до поздней
осени.**

Когда мы поселились здесь в 1946 году, сирень росла на яру возле калитки, от которой вела вниз старая каменная лестница. Увы, она разрушена половодьями. На этой лестнице любили греться ящерицы и

мы, дети. Потом сирень перехлестнулась в наш двор. Простая – дикая, – но очень душистая. Я стала рассаживать ее повсюду, приносила из хутора белую, бардовую, махровую... Все знали о нашей страсти к сирени – и многие привозили по весне веточки с корешками. В пору ее цветения в столовой на столе стоял, источая пьянящий дух весны, большой лохматый букет, вокруг которого обязательно жужжали залетевшие в открытые окна пчелы. Дом в ту пору – полвека и больше назад – был просторный: кровати, столы, стулья. Один большой шкаф, куда помещалась вся наша одежда. И носились по всему дому теплые и веселые сквозняки, пахнувшие ночной фиалкой, цветущей акацией, горько-сладкой степной полынью... А в мезонине, где Отец проводил большую часть своей жизни, еще и Доном пахло. У нашей реки ведь особый запах. Такой, «словно кто-то рядом размахнул ножом надвое ажиновский арбуз». Именно размахнул – казачьей шашкой, большим ножом – и из него брызнул душистый сок... А когда сирень отцветала и ее лепестки падали на землю, ветер швырял их в раскрытые окна нашего

дома, засыпая ими подоконники. – Вот и сирень отцвела, – как-то сказал с грустью Отец, стоя у окна и глядя куда-то вдаль. – Она всегда напоминала мне о помещичьих усадьбах, с такой внимательной любовью изображенных у Тургенева, Гончарова, Блока... Дворянская литература, главным образом русская, обогатила мир ощущением беззаботной неги благородных чувств и помыслов. Там, где не знают о том, что такое борьба за кусок хлеба насущного, и думают и чувствуют иначе. Я очень люблю дворянскую литературу. Можно сказать, вырос на ней... И опять наш разговор прервало чье-то вторжение. И заговорили о чем-то другом: более земном и, возможно, в данный момент больше нужном людям, чем вся дворянская литература вместе взятая. Но я до сих пор люблю перечитывать Бунина, Тургенева, Толстого... Отец к тому приучил.

Друзья венчают как романтика особу грешную мою...

Так уж случилось, что Калинина записали в романтики еще на фронте. Но это деление на романтиков и реалистов, красных и белых, наших и ненаших и так далее весьма условно, о чем мы с Отцом нередко говорили. «Возьмет вдруг жизнь или время – и в одночасье смешает всех в одну кучу. Поди, разберись: кто наш, а кто

чужой, – сказал как-то Отец. – И повторял часто знакомую мне с раннего детства фразу: – В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата». Кстати, и жил он по этой заповеди. После войны первый бросился на защиту так называемых власовцев, то есть людей, побывавших в фашистском плену, но не повернувших оружия против своих. Никогда не подписывал никаких коллективных писем осуждения. Правда, бывало и так, что находил свою подпись в так называемой группе товарищей. Тогда рвал и метал, звонил в Союз писателей, даже в ЦК, но никаких опровержений в ту пору никто не печатал. И все-таки он был настоящим романтиком в том самом сокровенном для меня смысле этого слова – верил Калинин в торжество добра над злом, любви над ненавистью, правды над кривдой. Вот и тех самых друзей, которые так любили сниматься с ним «для вечности», как выразился кто-то, притягивал к нему этот Романтизм или, если хотите, то самое, что позволило Творцу нашей Вселенной одолеть вечный хаос.

На своем очередном дне рождения.

Слушает хвалебные речи, а сам, наверняка, думает о своем... И лицо суровое, даже мрачное. В завершение чествования на одном из своих юбилеев, кажется, в 1996-м году, он прочитал свое знаменитое стихотворение «Когда меня уже не будет», облетевшее всю страну – вечер транслировали по центральному

телевидению, в ту пору еще не окончательно засоренному всякой мутью. Стали звонить люди из разных уголков нашей страны с просьбой прислать это стихотворение. Я размножила рукописную копию и высылала ее по десяткам адресов... Читательница из Владивостока сказала мне по телефону, что поэзия Калинина – это откровение нашего века. Добавлю от себя: еще и чистый родник, пробившийся сквозь толстый пласт всевозможных, в основном отравленных, наслоений на пороге XXI век, которые так печалят израненную душу России, всех патриотов отечества, каким всю жизнь был Отец.

А вот и короткие минуты отдыха.

Распахнуты настежь двери нашего дома. По двору уже прошли люди в штатском с учеными собаками. Бедные кошки, они потом еще долго не слезили с деревьев. Вот-вот должны подъехать высокопоставленные гости. У меня всегда создается впечатление, что им, этим гостям, вовсе не по душе столь суровый ритуал, ограждающий их от общения с простыми людьми. Но кому-то это выгодно. Ведь королей делает свита, о чем знали во все времена.

Приехали! И началась суета. И застрекотали камеры...

А потом оказалось, что у многих хуторян висят в доме фото - графии чуть ли не в обнимку с Губернатором, главой Южного федерального округа (и не од - ним!), с федеральным инспектором. Вот тебе и люди в штатском с собаками, да еще наряд милиции у

ворот и десятка два казаков на хуторском Бродвее, то бишь Центральной улице. Это все – наша история. Как много ещё в России любителей стать причастными к делам истинных творцов-созидателей, не всегда понятным для их разума, но с неодолимым желанием быть в центре внимания,

на гребне волны! Приятно сознавать что их было мало на нашем под ворье.

Разъехались...

Кошки спустились с деревьев и вернулись к своей привычной жизни. И Маркиз, увидев себя по телевизору в свите Губернатора, возгордился невероятно. А тут еще гости тортом угостили. Теперь и встать-то трудно, уж не говоря об исполнении привычной собачьей службы. И мы с Папой устроились уютно на диване. В сон клонит, но расставаться после столь бурного дня не хочется. В комнате прохладно и полумрак – к 22 августа, как правило, всегда спадает жара и даже случается, что вдруг резко холодает и идут дожди. Это число как рубеж, где лето передает эстафету осени. Потом еще будут и жаркие дни, и ясное небо, но его

незамутненная эмаль все чаще станет напоминать о грядущих холодах. Я не склонна верить гороскопам, но Отец родился на границе Льва с Девой. В нем много бесстрашного, подчас безоглядного, мужества от царя зверей и бездна особенной – не подберешь даже земного прилагательного – нежности. Думаю, *такими* качествами человека может отметить только Творец.

Был суровый и мрачный. Как вдруг стал совсем другим.

Не любил Отец слушать хвалебные речи в свой адрес. Это не было рисовкой или притворством. «Мне не по себе, когда меня называют «знаменитым», «гениальным» и так далее, – говорил он. – Чувствую себя как свадебный

генерал...»

Но вот преподнесли каравай нашего – донского – хлеба, и улыбка тут же смягчила его лицо. «А пахнет-то как: и чебрецом, и полынью, и низовым ветром...» Но еще лучше Отец сказал об этом в своем стихотворении:

*Я в руки взял
Румяный хлеб донской.
Он был высокий,
Лакомый,
Пшеничный...
Такой простой,
И все же необычный —
И сельский,
И ростовский
Городской.
Я нес его.
Он пахнул тихим Доном
И южным полем,
Пряным и зеленым...
А память мне
Вернула дни невзгод:
Горбушка хлеба,
Сорок пятый год...*

«Звезда над лугом». У нас они сияют и над Доном, и над степью...

К восьмидесятилетию издательство «Книга» выпустило поэтический сборник Анатолия Калинина. Он сам дал ему название – «Звезда над лугом». Свою только что изданную книжку Отец всегда прочитывал от корки до корки. Огорчался, если находил опечатки, но радость

была больше и глубже. Часто читал нам вслух что-нибудь из свеженапечатанного. Говорил, будто сам видит все заново – и промахи, и удачи. И вот: на столе лежит пачка книг, кто-то из журналистов положил диктофон и попросил Калинина прочитать несколько стихотворений на выбор – Отец изумительно читал стихи, что отмечал с восторгом Виталий Александрович Закруткин. «Ты, Толя, не умеешь завывать, вращать глазами, размахивать руками, как это делают многие современные поэты, – говорил он. – Когда ты читаешь стихи, я вспоминаю Пушкина...» Не раз он это повторял, хотя и сам тоже замечательно читал Блока, Гумилева, Лермонтова... Знал – помнил наизусть даже в преклонные года – много, очень много поэтических творений. Удивляюсь, почему сам не писал. Или, быть может, обнаружат еще в архивах Закруткина и поэтические произведения тоже. Уверена, на этой фотографии Калинин читает мое любимое стихотворение:

*Счастливым станет навсегда
Кто вдруг нечаянно узнает,
Что беззаветная звезда
Его всю жизнь сопровождает.*

*С недостижимых высот,
Его из виду не теряя,
Она ему лишь только шлет
Свой свет, дорогу озаряя.*

*При свете том он набредет
На луг, еще никем не смятый,
И там судьбу свою найдет
В траве, безмолвием объятый.*

Юра слушает внимательно... Юра, можно сказать, доверенное лицо Анатолия Калинина. Недаром моя умная и красивая сестра выбрала его безоговорочно в мужа из многих своих поклонников и, думаю, никогда об этом не пожалела. Есть люди, мало таких, правда, которые понимают все с полуслова, обладают врожденным благородством, тактом, какой-то особенной – умной и

доверчивой – простотой. Это к нашему Юре относится. Отец мог беседовать с ним часами, поверять сокровенные мысли. И снова о звезде, об идеале... Мы с Отцом так похожи в нашей тоске по идеалу. Увы, Господь не одарил меня таким талантом. Помню, Клара Лучко говорила, что природа отдыхает на детях гениев. И смотрела на меня при этом весьма многозначительно – это после того, как я высказалась против продолжения фильма о Будулае, то есть о его возвращении. Меня никто не послушал. А Клара прокричала мне в телефонную трубку: «Это моя любимая роль. Я не позволю тебе отобрать у меня Клавдию Пухлякову.»

*Любовь всегда самозабвенна,
Она не то что без стыда,
А без оглядки откровенна
В своей невинности всегда.
Ей недосуг, от уст уста
На пошлый шепот отрывая,
Спешить оправдываться, зная:
Она сама собой чиста.
И с незапамятных времен,
Уже привыкнув вне закона
Являться судьям непреклонным,
Она сама себе закон.*

Как-то давно Отец обронил, что посвящает это стихотворение героине своего романа «Гремите, колокола!» Наташе Луговой. Запомнила я эти слова навсегда.

Дом в Новочеркасске. Калинин уходил из этих стен на войну. На веранде в Новочеркасске.

Брат и сестра Калинины, Калинины-старшие и Саша, Шурка-шофер...

Друзья из Новочеркасска тоже посещали этот гостеприимный дом.

Учительская семья Калининых поселилась в Новочеркасске в 1930 году. Этот дом по Маяковского, 65, бывшей Прибылянской улице, занимало несколько семей – пять или шесть, точно не помню. У бабушки Жени, Евгении Ивановны Калининой, был свой маленький садик, где она выращивала роскошные цветы и даже помидоры с

огурцами. Маленькая я любила играть и мечтать в этом садике. А еще там была небольшая, но необыкновенно романтичная веранда, оплетенная густыми зарослями дикого винограда. Именно в Новочеркасске, городе с богатыми казачьими традициями и своей – особенно чуткой к искусству, литературе – интеллигенцией развернулся и окреп талант Анатолия Калинина. «Я писал каждый день. Не было темы, которую я не затронул, – вспоминал он. – В «Знамени коммуны» меня встретили доброжелатель -

но. Уже в те годы я начал писать репортажи в «Комсомольскую правду», в «Молот»... Новочеркасск дал мне много во всех отношениях...» Я помню те времена, когда за дедушкой Веней, Вениамином Александровичем, директором 5-ой средней школы приезжала двуколка с кучером по фамилии Полторыбатько. Мы с сестрой смотрели в окно, как дедушка медленно залазит в коляску (он был инвалидом с детства) и смеялись: «Два с половиной батьки поехали». Это был музыкальный дом. Помимо моей сестры, уже в детстве проявившей талант и тягу к музыке, по соседству – через стену – жила преподавательница музыки, ученица Скрябина. Учился играть на фортепьяно и сосед с другой стороны, ровесник моей сестры. На веранде и в просторной гостиной часто собирались интересные люди – семью Калининых уважали в Новочеркасске. Какое-то время в доме жил Николай Овечкин, народный художник России. По пути в Кочетовскую заезжал Виталий Закруткин и тоже непременно садился за рояль. Как сейчас помню его откинутую назад голову и хриловатый голос: «Роняет лес багряный свой убор, Сребрит мороз увянувшее поле...» Мелодия каждый раз была иная – вероятно, сам сочинял.

P.S. На одном из снимков у Отца мрачный и потерянный вид – совсем недавно мы потеряли нашу Наташу...

И в столице, и в станице остаюсь я казаком

С М.А. Шолоховым на IV Всесоюзном съезде писателей, 1967 год. В год девяностолетия, помню, в одном интервью, Калинина были и такие слова, обращенные к землякам: «Спасибо, что вы терпели меня все эти годы». И любили, добавлю я. Эта любовь была взаимной и передавалась из поколения в поколение.

С Михаилом Михайловичем, Мишей, Шолоховым.

Помню, 22 августа 2001 года, то есть на восьмидесятипятилетие Отца, вдруг нагрянули Миша и Светлана Шолоховы. Оба уставшие от длинной дороги, но счастливые, родные, близкие. Их неожиданное появление придало встрече особенную радость и вместе с тем грусть... Все дети Шолохова похожи на своего отца. И не только внешне, а широтой души, особой – чуткой – интеллектуальностью, полным отсутствием кичливости и показухи.

Кто-кто, а я это хорошо знаю. Есть мне и с кем сравнить – имела честь наблюдать отпрысков кое-кого из московских писателей... Не хочу сказать ничего плохого о них, но Москва, увы, накладывает свой отпечаток практически на всех без исключения. Я тоже подверглась ее влиянию – этой особой смеси цинизма с наивной уверенностью в превосходстве над всеми без исключения провинциалами, снисходительной готовности похлопать по плечу того, кто вдруг взрывает своим большим талантом или даже гением привычное представление о серости и отсталости во взглядах и вкусах так называемой провинции. А то вдруг, как это случилось с Шолоховым, выказать недоверие по поводу рождения в глухомани гения, по их глупому мнению, незаслуженно поцелованного Господом.

С художницей и поэтом.

Художница Людмила Скопцова, как и ее муж Семен, часто приходили к нам. В станице Раздорской у них была небольшая дача, и шли они обычно нижней дорогой, любясь дивным – библейским и в то же время по язычески контрастным – пейзажем, простиравшемся по обе стороны выходящей возле Дона тропинки. Впоследствии Людмила написала – по фотографии – замечательный портрет моей дочери Наташи,

которой к тому времени уже не было в живых. Этот пастельный портрет висит у нас в гостиной на самом видном месте. Помню, Отец не захотел расстаться с ним даже на короткое время, когда Людмила Скопцова выставлялась в нашей картинной галерее. Сказал: «Я уже не могу без Наташи...» – так он называл этот портрет. С Даниилом Марковичем Долинским их связывала давняя дружба. Оба фронтовики, настроенные, как однажды выразился Долинский, «на одну донскую волну». Последнее время виделись не часто, созванивались, обменивались книгами. А фронтовикам и нет надобности часто встречаться: их сердца бьются на одной волне, а души чувствуют это биение пульса времени на любом расстоянии в каждый миг жизни.

С руководством кадетского корпуса на фоне портрета Наташи. 9 Мая 2008 года. Среди гостей – учитель Раздорской школы Андрей Сердюков.

Художница уловила не только и не столько внешнее сходство, сколько душевное очарование Наташи. А ведь живой не видела ее ни разу. Портрет волнует и бережит душу больше, чем любая фотография Наташи. Это один из последних снимков Отца. Он уже был тяжело болен – видно по лицу, – но

крепился, собрав все силы, принимал близких по духу людей. День Победы считал самым большим – святым – праздником в жизни страны. Друзья знали об этом и приезжали поздравить его и Маму. Андрей Николаевич Сердюков, преподаватель биологии, которого Калинин знал еще молодым человеком, занимается поиском могил погибших в Великую Отечественную войну солдат и офицеров. И очень успешно, надо сказать, привлекая в ряды поисковиков современную молодежь.

...Время, ну почему, спрашивается, тебя невозможно повернуть вспять и задержать, хотя бы на несколько мгновений?..

Задумался над книгой. Может, что-то вспомнил... Общение по телефону, конечно, не заменит живой встречи, но голос друга согревает и ободряет душу.

В преклонные года память оставалась у Отца замечательная. Вдруг спросит: «А помнишь, как звали по имени-отчеству графа Платова?» Начинаю вспоминать, а он смотрит лукаво... Или: «Первое упоминание в летописях о Раздорском городище... ммм... это, кажется, одна тысяча пятьсот сорок девятый год, по мнению некоторых историков...» Или вдруг начинает читать по памяти строки их «Хаджи-

Мурата» Толстого: «В холодный ноябрьский вечер Хаджи-Мурат въезжал в курившийся душистым кизячным дымом чеченский немирной аул Махкет...», – непременно подчеркивая это ударение на «о» в слове «немирной». И

посылал меня найти в нашей библиотеке томик Толстого с «Казаками» или тем же «Хаджи-Муратом», а то вдруг тянуло к Бунину, Чехову... Помню, телефон я носила ему в конец сада, где он сидел каждый день – и в жару и в стужу – возле могилы маленькой Наташи... Или под тютину, в его «Зеленый кабинет», где в теплую погоду он любил принимать людей или же просто сидеть и думать о своем. «А ландыши напоминают мне Чайковского, его Первый концерт, – сказал Отец как-то. – Не знаю – почему...»

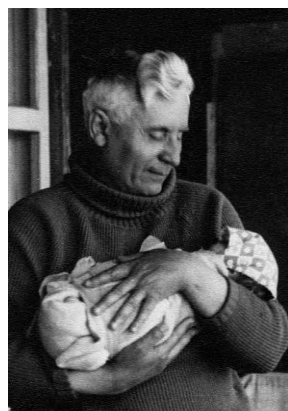

Превратились в белых журавлей... Наташа, возросшая в этом доме с младых ногтей...

Помню, Отца потрясла песня «Журавли» на стихи Расула Гамзатова и он написал ему письмо, которое опубликовал в «Известиях». Есть там такие строки: «А вот я даже смею позволить себе и признание, что та маленькая Наташа, которая сразу же сумела завладеть сердцем и руками своего деда, тоже, как мне иногда начинает казаться, появилась нынешней весной у нас в доме не без помощи твоих «Журавлей»...» «Появилась, задержалась ненадолго на земле – и улетела вместе со стаей белых журавлей», – думаю иногда я. В последние годы жизни Отец часто пел вполголоса вот этот куплет:

*Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый –
Быть может, это место для меня.*

«Сердце охватывает такое чувство, – пишет Калинин в этом письме Расулу Гамзатову, – когда необходимо немедленно, теперь же поменаться в этом журавлином строю с самым юным из них, еще только догоняющим стаю на своих белых, окровавленных крыльях и немедленно вернуть его на преждевременно покинутую им землю, к радостям жизни и любви...»

И ты, ненаглядная, в облаке снов...

Наташу с Дедушкой связывали особенные – духовные и сердечные – узы. И дело, наверное, не только в том, что она росла в Пухляковском доме до двенадцатилетнего возраста, жадно впитывая в себя его густую атмосферу любви ко всему живому и живущему на земле и, разумеется, этой вечной тоски по идеалу. Такие, как Наташа, надолго

не задерживаются в этом мире, где на каждом шагу приходится идти на компромиссы с самим собой. Помню, она писала еще печатными буквами: «Я хочу умереть». Часто писала...

*Девочка, милая,
Как же мне быть?
Мне не под силу
Тебя разбудить.*

*Синь перевозданная,
Вечный покой...
Скорей бы свидание
В жизни иной.*

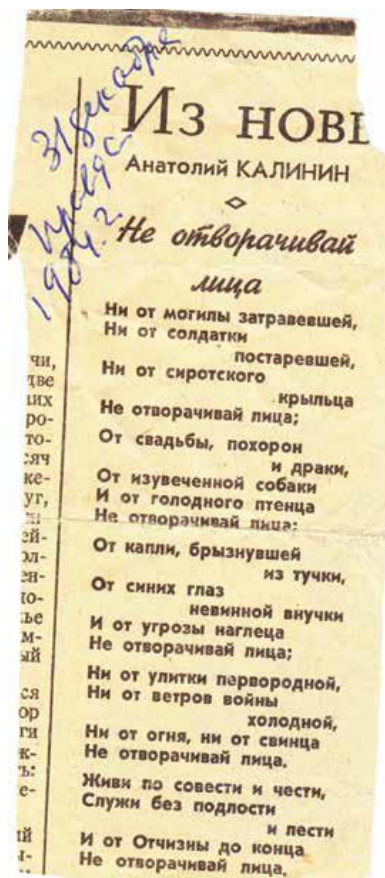

**Маленькая Наташа в Москве, Пухляковке, в Италии.
Осталась с нами навсегда.**

Она изучила почти мгновенно итальянский язык, занимаясь ночами, не досыпая. Она все так делала – с увлечением, стремительно, не думая о здоровье. И английский выучила за несколько месяцев. А в школе – московской – училась спустя рукава. Неинтересно ей было учить то, что она не любила. Уже тогда начала писать. Свой первый роман «Останься со мной навсегда» закончила в двадцать четыре года. Дала почитать мне, попросила поправить, если нужно. Быть может, я поправила там два-три слова, не помню уже. Я читала его как под гипнозом, все время спрашивая себя: Откуда этой девочке известно и понятно то, что

неизвестно и непонятно мне? То же самое сказала и моя подруга, профессиональный редактор. И многие другие, кто читал «Останься со мной навсегда»... Она знала, что не задержится долго среди нас. Спешила все успеть и в то же время сама торопила часы, минуты, секунды...

Не отворачивай лица.

Он и не отворачивал. Ни на войне, ни в мирной жизни. «Ни от завистливых намеков... Ни от тернового венца.» Не в его натуре это было. И ни о каком имидже, как говорят нынче, Калинин никогда не заботился. А если ему вдруг кто-то навязывал этот имидж, он резко отмахивался от него. Не считал он себя ни «пухляковским мудрецом», ни «мудрым старцем», ни «великим писателем»... Еще давным-давно он попросил меня:

– Переведи мне точно смысл этого слова – имидж. Неужели у нас в русском языке не нашлось подходящего понятия?.. Я взяла англо-русский словарь для точности. Читаю:

– «Образ, изображение, отражение (в зеркале), статуя, идол, подобие, метафора, икона...»

– А от какого глагола произошло это существительное?

– допытывается Отец. Снова читаю:

– «Изображать, создавать изображение, вызывать в воображении, представлять себе...»

– Хватит. Мне все ясно. Это чтобы запутать человека. В общем, толпа должна поклоняться кому-то. То есть, идолу, которого ей навязывают. Про актера говорят: «Он входит в образ». Но тут необходимо ввести это

иноземное слово – имидж, умело им пожонглировать и преподнести как что-то новое, изобретенное нашим временем. Так ведь? Ну, а если ты не понимаешь, не проникаешься этим понятием, совсем ты отстал от жизни, совок ты, вот кто... Быть может, тогда и зародилось в его голове это четверостишие:

Толпа иконам присягает

И с той же страстью их свергает,

Бросая наземь, а народ

По правде-матушке живет.

Со стихотворения «Не отворачивай лица», думаю, и началась поэтическая известность, слава, Анатолия Калинина. Сохранилась печатная копия стихотворения «Не отворачивай лица» – пожелтевший, помятый кусочек газетной бумаги, наделавший много шума, особенно в литературных кругах, где Калинина уважали за его честность и прямоту, но считали сугубо прозаиком и автором знаменитого на весь мир «Цыгана». Завидовали «цыганской» славе – тиражи миллионные, инсценировки идут по всей стране, а тут еще вторая экранизация вышла... «Совсем не зря хлопочет зависть...» – сказал Калинин в РЕКВИЕМЕ, посвященном Шолохову. Ему самому тоже всю жизнь сопутствовала зависть. Только он не обращал внимания. Сам же всегда радовался успехам друзей,

спешил поддержать добрым словом, статьей, предисловием к книге... А тут вдруг сам Борис Примеров, которого Калинин ценил очень высоко – и по заслугам, – прочитав «Не отворачивай лица», сказал мне по телефону очень серьезно и даже печально:

«Больше не буду писать стихи. Да елки-палки! Откуда он взял эти слова? В каждой строке космическая энергия. Такой заряд, что убить может...» Никакого имиджа – продуманного и скучного – быть у моего Отца не могло. Жил он всегда сердцем, разумеется, проверяя свои слова, поступки, чувства разумом, то есть интеллектом, который был у него не показным, не для того, чтобы блеснуть вдруг перед телекамерой или на страницах газеты, а глубоким, глубинным, для собственной радости. Для того, чтобы любить себя, да, и любить ближнего. Не только ближнего, наверное. Разве это грех – себя любить? Помните библейское: «Да возлюбите ближнего своего, как любите самого себя».

*От кривды правду защищая,
За все и всюду отвечая
По завещанию отца...
Не отворачивай лица.*

«За все и всюду отвечая...». Как бы я хотела, чтобы в наше время кто-нибудь взял и примерил на себя эти строчки хотя бы в качестве имиджа...

С друзьями из Новочеркасска, «города моего детства и моей юности». Они-то знают о том, что имидж Калинина – его доброе и отзывчивое сердце.

Трудно перечислить всех, изображенных на этом снимке. Здесь и журналисты из «Знамени коммуны», «Знаменки», и писатели Иван Кравченко, Виктор Чеботников, и... Впрочем, лучше процитировать строки из письма

Анатолия Калинина, адресованного друзьям из Новочеркасска, тем самым, которые приехали к нему ясным апрельским днем 1998 года:

«Я люблю Ваш, наш, мой город и за его славную и многострадальную историю, и за его неувядаемую молодость духа, за его интеллект, за сияющие над казачьей степью купола знаменитого собора, за его театр со славными и высокими традициями, за то, что он так накрепко связан с «Тихим Доном» и его бессмертным автором, за то, что, и выстрадав кровавую трагедию после войны, он сохранил мужество и верность социалистической Родине, ее светлым идеалам...»

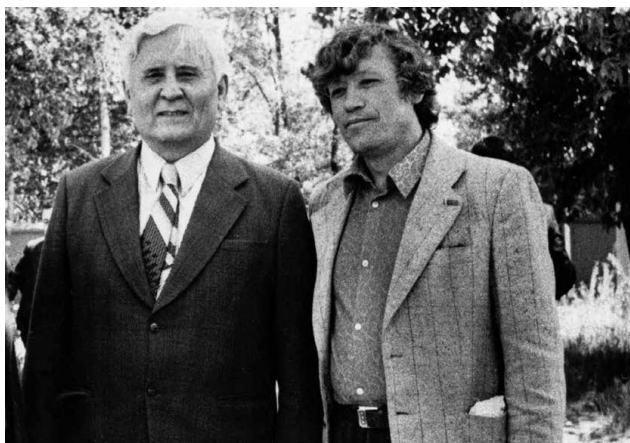

С художником Борисом Плевакиным. Он тоже из Новочеркасска.

Плевакин был еще и талантливым журналистом. Словом, личностью многогранной. Любил его Отец. Дарил с автографами свои новые книги, много уделял времени, беседуя с Борисом о живописи, литературе... Я подумала сейчас: три талантливых Бориса – Примеров, Куликов,

Плевакин – составляли интеллектуальную свиту, если так можно выразиться, Анатолия Калинина. «Примеров – поэт именем Божьим», – как не однажды говорил Отец, и я готова подписаться под этими его словами. Куликов – талантливый прозаик, мастер своего дела, писал еще и стихи: яркие, эмоциональные, запоминающиеся. И Плевакин заслуживает доброго слова – был широко образован, хотя и не заканчивал никаких институтов. Калинин любил творческую молодежь, талантливую и трудолюбивую, разумеется, читал их рукописи, что-то поправлял, писал предисловия, рекомендации в союз писателей, журналистов... Не мог отказать человеку в помощи, зачастую отрывая часы от сна, творчества, отдыха.

С детьми чувствуешь себя раскрепощенно и сам становишься намного моложе. Ловят каждое слово на лету.

Отец говорил так после встречи со школьниками, кадетами, суворовцами, студентами... Здесь на снимке – это 1973 год – его обступили со всех сторон учащиеся 2-й школы из города Шахты. А маленькая Наташа, наслушавшись разговоров и смеха, уютно устроилась на

коленях у дедушки и задремала... На цветной фотографии – уже начало нашего горемычного века – Калинин снялся с «молодой порослью казаков» – так написано на обороте фотографии. Сколько было этих встреч в нашем саду, под тютиной, за нашим столом в гостиной, в официальных залах.

Человек без имиджа. Всегда разный и всегда естественный.

Я поняла теперь, почему Отец так не любил свои дни рождения – волей-неволей приходилось, сидя в президиуме или во главе праздничного стола, напускать на себя соответствующий данной минуте вид. Говорят хвалебные речи, превозносят до небес, – а ты же не будешь смеяться

или угрюмо хмурить брови. – Папа, о чем ты думал, когда выступал первый секретарь обкома партии Иван Афанасьевич Бондаренко? – спросила я на следующий день после юбилея, то есть 23-го августа. Не помню какого года.

– Думал? Я о чем-то думал? – Отец потряхнул своей седой, но еще очень густой шевелюрой. – Ну да, конечно думал. Скорее бы он закончил, что ли. Не люблю казенные речи. И еще по - чему-то вспомнил нашего соседа Ивана Филипповича. Помнишь, он говорил: «Витаминыч, ну что там по радио брешут? Ты вроде как слушаешь каждый день...» Сам не знаю, почему вспомнил, вроде и связи никакой. Антонина Васильевна Деряга, та говорила от души. Ее я слушал внимательно. Конечно, она меня перехвалила здорово. Но из уст красавицы-казачки это даже приятно послушать. И все равно тяжело, очень тяжело сидеть на собственном юбилее. Кто первый их придумал, интересно?..

Жданов Юрий Андреевич. Друг. Умница. Человек широкой красивой души.

Надпись на обороте фотографии: «Дорогому душевно и духов - но близкому старшему другу на добрую память. Юрий Жданов 10. 10. 2001» А я вспоминаю... Приехали мы из Москвы с творческой группой третьей экранизации «Цыгана», то есть четырехсерийного «Цыганского острова» и прокатного фильма «Будулай, которого не ждут». Слезаем с поезда, а там подали автобус и, кажется, две машины. Мы с Фенько, режиссером-постановщиком, оказались в одной из них – так распорядились встречающие. Смотрю, знакомый человек сидит рядом со мной на заднем сидении и улыбается. «Что, не узнаешь? А

я тебя помню на лодке под парусом. Вы с Наташей Шишкиной тогда правда были похожи на двух пираток...» Узнала. Обрадовалась. Оказывается, Юрий Андреевич уже был у Отца и собирался возвратиться в Ростов, то есть, мы с Фенько почему-то сели к нему в машину. Пока переговаривались наши встречающие, куда кому садиться, мы со Ждановым вдруг завели разговор о музыке. Конкретно – о Шопене. Я в то время как раз задумала написать о пане Фредерике книжку...

– А если я вернусь в Пухляковку, ты не будешь возражать? – спросил у меня Юрий Андреевич.

– Я буду только рада, – искренне сказала я, осознав мгновенно, какого удивительного собеседника мне вдруг послал Господь. За что, спрашивается?..

– Можно продолжать говорить «ты»? – спросил он вдруг.

– Обижусь, если перейдете на «вы»...

Не помню, как мы доехали до дома – я слушала его с восхищением, с удивлением. Он столько всего знал. И это была не информация энциклопедиста, а горячая творческая мысль, бывшая в этом уже не - молодом человеке ключом. Мы и по приезде ходили друг за другом, почти не принимая участия в общей беседе. Уехал Юрий Андреевич от нас в тот день поздно. Встречу эту и наши разговоры, вернее, мое восторженное восприятие столь неожиданно интересной и возвышен - ной информации о самом для меня интересном в жизни, я не забуду. Отец посвятил Жданову чудесное стихотворение, датированное еще 69-м годом. Есть там такие строки: «Себя я больше уважаю За то, что Вами я горжусь». И еще (лучше не скажешь, правда?): «За сердца жар и блеск ума, не охлажденного эпохой». Жаль, не нашла я в своих архивах их фотографии вместе – этих двух мыслителей и творцов без имиджа. Таких разных и так тянувшихся всегда друг к другу.

Саша задумалась... Быть может, вспомнила что-то из прошлого. Разумеется, связанное со своим Толей.

И сразу черты ее лица размягчились, помолодела лет на... Она и так молодая. Припоминаю весьма курьезный случай, произошедший в Москве, на золотой свадьбе Михаила Александровича и Марии Петровны. Отец любил рассказывать о нем и смеялся при этом как ребенок. Итак, пришли родители в гости к Шолоховым, Михаил Александрович окинул Сашу странным взглядом и довольно

сухо поздоровался с ней. А сам спрашивает тихонько у Марии Петровны: «Кого это Толя с собой привел? Какую-то молодую... (Не обошлось без крепкого словца). Что это вдруг с ним случилось?» Мария Петровна, которая узнала Маму сразу, засмеялась. Тут она сняла шубу и Михаил Александрович ее тоже узнал. «Саша! Да ведь это ты! А я уж Бог знает что подумал...»

Наше милое подворье, сад, тенистые аллеи и кущи. И в каждом кадре – любимые звери.

Помню до сих пор имена даже всех тех, кого уже давно нет в живых. Вот я стою возле натюрморта Марии Владимировны Савченковой, кстати, называю я его «Мои любимые душистые розы», а ко мне блаженно прижался кот Скарамуш, подарок нашего батюшки Валерия на

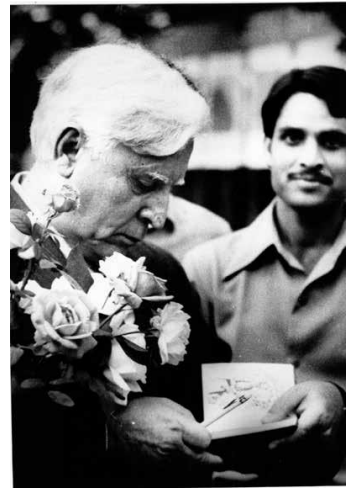
Пасху. А вот сестра «поймала» в кадр меня с Маркизом в обнимку, а Белка ревнует... Отец с мамой стоят под елкой. Разумеется, Маркиз поблизости. Вот мы с сестрой и Отцом, а на заднем плане коты и собаки, как всегда. Тюльпан называется Александр Пушкин. Цвел лет десять, обрастая луковками. В 2008 году вдруг завял, еще не распустившись. Я, как и настоящий Пушкин, верю в приметы.

Талант и его поклонники. Даже в Африке читают «Цыгана».

Симпатичная кудрявая девчонка вовсе не смутилась, когда Калинин – взрослый и уже совсем седой – наклонился и поцеловал ей руку. Сказала по-русски: «Большое спасибо за Ваш талант и Вашу... улыбка...» Тут она сама широко заулыбалась. А студенты из Индии рассказали на правильном русском

языке, что их уже приняли в казаки и они очень этим гордятся. Наши милые пухляковские дамы – Антонина Васильевна Деряга и Наталья Викторовна Сычева – дарили цветы и свою искреннюю читательскую любовь писателю-земляку, обессмертившему наш казачий хутор.

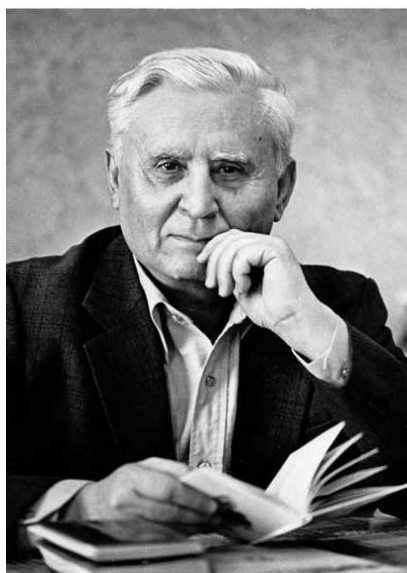

Мой дядя Боря, брат Саши Веракс. Отец любил его как родного брата.

Существовал определенный круг людей – друзей нашего дома, его, можно сказать, обитателей. Дядя Боря принадлежал к их числу. Подолгу жил у нас в Пухляковке. Помогал при переезде нашей семьи в Цимлу... И вообще всегда оказывался в нужное время в нужном месте. Такой был у него характер. Говорил Маме, своей родной сестре: «Попробуй только заведи интрижку на стороне, я тебе ноги выдерну». «А если Толя заведет, что ему тогда сделаешь?» – с удовольствием поддерживала эту шуточную беседу его сестра Саша. «Толе можно. Такому человеку, как Толя, можно все», – говорил дядя Боря безапелляционным тоном. Я называла его «Фигаро».

Дело в том, что у него на самом деле брились и стриглись пол Ростова, в том числе важные партийные и прочие чиновники. Когда Борис Юлианович – все называли его по имени-отчеству и с большим уважением – вдруг не выходил на работу по болезни

или был в отпуске, кое-кто даже отпускал усы и бороду. Человек, казалось бы, обыкновенной, ни чем не примечательной судьбы, правда, очень добрый и отзывчивый душой, а вот ведь стоило ему какое-то время не появиться у нас, и Отец говорил, вздыхая: «Что-то давно Бориса не было. Я хотел ему кое-что прочитать... Да и вообще он действует на меня успокаивающе». Отец любил читать дяде Боре из своих свежих черновиков, потому что тот никогда не кивал головой в знак согласия, если ему что-то не нравилось. И был немного циником по отношению к нашим правителям всех рангов. Скорее даже Фомой неверующим. «Обещают много, а что сделают – посмотрим», – придерживался он примерно такой философии. Словом, болтунов и пустобрехов, рвачей и мошенников на дух не переносил. Интересно, что бы он сказал сейчас, посмотрев хотя бы раз телевизор где красуются безмозглая, ожиревшая «элита»?..

Эту фотографию Отца я готова положить себе под подушку...

И смотреть на нее каждое утро, – Отец на ней такой, каким я его больше всего люблю: улыбчиво-мудрый, иронично-грустный... Знает ведь, что жизнь и трагедия, и комедия, и что-то еще, загадочно-манящее и неизведанное, но еще и то знает, что никогда в ней не разочаруется. Многое кроется за немного лукавым выражением его добрых и ласковых глаз. А вот они с Мамой под нашим вязом-кудряшом: обсуждают что-то, Мама улыбается торжествующе. Как видно, в чем-то она оказалась права, а он... Впрочем, он сделал ужасно серьезный вид и еще не совсем сдался на милость победителя. Жили мы в ту пору бедно в материальном плане –

вижу, какое на Маме простенькое ситцевое платице. Это, скорее всего, конец пятидесятых. Зато на книги, пластинки, даже на фотографии моих любимых артистов мне всегда выделяли деньги. Мама не просила у Отца собольих шуб и бриллиантов, как это принято у многих женщин, считающих столь щедрые дары самым явным доказательством любви. Мама просила любви. И просила ее много. Большой, верной, всеобъемлющей любви. Любви без оглядки и навсегда. Словом, такой же, какой сама любила и продолжает любить своего Толю.

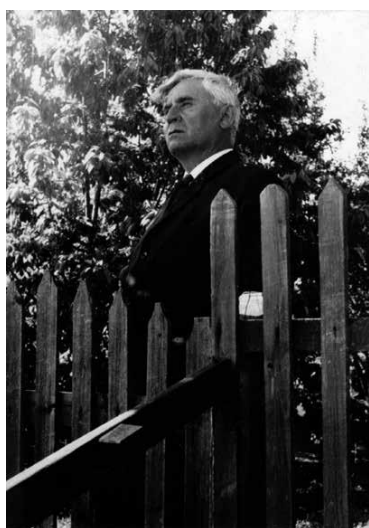

Любаша, Нина Ивановна Селиванова и Наташа большая за столом возле порога.

Вдова генерала Селиванова часто приезжала к нам в Пухляковку. Вместе навещали Закруткина в Кочетовской, родители вспоминали войну... Это были радостные встречи – Нина Ивановна, красавица и умница, до конца дней своих не могла забыть Алексея Гордеевича, хоть и прожила с ним совсем недолго. Отец посвятил ей дивные стихи:

*Со звоном шпор посеребренных
Вы появились на коне,
Живым подобьем амазонки,
Когда-то виденной во сне.*

И, наконец, нахожу эту фотографию. Она мне уже снилась...

Смотрю на нее, куда-то вдруг надолго затерявшуюся, и вспоминаю строки из РЕКВИЕМА Шолохову:

*В вешнем дыму с чебрецового склона,
В россеve слез
Вижу я dna обмелевшего Дона
Кость.*

Отец любил Дон, казачество безмерной любовью. Даже в те времена, когда любить было не в моде. За это его не печатали в некоторых издательствах – в большинстве, если точнее, – критики пощипывали довольно зло, приклеивая к нему этикетки «квасного патриота», «защитника власовцев» и прочие глупые прозвища. В ту пору было в моде ругать казачество. Даже за те грехи, которых не было. Дай волю – и снова бы кое-кто сослал казаков туда, где Макар телят не пас. Вспоминаю наш разговор с Отцом по этому поводу.

– Да, я казак. Стопроцентный казак. Горжусь этим, но кичиться не собираюсь. И надевать лампасы и ордена тоже. Пускай моя любовь к нашему краю и людям живет у меня в душе, в самой ее глубине. А от критиков я не жду похвалы. Если такое случится, то наверняка по моей вине. Угодил кому-то по слабости душевной либо по глупости. – Помню, он задумчиво смотрел в окно на оголяющийся под сильным низовым ветром осенний сад. – Встречаются умные вдумчивые критики, как Михаил Петрович Лобанов, например, но таких мало. В основном же им не хватает образования. Смотрят по верхам. Многие держат нос по ветру, пытаются угодить властям. Так всегда было. Вспомни Пушкина, Байрона... А как травили Чайковского, этого самого русского из всех русских композитора? И кто? Полубездарный Цезарь Кюи...

Калинин Толя. Совсем юный, наивный. Красивый и не ведающий страха – это я поняла по рассказам мамы и его фронтовых друзей.

«Едет на передовую, стреляют вокруг, мины рвутся, а у него в глазах ни капли страха», – рассказывал уже и не припомню кто из фронтовых друзей Анатолия Калинина. – Но Отец не был фаталистом и не любил поговорку «Чему быть, того не миновать». Его сильной –

мужественной – натуре претило чувствовать себя жертвой каких-то там обстоятельств. Часто фаталистами становятся люди, разочарованные жизнью. Отец до конца дней своих оставался «очарованной душой». Даже в тяжкие годы войны...

Про Гения говорят: его Бог поцеловал.

Часто спрашиваю себя: почему у Шолохова так много врагов и совсем не много истинных друзей? Почему его так любит народ – не только казачество, а весь читающий мир, – и игнорируют власти? Прежние власти вынуждены были с ним считаться, но относились с опаской. Слышала, Брежнев обиделся, что Шолохов не восславил в своем творчестве Малую

Землю. Хрущев лично посетил Михаила Александровича в Вешенской и вскоре загремел под фанфары. Путин распорядился выкупить рукопись «Тихого Дона», за что ему спасибо от души. Умный правитель знает, что его будут вспоминать в связке с великим писателем России и мира! Как Лоренцо Медичи, поддержавшего Микельанджело, или Понтия Пилата, распявшего Иисуса Христа. У казаков было принято целовать при встрече друг друга в губы. Это повелось со времен первых христиан, которые таким образом передавали друг другу мудрость и знания. Обычно Отец уклонялся от поцелуев подобного рода. Но только не от поцелуев Шолохова...

Медаль от казаков...

Запечатлен торжественный момент вручения медали. Атаман Николай Иванович Козицын приезжал к нам сам по себе, атаман Виктор Петрович Водолацкий – тоже. Сумелитакі разобщи́ть власти казачество. Вероятно, по причине страха перед столь грозной силой. Невольно вспоминаю Петра Первого, уничтожившего, вернее, распустившего своим указом Запорожскую сечь. Ну, а Свердлов тот люто ненавидел казаков и мечтал истребить их физически всех до единого. Не понимаю только, по какой такой причине. Зато Лев Николаевич Толстой считал, что казаки создали Россию... Отец мечтал собрать у себя за столом всех казачьих атаманов и заставить их дать

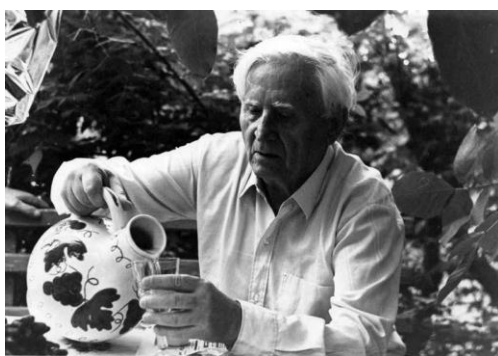
клятву объединиться, забыв былые обиды. Как это случилось во время Великой Отечественной в Пятом Донском корпусе генерала Селиванова...

Наш сад. Звери. Виноград, вино, веселящее душу и сердце...

Весна... Любаша среди маков во взлелеянном мною саду, бродить по которому так любил Отец. Мне кажется, он бродит по нему и сейчас... Мы знаем, что случается с плотью после смерти, но даже представить себе не можем, где поселяется душа. Особенно такая беспредельно

широкая, могучая, чистая, как у Анатолий Калинина. Я люблю свой сад еще и потому, что Отец восславил его каждый уголок. Помню, была я совсем несмышленной девчонкой, а он уже такое мне рассказывал... Из жизни зверей, птиц, про звезды и нашу Землю.. Шли мы с ним в конец сада, где тогда росли огромные – не поднимешь – кабаки, садились на самые большие и крепкие. Вокруг нас порхали бабочки, над головами пели птицы, навозный жук катил свой шарик, осторожно

перебирая лапками. Или вдруг ящерица выползала на солнышко и смотрела на нас без страха... Тогда-то я и поняла, благодаря Отцу, разумеется, что природа, животный мир, человек – одно целое. И что мы без них пропадем, сгинем. Без пчел, которые иногда так больно жалят, без воробьев, клюющих виноградные гроздья, даже без этих кусучих змей... А ведь я однажды по неведению своему хотела взять в руки гадючку, но она меня предупредила своим шипением и уползла в куст смородины. И еще я помню, как в углу двора, в дровах, жила большая змея. Видела я ее всего несколько раз – она была настоящей отшельницей, – но когда я приносила ей еду, она смотрела на меня из дров с благодарностью. Нет,

я не видела ее саму, но чувствовала на себе тот взгляд. Но о подобном я могла рассказать только Отцу...

Старые снимки... Их немного, но они извлекают из памяти такое, что без них было просто вспомнить невозможно.

Двадцать четвертый год... Учительская конференция Тарасовского района, проходившая 18-19 октября. На снимке Евгения Ивановна Калинина (стоит крайняя слева), ее сын, Толя, сидит в светлой шапке, тоже слева. На нем большие сапоги, явно не по ноге,

потрепанное пальтишко. Отец рассказывал мне, что хорошо помнил себя уже с четырех-пяти лет. «Мама играла в драмкружке. Ставили они в основном русскую и западную классику, — любил вспоминать Отец. — Я всегда присутствовал на этих спектаклях. Помню, она играла Амалию в «Разбойниках» Шиллера, очень правдиво играла, и в самом конце я закричал во весь голос: «Не убивайте мою маму!!!» Она была веселая и бесстрашная, Евгения Ивановна Калинина. Стреляла из нагана по бандитам, в ту пору превратившим нашу донскую степь в настоящее Дикое Поле, ночами обучала грамоте взрослых и даже старых людей. Переезжая с места на место, учительская семья Калининых почти ничего с собой не возила, кроме учебников и книг. Помню, в Новочеркасске был шкаф с книгами, и однажды я обнаружила там «Камо грядеши» Генрика Сенкевича издания 1905 года, если не ошибаюсь, с пометками рукой Отца почти на каждой странице. Я читала эту книгу, не отрываясь, — мне было в ту пору лет двенадцать, не больше. Но в ней не оказалось конца. И я спросила у Отца: чем все закончилось. Он рассказал мне очень подробно с того места, откуда были вырваны страницы, со своими комментариями. «Я прочитал эту книгу тоже лет в десять-двенадцать, — признался он. — Больше не читал, хотя и тянуло перечитать всего Сенкевича. Очень добротный умный писатель. Ему не зря дали Нобелевскую премию. Католик до

мозга костей. Впрочем, мне это совсем не мешало при чтении. Я всегда любил исторические романы. Только чтобы там не было всякой отсебятины. – Отец вздохнул. – Завидую тебе: такой необъятный мир литературы перед тобой. И русской, и западной... Но читать надо с умом, а не все подряд...» Как обычно, нас прервал на самом интересном телефонный звонок. А я так любила – с раннего детства – слушать Отца...

Время в теплой ушанке выходить на мороз...

Это более поздняя фотография, то есть, сделана лет через восемь после письма ко мне в Москву, строчки из которого я цитирую, обливаясь слезами по тому безвозвратно утерянному времени, когда мы все были вместе здесь, на этой грешной земле. Письмо написано 23 декабря 1996 года. «... Все у нас по рождественски: снег, сосны, сороки, синицы и, конечно, дятел. Я прочистил проходы к воротам (Отцу уже было 80 лет!) и к кухне, в которой вокруг газовой плиты зимуют коты всех мастей. Маркиз преследует Бельмондо (это тоже приبلудный кот). Бедный мышонок попал в прилипалку. Переживаем. Все у нас хорошо. Сегодня рано утром было – 25, но в доме тепло...» Последние двадцать лет я живу в Пухляковке в этом самом доме практически безвыездно. Это письмо было написано, когда я ненадолго отлучилась в Москву. Сколько помню себя, всегда рвалась домой, то есть в наш старый, похожий на обветренный всеми ветрами и потрепанный бурями галеон, дом на донском яру. Сколько же всего я здесь узнала, постигла, почувствовала... Сколько добра влилось в мою душу. Я ощущала даже физически, как оно наполняло все мое существо, когда мы с Отцом просто сидели рядом на диване и молчали. Или ходили вместе по саду. Сидели на скамейке в его «Зеленом кабинете» под тютиной. В старой беседке... Думаю иногда: за что мне такое великое счастье быть дочерью такого Отца?!

Остаться с вечностью вдвоем.

Последнее время часто приходят мне на память стихи Анатолия Калинина, его пронзительные строки о природе, птицах и зверях, людях, любви... На все темы писал Отец – для него не было тем запретных, устаревших, немодных... Его слово всегда было своевременным и «модным», то есть вечным, о вечности и для вечности, высказывался ли он по поводу строительства на Дону атомной станции, считая это

очередным этапом рассказывания, или писал о музыке, которую любил безмерно. Классическую, разумеется, а еще казачьи и военные песни. Вот попалось его письмо из Железноводска, где они с мамой когда-то давно проходили

курс лечения: «...Мать читает какую-то шведку, а я Чехова. Но бываем и в концертах. Некий Ш. из московской филармонии весь вечер потрясал публику, и нас в том числе, Шопеном, изрубленным кухонным резакон, которым рубят мясо. Ужасно было, и только в «Революционном этюде» чуть-чуть прозвучал Шопен...» Отец обожал Владимира Софроницкого, в особенности его Шопена. Он мог часами слушать музыку и незаметно утирать слезы. Увы, у Калинина, можно сказать, не было досуга. Особенно в годы его депутатства. Сколько прекрасных, главное, написанных растревоненным человеческими страданиями и невзгодами сердцем книг потеряли мы, читатели, «приговорив» Калинина на долгие годы! – к депутатскому долгу!

Пухляковская картинная галерея. Нет такой ни в одном селе России. У ее истоков стоял Анатолий Калинин.

И все-таки, наверное, не зря Анатолий Калинин шесть сроков – то есть без малого тридцать лет – выполнял волю земляков в Верховном Совете России. Не только для своего родного хутора старался он... Но и про хутор не забывал. Тот самый, который заметил еще будучи совсем мальчишкой,

работая в редакции новочеркасской газеты «Знамя коммуны», – небольшой казачий хутор Пухляковский, юрт Раздорской станицы, «в балке под горой». С его легкой руки и с помощью депутатского авторитета построили здесь клуб, среднюю школу, вскоре заработала и музыкальная школа. «Иду по хутору, а из окон льются звуки фортепьяно. Я давно мечтаю о том, чтобы в хуторах и станицах открыли музыкальные, художественные школы, – не раз говорил Калинин. – И картинная галерея у нас должна быть. Я отдам все картины из нашего дома, чтобы положить ей начало». Так он и сделал. Ну, а потом художники ростовские, московские, волгоградские и из многих других городов нашей Родины, прослышав про уникальную хуторскую галерею, стали приезжать с подарками, которым цены нет. Постаралась и Мария Владимировна

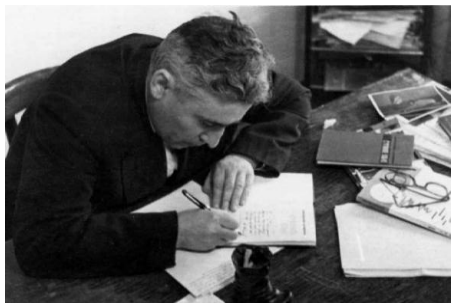

Савченкова, народная художница России. Заручившись письмом Анатолия Калинина с просьбой выделить из художественного фонда картины для народной галереи в хуторе Пухляковском, она никогда не приезжала по весне с пустыми руками. Художники теперь считают за честь выставлять в нашей галерее свои работы. И

приезжают в хутор каждое лето писать донскую природу. Привыкли мы, пухляковцы, к тому, что в любую минуту можно пойти и насладиться настоящими шедеврами живописи – в нашей галерее нет неудачных, то есть халтурных, работ. Избаловались даже, можно сказать. А ведь я помню наш хутор начала-середины пятидесятих: в центре катух, неподалеку полуразвалившийся клуб человек на пятьдесят, не больше, дорога

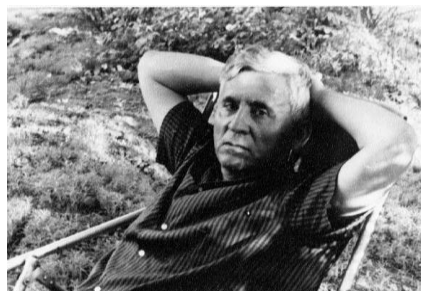
изрыта колдобинами, ну, а за водой приходилось ходить к колодцу и тащить на спине тяжелое коромысло с двумя полными ведрами... В школу мы, дети пятидесятых, ходили за шесть с лишним километров в станицу Раздорскую – по грязи, в лютый мороз... Полным-полно и по сей день в России таких хуторов и сел, каким был хутор Пухляковский пятьдесят с лишним лет тому назад. Честно говоря, я боюсь, что на следующем витке нашей псевдоцивилизации вдруг окажется, что картинная галерея – пережиток прошлого. Как это случилось с нашей музыкальной школой.

«Гремите, колокола!» – роман–страдание и тоска по несбывшемуся. Калинин времен написания романа. Хоть спички об него зажигай.

С муками и радостями давался ему этот роман. Конечно же, опять главный герой – он сам, нет в этом и тени сомнения. Калинин многогранен. Калинин не просто перевоплощается, входит в образ – он становится тем, о ком пишет. Его

агроном Луговой, уже мелькнувший в «Товарищах» и «На юге», вдруг преображается под влиянием музыки, любви, тоски по идеалу. Еще одно письмо попало мне. 1964 год. Я поступила в институт Иностранных языков имени Мориса Тореза и живу постоянно в Москве, мыслями и чувствами оставаясь на Дону, в нашем милом доме. Отец знал, как я скучаю и томлюсь в большом городе, я, выросшая на воле, на поэзии Пушкина и Байрона, музыке Рахманинова, Шопена... Несмотря на свою занятость, он буквально засыпал меня своими письмами, ибо в ту пору телефонная связь была никудаышней. И слава Богу! «...Я все глубже вхожу в совершенно новый для меня и страшно волнующий мир и все больше укрепляюсь в мысли, что настоящим утром человека является не то обычное утро, которым сменяется ночь, а то утро, может быть, единственное и неповторимое в жизни, когда он пробуждается для самого главного, лучшего и все начинает понимать, чувствовать совсем по-новому, острее, тоньше. Но путь к этому пробуждению необыкновенно труден, но и радостен. Еще я, это я-то, профан, думаю, что музыка и любовь это две сестры. Впрочем, обо всем этом не сказать. Вообще я не хочу выбалтываться, это страшновато. Но иногда и хочется». В ту пору Отец с головой ушел в написание романа «Гремите, колокола!», который не поняла и как-то пропустила, то есть не травила, критика, хотя в нем история любви русской девушки Наташи к американскому пианисту Вану Клиберну. Любовь идеальная, чистая, светлая, готовая на жертвы и страдания. Роман был

опубликован в самую мрачную эпоху холодной войны, наступившей после так называемой оттепели. Письма шли мешками – от молодежи в основном. Восхищенные. Взволнованные. Всколыхнувшие в молодом поколении тех времен много прекрасных чувств, мыслей, надежд.

Молодой Ван Клиберн – главный герой романа «Гремите, колокола!»

Дословно перевожу с английского написанное на обороте фотографии, потом расскажу историю, связанную с этим замечательным американцем. *«Наташе Калининой. Высоко ценю Вас и Вашего знаменитого отца за вашу любезную доброту и Ваше внимание ко мне. Я*

дорожу Вашей дружбой и восхищаюсь удивительным талантом Вашего отца. Надеюсь, мы увидимся еще в следующий раз, когда я приеду в Советский Союз. Желаю Вам много добра и успехов в жизни. Вэн Клайберн 19/У1 65.» И еще по-русски – Ван Клиберн.

Отец работал в ту пору над своим, пожалуй, самым удивительным и пронзительным романом «Гремите, колокола!». Уже были опубликованы в «Правде» несколько глав из этого романа, которые Вану Клиберну прочитала его переводчица Генриетта Беляева. Летом 1965 года Клиберн гастролировал по всему Советскому Союзу. Мы с Отцом и Мамой были на всех его московских концертах. Моя сестра Любаша тоже – она-то и «заразила» меня еще в раннем детстве любовью к классической музыке, а потом и к Вану Клиберну, который в 1958 году буквально ошеломил всю страну своей тонкой – сверхрамантической – интерпретацией Чайковского, Рахманинова, Скрябина...

К тому времени я уже довольно свободно говорила по-английски. Отец жаждал встретиться с Ваном, задать ему много всяких вопросов. То есть, это должна была быть не пятиминутная встреча-интервью, а глубокая обоюдно интересная беседа о музыке, искусстве, жизни... Она и состоялась в гостинице Академгородка Новосибирска, куда мы полетели с Отцом, поскольку в Москве такая встреча состояться не могла в виду загруженности Вана. Мы все трое забыли о времени и вместо часа-полтора, оговоренных заранее, просидели четыре с лишним часа. Мой деликатный Отец, понимая, как устал Ван, порывался несколько раз уйти, но каждый раз хозяин любезно просил нас остаться... Мы говорили о русской музыке – я переводила, поскольку Генриетта Беляева была чем-то занята. Потом выяснилось, что Ван читал и Толстого, и Чехова, и даже Бунина. Попросил меня прочесть на память что-нибудь из Пушкина. По-русски, разумеется. Почему-то я стала читать «Письмо Татьяны» и почувствовала, что вот-вот расплачусь. Прочитала по-английски Байрона, свое любимое «Есть наслаждение в бездорожной чаше»... Успокоилась немного. Ван подхватил. Читал Сунинберна, Китса... Если бы только в ту пору у меня был магнитофон! И свои записи, увы, я забыла в гостинице, где мы с Отцом остановились. Лежала ночами без сна, пытаюсь вспомнить каждое слово Клиберна... Много вспомнила. Из того, что, увлеченная беседой, не успевала переводить Отцу. Ван приехал в Советский Союз в следующий раз в 1972 году. Но мы не встретились... Уже в девяностые, когда снималась третья версия «Цыгана», я отправила Вану письмо по электронной почте с просьбой взять для фильма музыку

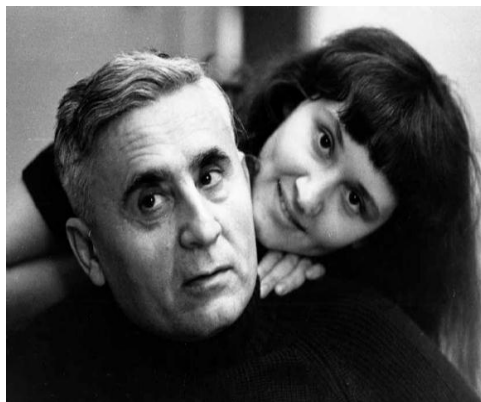
Гранадоса «Маха и соловей» в его исполнении. Была уверена, что Ван забыл нас. Ответ пришел незамедлительно. Разумеется, он разрешил, не требуя никаких авторских отчислений. Потому что все вспомнил... Я виделась с Ваном Клиберном еще раз в отеле «Мариотт» весной 98-го года, если мне не изменяет память. Ноги сами понесли туда, когда узнала, что он приехал в Россию. Только, помню, вошла, а он спускается по лестнице вниз. Узнал... Кажется, даже был рад встрече. Просидели в холле около часа. Его спутник все время напоминал ему, что пора куда-то идти, ждет машина... Он говорил: «Да, да», а сам оставался сидеть рядом со мной. Расспрашивал об Отце, о фильме «Цыган»... Мне показалось, не из простой вежливости. К тому времени пик его славы миновал, но Ван остался таким же очаровательным, как ныне выражаются, харизматичным человеком. Вспомнил, что я читала в Новосибирске «Письмо Татьяны»... Больше мы не виделись и не переписывались. Но я часто вспоминаю этого чудесного человека, который научил меня красоте, доброте, душевной скромности и еще много чему. Все это он сумел выразить, играя Чайковского, Шопена, Рахманинова, Листа... Отец тоже часто его вспоминал с каким-то особенно теплым чувством.

Подписано рукой Отца: «С дочерью Наташей».

И столько сразу нахлынуло... Приезжала в том, кажется, 1964 году, целая группа журналистов и творческих работников из Москвы. В их числе Анатолий Софронов. Сидели допоздна. Помню, в ту пору Отец работал над романом «ГРЕМИТЕ, КОЛОКОЛА!», и Софронов торопил его с публикацией. Но Калинин в любой ситуации оставался самим собой: выверял каждую фразу, слово, запятую. Читал вслух отрывки по просьбе гостей. Обычно Отец читал отрывки из новых произведений только нам, домашним, но тут просьбы оказались слишком настойчивыми, тем более что Софронов повторил несколько раз:

«Толя, не забывай, я – твой редактор». Анатолий Владимирович в ту пору был главным редактором журнала «Огонек», который издавался миллионными тиражами. Теперь, оглядываясь назад, я думаю о том, что шестидесятые – начало семидесятых были годами расцвета нашей культуры, чему во многом способствовал журнал «Огонек» под руководством Софронова, выходивший каждую неделю. В нем было все: русская и зарубежная, причем, лучшая, проза, красочные репродукции картин художников

всех времен и народов с неременными и очень интересными комментариями известных искусствоведов; рецензии на фильмы, спектакли, новые книги; русское зарубежье в лицах; увлекательные рассказы о городах и странах – всего не перечесать. Итак, Отец читал отрывки из нового романа, и поскольку его героиню тоже звали, как и меня, Наташей, и было ей примерно столько же лет, сколько и мне, Козловский, фотокорреспондент «Огонька», тут же велел мне в приказном порядке встать там-то и там-то, улыбнуться, или, напротив, сделать серьезный вид... Получились замечательные фотографии, которыми я очень дорожу. А, главное, они переносят меня в ту заснеженную зиму с гудящими на мороз печками, в атмосферу интересной непринужденной беседы между творческими людьми – был среди них и тогда еще молодой художник Илья Глазунов. Никаких склок и сплетен, злопыхательств в чьей бы

то ни было адрес... Наше легкое и терпкое вино, шутки, казачьи песни, «Толя, а ты читал последний роман Апдайка...», «А я тут прочитал замечательный рассказ Василия Шукшина...» И все в таком духе.

Наташа Луговая. Я часто мысленно называю себя этим именем...

Особенно после того, как прочитала этот роман целиком... Я другая, конечно же, но Отец знал меня, мою душу, он любил наблюдать за моим развитием, разумеется, по мере сил его направляя, но ничего не навязывая. Да и мне в ту пору невозможно было что-либо навязать. На какой-то очень счастливый и довольно долгий промежуток времени я словно выпала из капсулы времени, окружающей жизни, пребывая в мире своих грез, музыки, литературы, философии и даже религии. Да, я пришла к Богу благодаря музыке Рахманинова, Чайковского, Шопена, благодаря литературе девятнадцатого века, благодаря слиянию с нашей донской природой – и вдруг почувствовала себя сильной, цельной натурой. Потом меня угораздило натворить много ошибок, много раз я спотыкалась в этой жизни. Но ведь роман Анатолия Калинина «ГРЕМИТЕ! КОЛОКОЛА!» не

завершен. По той простой причине, что не может быть у такой любви – вообще у чистой, светлой, готовой на любые жертвы – любви счастливого конца. Тем более, что свойственна она натурам хрупким, изнеженным, ограждающим себя всеми силами от тягот и забот реальной жизни. Да, я была Наташей Луговой – я и осталась ею, пережив много драм и трагедий. Спасибо роману Анатолия Калинина. Спасибо замечательному – русскому – американцу Вану Клиберну. И светлая ему

память...

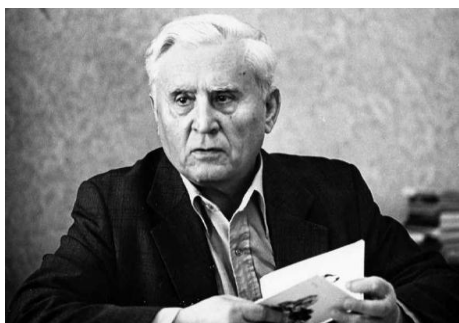

Эту улыбку забыть невозможно!

Но он далеко не всегда улыбался. Хорошим людям – да. Природе во всем ее многообразии и великолепии – тоже улыбался, искренне и горячо любя все живое. Успехам своих коллег по перу радовался, мне кажется, еще больше, чем своим собственным. Зависти в нем ни капли не было – и это меня восхищает до глубины души. Зависть, как чума, губит все доброе, светлое, погружая мир во мрак и вечную злобу. Отец улыбался легко, ненатужно, весь отдаваясь улыбке. Камня не носил на душе, не мстил никому. Рассказывал, помню, что, читая еще в детстве Библию, удивлялся и даже негодовал на ветхозаветную заповедь – око за око. «Тогда не будет конца войнам и крови. Люди станут хуже волков... Нет, я не приемлю

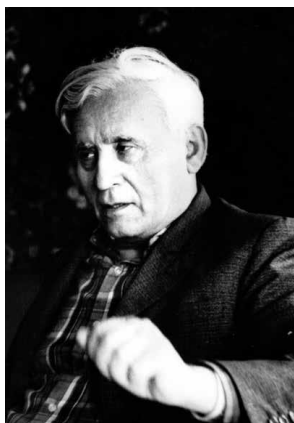
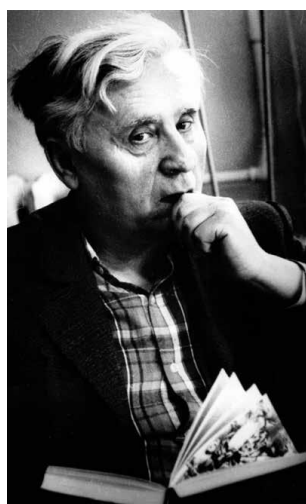
такого мира. Уж лучше подставить щеку, как сказал Христос. Хотя и это мне кажется не совсем правильным...» Мы часто разговаривали с Отцом на вечные темы. А потом он вдруг улыбался мне безоружной улыбкой и говорил: «Ну, я пошел к себе. Ты уж меня прости». И я слышала, как хлопала дверь его кабинета.

Ох, этот Фицджеральд!

Вспоминаю: привезла я из Москвы «Записные книжки» Скотта Фицджеральда – этот писатель в нашей семье всегда был одним из самых любимых и перечитываемых. Отец тут же забрал книжку к себе, закрылся. То и дело долетали его одобрительные возгласы, иногда смех. Книжка была тонкая, а Отец долго не выходил из своей

комнаты. Вышел, наконец. – Читала? – спросил у меня. – Ну да. В поезде. – Внимательно? – Глаза веселые, слегка ироничные. – Сама не знаю. То, что мне было интересно, по несколько раз перечитывала. – А что тебе показалось интересным? Вижу, он с трудом сдерживает смех. – А, ты о большевистском светоче культуры, – вдруг осенило меня. – Я ржала на весь вагон, и даже пришлось зачитать отрывок соседям по купе. Иначе бы они решили, что я ненормальная. Отец раскрыл книжку на странице, которую заложил карандашом. – Ты помнишь, он там пишет об американцах, приезжавших в Париж и о том, что к началу 1928 года в Париже стало нечем дышать. Вот: «Приезжали какие-то неандертальские чудовища, которых гнало в Европу смутное воспоминание о чем-то вычитанном в грошовом романе. Мне вспоминается один итальянец, который разгуливал по палубе в форме офицера запаса американской армии, а в баре затевал на ломаном английском языке перебранки с американцами, позволявшими себе нелестно отзываться об американских порядках. Вспоминается толстая еврейка, инкрустированная бриллиантами, которая сидела за нами на спектакле русского балета и, когда поднялся занавес, изрекла: «Шудесно, шудесно, надо это срисовать на картину». Все это отдавало фарсом, но становилось понятно, что власть и деньги очутились теперь в руках людей, по сравнению с которыми председатель деревенского совета у большевиков выглядел просто светочем культуры. В 1928-1929 годах попадались американцы, обставлявшие свое путешествие с такой роскошью, которая только подчеркивала, что в смысле духов- ном самой подходящей для них компанией были бы мопсы, двустворчатые моллюски и парнокопытные». Ну, и так далее. В связи с этой цитатой у нас вдруг возникла целая беседа. Прежде всего, заговорили о так называемых новых русских, придя к совместному выводу, что те самые американцы, о которых пишет Фицджеральд, словно списаны с наших нуворишей, многие из которых не просто кичатся своим не всегда законным путем нажитым богатством, но еще и относятся с явным презрением к так называемому быдлу, то есть остальному народу. – Тому самому, который они обокрали, ободрали до нитки, – уточнил Отец. – Своими приватизациями, ваучерами, дефолтами... А все ведь иностранные слова. Оттуда позаимствовано. Я хотела сказать, что и наша революция 1917 года тоже была во многом позаимствована из-за бугра, но

слова. Оттуда позаимствовано. Я хотела сказать, что и наша революция 1917 года тоже была во многом позаимствована из-за бугра, но

в последний момент сдержалась. Уж больно болезненно воспринимал разговоры подобного рода мой Отец-идеалист. Но он словно прочитал мои мысли. – Мы бы ни за что не одолели Гитлера, если бы не национализировали в свое время крупные заводы и фабрики. Поверь мне. Весь народ трудился на победу. Задумайся об этом. Сейчас торговцы оружием заломили бы запредельные цены. – Сейчас и Гитлера, слава Богу, нет, – дипломатично отозвалась я. – В любой момент может появиться. Белград уж бомбили. Влезли в Ирак со своими порядками. Кто следующий?.. – Папа, как ты думаешь, почему все-таки евреи были всегда гонимой нацией? Я имею в виду историю. Евреи, цыгане... Но ведь они такие разные. – Я часто думал об этом в юности, – тут же отозвался Отец. – Читал Фейхтвангера, Иосифа Флавия, Спинозу, Гейне... С карандашом, выписывая все для меня интересное. Пропали эти записи во время оккупации Новочеркасска. И книги мои пропали. Уцелел томик Блока, который я подарил тебе, ну, еще две-три книги... Когда я писал «Цыгана», я думал обо всех гонимых в прошлом народах. О евреях в том числе. Мой друг, ты помнишь его, Юдович Иосиф Михайлович, говорил, что евреи сами во всем виноваты. Я так не считаю. А почему истребляли казаков? Почему слово «казак» одно время было, можно сказать, под запретом? Мой роман «На юге» вынули из плана издательства «Молодая гвардия» по той причине, что в анкете в графе «национальность», я написал – «из казаков». Это было вскоре после войны. Гитлер хотел и славян истребить, оставив всего двенадцать миллионов рабов. Пастернак, кажется, высказал мысль о том, что евреи должны влиться в тот народ, с которым рядом живут, воспринять его культуру. Я с ним не согласен. Каждый народ должен сохранить свою культуру, язык, обычаи. Но это очень сложный вопрос. – Глаза Отца заискрились весельем. – Я помню, какую замечательную фаршированную рыбу готовила Фаина Ароновна Юдович. И Маму твою научила. А меня исключили из комсомола за то, что я подрался с одним парнем. Думали сначала, что он еврей. Когда оказалось, что он не еврей, меня тут же восстановили в комсомол. Тоже перегибы своего рода. Почитай Гейне. Блистательный художник и мыслитель. Кстати, я штудировал – не люблю это слово, но иначе не скажешь, – в юности Спинозу, который ополчился на Талмуд, и Талмуд в свое время прочитал. А вообще я ненавижу расизм всякого рода. Тошнит от него... К сожалению, нашу беседу прервали – кто-то приехал. Отец сказал напоследок: – Помню, я написал критическую статью о двух поэтах еврейской национальности. Поругал их за плохие стихи. И прослыл вдруг антисемитом. А когда я отозвался с похвалой в печати о «Синей тетради» Казакевича, кто-то из моих знакомых сказал: «Но ведь он же еврей».

Отец встал с дивана и пошел встречать гостей, совсем не думая, кто к нему пожаловал: русский украинец, татарин, еврей, цыган, немец, француз... Он шел встречать разумных братьев по Земле.

С нашим Будулаем.

Я слышала, черные терьеры злые собаки и даже их берут в полицию на службу. Но наш Будулай – имя выбрали единогласно – оказался добрейшим существом. Более того, лаял на нашего дворового Дружка, когда тот оповещал о приближении чужих людей. И загонял его в будку. Обожал всех целовать, женщин в особенности. «В этом он не похож на моего Будулая, – сказал как-то Отец. – Похож на того, который жил когда-то в нашем хуторе, помнишь?..» Я помнила... В середине пятидесятых осела ненадолго в нашем хуторе цыганская семья – большая, шумливая, состоящая не то из кровных родственников, не то из жен ее главы,

симпатичных смуглолицых девушек. Будулай, молодой жгучий красавец лет двадцати, бездельник и настоящий Дон Жуан, очень приглянулся нашим казачкам. И он ими увлекался. Были, разумеется, выяснения отношений с тасканием за волосы, руганью и прочими атрибутами ревности. Я помню этого человека довольно смутно. Мы с подружкой как-то рыбалили вдалеке от дома и хутора – в вербном лесочке, – стоя по колено в воде и подоткнув юбки. Он подъехал бесшумно на велосипеде. Я первая обернулась, почему-то вздрогнула, хотя цыганами меня никто никогда не пугал.

– Не бойся, девочка. – Он улыбнулся широко и доброжелательно. – Я тоже люблю с удочкой постоять. Да вот некогда все...

– Валяй отсюда, – сказала Валя, моя ближайшая к сердцу подружка, охранявшая меня как рыцарь прекрасную даму.

– А то я как дам тебе по горбюке... – Она наклонилась и достала со дна увесистый камень, за который был прикреплен чулок с макухой. – Хиляй и не оглядываясь, понял?

– Чего уж не понять... – Он покорно развернул велосипед и стал подниматься к тропинке, мелькая среди верб своей красной рубахой.

– Тоже мне, чучело гороховое. – Валя со злостью бухнула камень в воду. – Не люблю я таких.

– Каких? – полюбопытствовала я. – С кобелиными манерами. Урод несчастный.

– По-моему, он красивый, – сказала задумчиво я, вспоминая смуглое лицо и широкую белозубую улыбку. – Таких снимают в кино.

– Вот пускай туда и хиляет. – Валька почему-то вздохнула. – И рыба клевать перестала. Колдун...

Мне нравилось смотреть на этого Будулая издали. Разумеется, тут о влюбленности и речи не было – в ту пору мы развивались не так бурно, как теперешняя молодежь, не в укор им будет сказано. Думаю, у меня тоже был какой-то особенный интерес к цыганам, этой таинственной – романтической – нации колдунов, гадалок, веселых и грустных певуний и разухабистых танцоров, которых так приблизило к себе и воспело в стихах и прозе русское, и не только русское, дворянство. Отец в ту пору вынашивал замысел «Сурового поля» – в хутор и окрестные станицы и хутора возвращались из концлагерей бывшие военнопленные, приходили к нам, к Отцу, разумеется, с задушевно искренними рассказами о своей нелегкой жизни и в наших лагерях тоже. Вероятно, роман о Будулае был задуман уже тогда – больно часто Отец говорил о цыганах, ходил к ним домой, приходил к нам глава цыганского семейства, которого звали Иван Васильевич, чем он, кстати, гордился. Помню, Отец рассказывал, и не раз, что в Пятом Донском Казачьем корпусе служил в разведке цыган, смелый и очень ловкий по части добычи «языков»... Вот так, увидев фотографию с нашим любимым псом Будлаем, я вспомнила многое из той, уже далекой, жизни. Наверное, люди собирают и хранят у себя дома альбомы с фотографиями для того, чтобы благодаря им, вспомнить прошлое и поплакать, да, да, скорее поплакать, о чем-то былом.

Друзья Анатолия Калинина! Вам посвящается этот раздел. Простите великодушно, если мы кого-то не назвали...

Последнее время я всегда присутствовала на встречах Отца с его друзьями, которые стали и моими тоже. Генерал Валерий Константинович Бобков, последний герой Советского Союза, чернобыльский ликвидатор, художник, истинный донской

казак появился в нашем доме не так уж давно, но стал близким другом. Синявцев Иван Федорович, руководитель крупного сельхозпредприятия, тоже стал своим в нашем доме. А вот семья Нечитайло-Савченковых принадлежит к когорте старых и тоже верных друзей. Дмитрий Васильевич известный художник, жена, Люд - мила Мальцева, актриса, как и их дочь, Полина... Алексей Святославович Рыбников учился у

моего дедушки Вениамина Александровича. Семьи Рыбниковых-старших и Калининых-старших были очень дружны. Друзья, узнавайте себя на этих снимках, вспоминайте Анатолия Калинина, читайте его книги. Нам сейчас так необходимы те самые добро, правда, любовь к ближнему, которые он защищал и в жизни, и на страницах своих стихов, романов, статей и очерков... «Анатолий Вениаминович Калинин – для меня, прежде всего,

Будулай – как символ бесконечной доброты, которая, на мой взгляд, выше всех человеческих ценностей», – сказал донской поэт Игорь Кудрявцев.

Депутатские будни...

Отец долгие годы был депутатом Верховного Совета СССР. Это, конечно же, отнимало у него уйму личного времени, но он не сетовал на судьбу, гордился, что чем-то может помочь своим избирателям.

Снимки, объединяющие время и события...

Между этими уникальными снимками пролегли и радостные и тревожные дороги жизни. Вот в центре – Всесоюзный староста Страны Советов – Михаил Иванович Калинин. А за ним – Анатолий Калинин (снимок сделан в Кремле во время получения правительственной награды). А этот снимок от друга – артиста Евгения

Матвеева не нуждается в комментариях.

*Дорогие Александр Иванович и
Анатолий Константинович!
В детстве и юности для всех
счастливых на 1941 год. Вам,
до встречи, «Счастливого пути»
— Женя Матвеев
26.12.2011
Москва*

«Дорогие пухляковцы. Земляки...» Только так вас величал Калинин.

И говорил во всех своих интервью, что без Вас не написал бы ни одной своей строчки. Вы питали его творчество своей любовью, Вы давали ему сюжеты для всех без исключения произведений. И если кто-то из Вас себя узнавал в том либо ином герое – значит, этот человек вдохновил Калинина на создание повести, романа, поэмы... Но творчество Анатолия Калинина обладает

магическим даром: преломлять увиденное, превращая его в волшебный мир цельных чувств, большой любви, пылкой дружбы. Своим творчеством, своим честным неподкупным образом жизни Калинин обессмертил наш хутор, сделав его литературной столицей Дона, всей России. Как Вешки Шолохова. Ивановка Рахманинова. Клин Чайковского. Спасское-Лутовиново Тургенева... Уверена, мы будем чтить его память, превратив хутор Пухляковский в настоящий культурный центр, куда будут приезжать со всего мира поклонники гения, донского казака и доброго, широкой души Человека Анатолия Калинина.

А как без них?

Вспомнила страшный эпизод из моего детства. Мы зимовали в ту пору в Ростове и у меня там, разумеется, образовался свой круг подружек. Как-то я вышла утром во двор. Было мне лет пять-шесть, не больше. Вижу, одна из моих подруг идет за своим отцом, у которого за пазухой котенок-подросток, и причитает: «Папочка, не надо, я унесу его. Сейчас же». Я иду вслед за ними на задний двор, где еще целы военные развалины. По пути к нам пристаёт стайка мальчишек и девчонок из нашего двора.

Просто так, из любопытства или же потому, что Оля уже не упрашивает отца, а плачет в голос. Как вдруг этот дядька в стеганке выхватывает котенка из-за пазухи и, взяв за задние лапы, бьет с размаху головой о стену. Несколько раз. Мы, дети, просто оцепенели от ужаса. Дальше я все помню смутно. Прибежала домой в слезах, все поплыло перед глазами.

Рассказала бессвязно об увиденном... Отец ходил к тому страшному дядьке. Не знаю, что он ему сказал, но дядька надолго исчез из нашего дома. Впрочем, он был алкаш и бузотер. После этого случая я болела недели две – с высокой температурой, ночными кошмарами, судорогами. Не только я – моя близкая подруга попала в больницу с нервным срывом. Помню, Отец сказал тогда: «На войне я много чего повидал. И расстрельные рвы тоже. Но этот человек... – Отец скрипел в ярости зубами, с трудом подбирая определение для этого дядьки. Так и не подобрал или же побоялся сказать его вслух, – ...кончит плохо. Тот, кто издевается над зверями, самый настоящий убийца...» Так оно и случилось. Не прошло и полугода, как палач котенка – мы так прозвали его в

нашем дворе на Лермонтовской – убил дружка в драке и попал в тюрьму. Я его больше никогда не видела. И вот теперь, когда мне говорят, что я по своей доброте (разумеется, подразумевается, что она глупая) принимаю и кормлю всех подкидышей, что я трачу на них много денег, ну, и так далее, я всегда вспоминаю тот страшный случай из моего детства и слова Отца. И еще слова Есенина: «И животных, братьев наших меньших, Ни - когда не бил по голове». Они ведь на самом деле наши меньшие братья. Кстати, это стихотворение всегда звучало за нашим столом, когда приезжал В.А. Закруткин, написавший прекрасный очерк в защиту всего живого, «Слово о бессловесном», который, я уверена, нужно внести во все школьные хрестоматии. В чем, в чем, а в любви к «меньшим братьям» мы здорово отстали от «гнилого» Запада. Вспоминаю: вначале девяностых я прилетела на Тенерифе – Канарские острова – по туристической путевке чартерным рейсом из Москвы. ОТЕЛЬ на Лас-Америкас, фешенебельном районе острова, значился в проспекте как пятизвездочный. И на самом деле это

оказался замечательный отель с видом на океан и прочими ненавязчивыми удобствами. Но я не об этом. Мы прибыли в отель ночью, и я вдруг услышала знакомые звуки и учуяла родные запахи: в полутемном холле ссорились коты, уже успевшие пометить свою территорию специфическим запахом. Кое-кто из наших туристов стал ворчать, другие просто не обратили внимание... Утром я пошла на долгожданное свидание с Атлантическим океаном и во дворе нашего роскошного отеля увидела множество кошек самых разных расцветок и пород, в основном гладкошерстных и не очень красивых по нашим отечественным меркам. Они чувствовали себя, как дома: лежали в шезлонгах и на лежаках, и никто из туристов их не трогал, даже не гнал с шезлонга. Заметила я и табличку на нескольких языках: «Пожалуйста, не кормите кошек. Они питаются на кухне». Так оно и было. Помню, кто-то из наших туристов пытался возразить против такого соседства, но англичане, французы и прочие постояльцы отеля воззрились на них с удивлением и даже, как мне показалось, осуждением. И нашим новоиспеченным господам пришлось сделать хорошую мину при плохой игре. И еще вспоминаю стихотворение Отца военных лет:

*Однажды в час полуночной бомбежки,
Когда кружилось над селом ненастье,
В блиндаж оттуда забежала кошка
Обугленной в огне жестоком масти.
На черной шкуре вспыхивали искры,
Она забилась в угол и стонала,
Уткнувши нос в огарок тот пушистый,
Который злобно грызла и лизала.
И стала жить в квартире нашей тесной,
Деля сухой паек с ее жильцами,
И даже скоро петь им стала песни,
Зрчками в темном сумраке мерца.
И песни эти неизвестно чем,
Когда смолкали минометы немцев,
Вдруг у солдат в бессоннице ночей
К врагам утраивали чувство мести.*

Август 1943 г.

...Я всегда приносила домой несчастных животных, птиц, даже как-то замученного мальчишкой ужа, который вдруг ожил, потом еще долго обитал у нас под порогом. И мне подружки приносили, потому что дома им ставили условие, главным образом их отцы – выметайся вместе с котенком, щенком, вороненком и так далее. И только мой Отец ни разу не сказал мне ничего подобного. Наоборот, я слышала неоднократно, как он рассказывал о моей любви к животным посторонним людям. С восхищением, с удовольствием, счастливый от того, что я выросла такая. Я и сейчас слышу вокруг рассказы о жестокосердии так называемых отцов семейств и думаю: а вот мой Отец был другим

даже в этом. Помогал нам строить домики и гнезда, лечил вместе со мной и мамой собак и кошек. Нашего старого Маркиза мы не только уколами поднимали, а еще и клизмы ему делали. Папа держал, а я храбро играла роль ветеринара. Еще вспоминаю: какая-то из наших больших собак, кажется, догиня Джеки, которую я привезла из Москвы, потрошила старое пальто и проглотила большую круглую пуговицу. Последствия оказались весьма плачевными, о чем легко можно догадаться – пуговица-то была с большую медаль. Помню, отец надел старые кожаные перчатки и с ловкостью фокусника вытащил из потайного места нашей красавицы догини эту злополучную пуговицу. Недаром мое первое детское воспоминание связано с тем, как Отец чинит ласточкино гнездо... Мне по сей день подкидывают котят, больных и немощных, раненых птиц... Есть еще недобрые люди, считающие зверей и птиц низшими существами. Но мне кажется, что многие люди в нашем хуторе заметно подобрали друг к другу и братьям нашим меньшим с тех пор, как здесь поселился почти семьдесят лет тому назад Анатолий Калинин.

Наш дом часто навещают твои друзья. Наши друзья. Они приходят к тебе. И им тоже кажется, что ты рядом...

*Скажи, Давид, а та пастушка
Тебе не пращуркой была,
Что за своей кибиткой Пушкина
Едва совсем не увлекла?*

*Иначе как тебе от гения
Мог передаться этот дар,
Вдруг озаряя ночь забвения
Мгновенной вспышкой, как пожар?*

*Чтоб над дорогою возвратной
Твои рыдания сбылись,
И мы с тобой опять как братья
После разлуки обнялись.*

А вот какую надпись на своем трехтомнике сделал Давид Никитич Кугультинов:

«Моему дорогому другу, выдающемуся писателю, который защитил честь моего народа, Анатолию Калинину... Я тебя люблю! Будь здоров! Мы с тобой одного племени. 27.07. 05.»

Вспомнилась мне это замечательное стихотворение и надпись на книге в связи с посещением нашей усадьбы – Усадьбы Анатолия Калинина – родственниками Эрн Деликова, героя, павшего на донской земле, защищая нашу общую Родину. Большой фотографический портрет Отца встречает всех гостей на пороге. Вошло в традицию сниматься возле этого портрета. С друзьями, разумеется. У Калинина были самые тесные связи с калмыцким народом, посланцы которого часто бывали у него в гостях. Думаю, эта добрая традиция продолжится...

Подруга моей вольной юности под крышей Пухляковского дома. Я так долго искала ее фотографию...

С Наташей мы учились в одном классе в Ростове, сидели на одной парте и обожали друг друга. Но это было не слепое чувство – мы были сестрами по разуму. Пытались заглянуть туда, куда не положено заглядывать простым смертным. А еще читали на английском Байрона и Марка Твена, увлекались философией Спенсера... Шишкина работала несколько лет секретарем у Отца. Написала о его творчестве интересные статьи и исследования. Потом сотрудничала в журнале «Дон». Принадлежала к кругу очень близких друзей нашего дома. Увы, рано ушла из

жизни, тоже потворствуя своим слабостям. Она была талантлива... И по-настоящему чиста душой. Вот они с Отцом сидят возле нашей старой летницы, от которой остались одни воспоминания. Весна, цветут сады, солнце в самом зените – вижу по тени от головы Отца на окне сзади него. Говорят о чем-то... Думаю, Отец что-то рассказывает Наташе, а она слушает и, как говорится, мотает себе на ус. Мне повезло в жизни с подругами и друзьями. Было их не так много, зато самые настоящие. Почти всех я пережила...

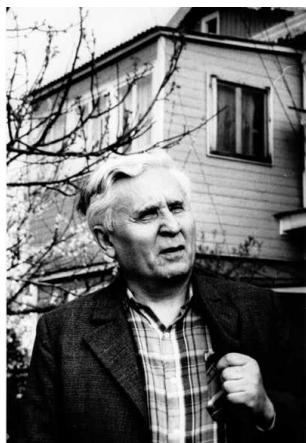

С женщинами Калинин сниматься любил... И они собирались вокруг него с радостью.

Наши хуторянки-казачки окружали его в мгновение ока на ступеньках клуба. А девчата, помогавшие в день большого приема гостей накрыть на стол, едва завидев его, просили: «Давайте встанем все. На память». Уверена: чуть ли ни в каждом доме в нашем

Усть-Донецком районе висит снимок: Калинин с Надей, Любой, Валеи, Светой, Наташей... Попалась мне старая – лет ей около сорока – фотография Отца с маленькой

Таней Коробко, закадычной подругой детства маленькой Наташи. Радостно она улыбается, даже слегка кокетливо. А вот и доктор Люда, «турчанка», не раз спасавшая Отца ночью или белым днем. Безотказная, глубоко познавшая тайны своей нелегкой профессии, лечившая весь хутор.

Но я снова возвращаюсь к твоим портретам. Хочу побыть с тобой.

Еще немного...

Первое время мне казалось, Отец здесь, рядом, в этом доме, в саду... Я часто просыпалась по утрам от звука его голоса. Он говорил мне: «Спи, доченька, еще рано...» А в саду, куда я уходила, чтобы выплакаться одной, слышала явственно его голос: «Не надо. Зря... Ты и в детстве часто плакала зря. Помнишь, я вытаскивал тебе занозы из пяток? Только брал иголку, а ты уже начинала всхлипывать?..» Помню. Все я помню. Как ты провожал меня в школу, в Раздоры – у нас тогда в хуторе были всего четыре класса.

Стоял на тропинке внизу и смотрел, как стайка хуторских детей, в которой была и я, удаляется по направлению к вербному леску... Как смотрел с тревогой в бинокль из окна своего мезонина на нас, девчонок, заплывающих слишком далеко, на самую

стремнину Дона. Как ждал моего возвращения из Москвы у раскрытых настежь ворот заранее, за час, а то и больше. Как мы с тобой спорили о политике – и ты оказался прав, ты был настоящим провидцем, пророком. Как тебе казалось иногда бессонными ночами, будто я горько плачу, и ты заходил тихонько в мою комнату, стоял на пороге, прислушиваясь... Как ты болел, и все вокруг скрывали от меня правду о твоём здоровье, а я, дурочка, верила... И помню всегда исходящее от тебя тепло... Прошлым летом присела я на лавочку под тютиной, закрыла глаза... Чувствую, ты сел рядом, обнял за плечи... Больше ничего не помню. Стало мне вдруг легко, высохли слезы, услышала, как поют над головой птицы. Ты сказал: «Когда меня уже не будет...» Тут ты оказался неправ. Ты есть. Будешь. То, что ты написал, что сделал для людей, твой образ жизни, мыслей, твоё чистое искреннее, безгранично доброе ко всему живому сердце – это всё бессмертно. Как Вселенная.

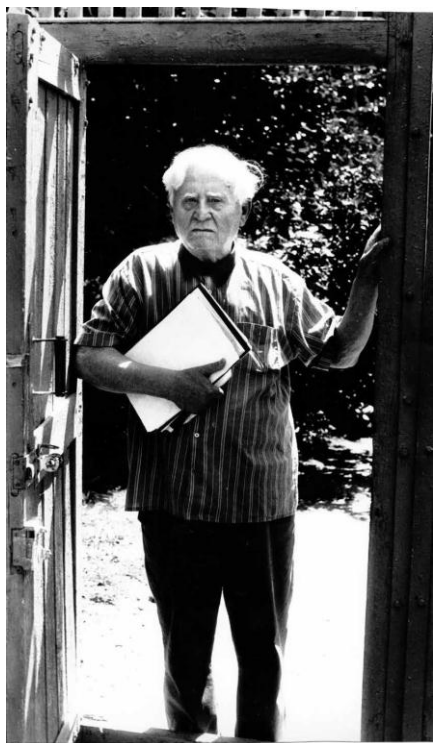
Ты здесь. Я ощущаю твоё тепло. И, как всегда, твою заботу о нас.

И все так же вы с Маркизом сидите на крыльце... Каждый о своём думает и каждому из вас хорошо вместе. А потом ты, Маркиз, побежишь лаять просто так, на ветер, а хозяин скажет тебе: «Вернись. Ко мне. В старости тем более врать нельзя. Ты смолоду часто завирался...»

И Маркиз послушно вернется к ноге хозяина. А как только стемнеет, побежит по хутору.

Выскочит в верхнюю калитку, а возвратится обязательно в нижнюю – таков его маршрут. И хозяин ждет, когда он вернется. Не спится ему, пока Маркиз не ляжет на своей постилке в сених, выпросив предварительно кусочек сахара или конфету. Наши звери и птицы всегда жили не только в нашем доме, но и в сердцах тоже. Так уж повелось...

Не закрывай эту дверь, Отец! Позволь нам быть с тобой долго-долго. Всегда!

Этот снимок сделан в августе 2000-го года. Тогда мне казалось, нет, не казалось – была я в полной уверенности, – что эта счастливая пора моей жизни будет длиться вечно... Увы, я забыла, что все мы состоим еще и из плоти, брэнной и тленной. Как-то выскочило у меня это из головы, убаюканной присутствием Отца, его ненавязчивой – душевной – лаской, беседами с ним на вечные темы нашей природы, возрождающейся каждую весну.

Мне сейчас хочется подняться на Володин бугор, воспетый Отцом почти во всех его творениях, и крикнуть так, чтобы сам Христос услышал: «Не закрывай за со - бой эту дверь, Папа! Будь с нами всегда! Без тебя уныло, сумрачно, сиротливо и зябко в этом холодном и жестоком мире!..»

...И Он не закрывает. Не закроет никогда. Он с нами.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Письма, телеграммы от Михаила Шолохова

Депутату Верховного Совета РСФСР тов. Калинину

Уважаемый товарищ Депутат!

Что же Вы так плохо работаете в области религиозной, и почему Ваши избиратели обращаются ко мне? Почему до сих пор Вы не открыли храм Святого Иоанна Богослова? ИС. Погорелов готов приехать на освящение этого храма и принять в этом мероприятии самое деятельное участие, т.е. выпить *Vi* ведра церковного вина пухляков-ского производства и помолиться вместе с остальными верующими за здоровье депутата Калинина, чтобы у него не болело ни сердце, ни горлышко, ни вся внутренняя начинка... Обнимая Вас!

*Старый церковник и не менее старый Ваш друг М. Шолохов.
27.06. 70 г.*

Письмо

Дорогой Анатолий!

Получил твое письмецо и возрадовался, что ты уже на ногах. Ты не хвори и живи дольше. От тебя хорошее человеческое тепло далеко идет. Мне, например, легче живется, как только подумаю о тебе. Очевидно, и многим другим.

Я тебя обнимаю и желаю окончательного «становления».

Твой Михаил Шолохов.

16.2.70.

P.S. Поклон от нас Саше. Рад, что она обезручила. По крайней мере, коромыслом тебя уж не сумеет ударить...

(Мама сломала в то время руку).

Телеграмма

11.06.66 г.

Усть-Донецкий, ст. Пухляковская Калинину Анатолию.

Верный необратимому чувству отцовской любви вернувшись на Дон крепко обнимаю родного сына.

Михаил Шолохов.

Телеграмма

23 августа 1966 года. Калинину Анатолию

Дорогой моему сердцу человек, от сердца поздравляю тебя с днем рождения. Одновременно грущу, что для тебя уже начался скучный путь с ярмарки, где было и весело, и трудно, и достаточно шумно.

Твой Михаил Шолохов

Письмо

Дорогой Анатолий!

К сожалению, мы привыкли даже семейное торжество выносить на улицу, но тут уж ничего не поделаешь. Я избежал этого в прошлом году, а тебе придется попотеть. Ты помоложе, и тебя не убудет. Смирись, потей, делай счастливое лицо и вымученно улыбайся. Серьезным и грустным побудешь на другой день.

Однако сквозь шум поздравлений мне хочется пробиться к тебе с сокровенными словами, которые говорят не публично, а с глазу на глаз.

Ты знаешь, у меня мало друзей, а дорогих моему сердцу, - вовсе наперечет. Ты - в числе последних, а мне всерьез грустновато, что ты уже старик, а хотелось бы видеть тебя просто зрелым мужем. Такие чувства появляются, наверное, у самых близких имениннику людей, у жены, детей, у истинных друзей... Ты - хороший человек и хороший писатель.

Вот таких и жалко, когда они стареют. А будь похуже - ну, и черт с тобой,

старей на здоровье, кому от этого убудет!

Скрепя сердце, крепко обнимаю тебя, желаю здоровья, счастливого творчества и чтобы твое доброе и совестьное сердце стучало еще размеренно и долго на наше общее счастье и радость.

Привет от нас Саше и детям.

Всегда твой М. Шолохов.
21.8.76

Высказывания об Анатолии Калинине известных критиков и писателей

«Какие бы ни ставились рядом пояснения – очерк, повесть, рассказ, – это настоящая литература. Я лично прочитал с большим интересом и давно не испытываемым удовольствием. Желаю тебе и дальше шагать вот так же мужественно и горячо», писал автору «Лунных ночей» писатель

ЕВГЕНИЙ ПОПОВКИН.

«Будем откровенны: многие писатели вводят в произведения образы секретарей райкомов и местных руководителей, но настоящего такого образа еще не было. И вот образ Еремина в «Лунных ночах» мне кажется первым настоящим образом секретаря райкома в нашей литературе. А как выписано у него собрание колхозников! Это чистейшая правда. Всему здесь веришь, и с какой искренностью это написано! И вот встает вопрос: изучал ли жизнь А. Калинин? Нет. Он жил этой жизнью. Он любил и ненавидел, он волновался и, может быть, даже плакал, скрипя зубами. Сила художника, громадная сила сказывается в этом очерке».

ГАВРИИЛ ТРОЕПОЛЬСКИЙ.

«С тех пор, как мы узнали и полюбили Наташу Ростову, вряд ли был в нашей отечественной прозе девичий образ такой трепетности, сложной чистоты, цельности мятущейся, откровенности порывистой, сменяемой вдруг снисходительной замкнутостью. В то же время Наташа Луговая – дитя нашей эпохи, во всех ее порывах бьется напряженная мысль человека сегодняшнего дня...»

...«Большую ношу взвалил себе на плечи этот сильный человек, такую ношу можно поднять лишь всем народом. Но то, что понял Будулай, предстоит еще понять многим. И не одним цыганам. Не только о них роман»

ИСКРА ДЕНИСОВА.

«...Говорят в народе, что плод жизни человека – его доброе имя. Имя Анатолия Калинина знают на донской земле почти все. И далеко за ее пределами – тоже знают. Человека меряют его делами. А добрых дел за плечами писателя и депутата Верховного Совета РСФСР немало. Благодаря его вмешательству в хуторе Пухляковском много построено, много изменено к лучшему в судьбах людей. А скольким молодым литераторам помог встать на ноги и найти свою тропу Анатолий Калинин! И автору этой статьи до сих пор благодарно памятен день первого знакомства с писателем и день первого приезда в хутор Пухляковский... Мог ли я, заводской мальчишка и начинающий поэт, ожидать тогда, что судьба подарит мне потом радость многолетних добрых встреч с Анатолием Калининным. Это было давным-давно, он улыбнулся мне своей неповторимой открытой улыбкой, я протянул ему свою ладонь...»

БОРИС ПРИМЕРОВ.

*Ветра не знают
остановок,
навек
собой соединив
два мира,
грохот и безмолвье,
в один-единственный мотив:
Толпящегося солнца слепок -
непрерываемая нить.
И потому глаза не слепнут,
не устают глазами быть!
Недаром движущая сила
полян мерцающих
и нив
приподняла собой светило,
его к земле поворотив.
В свистящее пространство вбито,
перед собой толкая свет,
всё, от глубин и до зенита,
несется вечности вослед.*

БОРИС ПРИМЕРОВ.

«Не случайно его (Калинина) так нежно любил Михаил Александрович Шолохов. Тут мне хочется напомнить, что был и помнится историей литературы круг Пушкина, как помнится круг Толстого, Чехова. Был и есть и круг Шолохова. Он, этот круг, еще ждет своих исследователей. Не сомневаюсь, что много неожиданного узнаем, когда истинно раскроется этот круг. И убежден я, что первым и самым близким в этом круге был и остается Анатолий Калинин. Честно говоря, мало у нас писателей, которые растворяются в слове, как растворялся в нем Шолохов: он забывал о себе, как боец, поднявшийся в атаку, забывает о страхе и опасности, – кто был под огнем, поймет меня. Такое самозабвение свойственно и Анатолию Калинину.»

НИКОЛАЙ ЕГОРОВ.

«У Анатолия Калинина завидная судьба – его любят читатели. Каждое его произведение вызывает поток читательских писем... Искусство Калинина – это искусство веры в Человека».

ВАЛЕНТИНА КАРПОВА.

«Произведения Анатолия Калинина, изображая человека в противоборстве страстей, раскрывают сложную и порой мучительную историю формирования характеров людей, устремленных в будущее. Им, этим людям, приходится тратить силы ума и таланта на борьбу с уродствами жизни, преждевременно стареть, преждевременно изнашивать свои сердца. Но Человек никогда не устанет и не перестанет бороться за торжество разума, справедливости, за прекрасное...»

НИКОЛАЙ ДАЛАДА.

«Мне кажется, что новая повесть Анатолия Калинина «Эхо войны», опубликованная недавно в «Огоньке», дает большую возможность

поразмышлять всем тем, кого вопросы социалистического реализма волнуют всерьез и кому судьбы нашей литературы отнюдь не безразличны.

Но я не стану говорить, что мы, мол, имеем дело с новым Львом Толстым, чтобы, прежде всего, не быть смешным, а во-вторых, чтобы не обижать Анатолия Калинина, умного, яркого писателя, которого очень люблю. Но, повторяю, отлично написанная повесть «Эхо войны» дает богатейшие возможности для больших размышлений. Она, по моим представлениям, стоит в том ряду произведений литературы, который начат горьковской «Матерью».

ВСЕВОЛОД КОЧЕТОВ.

«А как он всегда радуется успехам других: близких и далеких коллег-единомышленников! Это редкий дар – уметь гордиться чужими успехами. Более 30-ти лет назад он писал: «Принадлежу к числу тех, кто не только верует в могущество литературного слова, но и радуется тому, с чем наша русская литература пришла к съезду. Столько появилось новых имен и книг! Достаточно только «Вологодскую кучку» назвать: Астафьева, Белова и других. А Распутин из Иркутска! Или вчерашний сибиряк, теперь уже краснодарец, Лихоносов! И курянин Носов, не говоря уже о москвичах Алексееве, Иванове, Проскурине, Залыгине – я не стану их всех перечислять. Радуюсь и тому, что мой друг и сосед Виталий Закруткин наперекор своей тяжелой болезни закончил и опубликовал в «Октябре» третью книгу «Сотворения мира»...

ГЕОРГИЙ ГУБАНОВ.

«Образ писателя Михайлова «Суровое поле» – большая удача Анатолия Калинина... Михайлов – художник страстный, увлеченный, у него большое сердце, которое умеет самозабвенно любить и люто ненавидеть. Он в самой гуще жизни, он связан с ней тысячами нитей. Ему до всего есть дело. Только такой художник может быть собеседником сегодняшних дней, только такому писателю и под силу создать книгу о своих современниках, книгу, слова которой были бы «тяжелыми, как свинец, горячими, как кровь, и чистыми, как детские слезы».

«...Я вижу Вас ясно в годы войны корреспондентом и в пору горького отступления и в дни, когда Вы смогли написать «Казаки идут на запад».

Я вижу Вас, встающим в 1958 году со страниц романа «Суровое поле», о котором, работая тогда в «Литературной газете», я напечатал там восторженную статью. И какой шум поднялся о романе! В «Новом мире» покойный писатель С.З. обвинил Вас в том, что Вы покусаетесь на «незыблемые основы метода социалистического реализма». Мало того! Он уверял, что герой романа писатель Михайлов, которому отдано все авторское расположение, «приходит к оправданию власовщины»!

...Потом я вижу Вас в обнимку с замечательным цыганом Будулаем, кузнецом-мудрецом и храбрым воином, с которым Вы прошагали по всей стране через сердца благодарных сограждан. Я вижу Вас 22 августа 1976 года – тридцать лет тому назад! – во главе праздничного стола под открытым небом по случаю Вашего шестидесятилетия в станице Пухляковской в двухстах метрах от тихого Дона. Стол ломился от щедрых даров Донщины. А какие сердечные речи произносили друзья – о Вашем прекрасном жизненном пути и большом таланте. Как ярко искрились и пенились наши бокалы! Как вдохновенно уже под звездным небом оглашало округу наше застольное пение. И Вы пели старинные казачьи песни...»

ВЛАДИМИР БУШИН.

«Гремите, колокола!»
(Строки из писем читателей)

«Прочитала эту удивительную вещь. Понимаете, когда я читала роман, я куда-то торопилась. Такие люди, как Наташа, как-то притягивают к себе. Это – люди-тайны, которые хочется раскрыть», –

Г. ШАКЛИНА. Стерлитамак.

«Трудно выразить словами то, что я перечувствовал, читая ваш роман. Мне, как бы вместе с Луговым, вы открыли глаза на жизнь, помогли посмотреть на чуткость, на нежность как на величайшую человеческую силу. Я сам всегда чувствовал где-то внутри голоса этих чувств, но как-то не был уверен в их справедливости и даже стеснялся их проявлять. Но теперь-то я точно знаю, что доброта, отзывчивость и нежность – огромная ценность, которая дана не каждому человеку»

Б. БУРЕНИЧЕВ. Саратов.

«Судьба героини романа, Наташи Луговой, взволновала нас. Так любить, так чувствовать прекрасно! Спасибо Вам за то, что Вы показали наше поколение таким чутким, отзывчивым, прямым и честным...»

Школьники из Новочеркасска.

«Перечитываю роман «Гремите, колокола!». В предисловии к «Роман-газете» Б. Челышев пишет: «Есть книги, к которым после первого прочтения вновь потянется рука». Вот и у меня сегодня потянулась не только рука, но и сердце».

П.Ю. ФУРМАН. Москва.

«...Я пишу, чтоб сказать вам спасибо. Спасибо. Спасибо за Наташу, Наташину музыку, ваше слово.

Ваша Наташа (теперь она и моя) – для меня все.

Я пишу Вам, не зная почти ничего о Вас. Но я знаю, что Вы умный и добрый, если так хорошо поняли свою Наташу...»

ГАЛИНА КАРГАЛОВА. Уфа. Студентка пединститута.

«...Прочитала книгу уже три раза и все еще мало, чуть свободное время, перечитываю вновь, буквально везде таскаю ее за собой. Неужели Ван Клиберн (А это был именно он), прочитав эту книгу (А он обязательно должен ее прочитать) не задался целью разыскать Наташу...

Это моя первая книга, о которой я не могу молчать, пишу».

Г. Архангельск. АЛЕКСАНДРА БОРОДАШКИНА. Мне 20 лет.

«...Я потрясен... В буквальном смысле этого слова. Роман встряхнул все мои представления о жизни, заставил по-новому взглянуть на нее...

Роман «Гремите, колокола!» (я не боюсь повториться) как ослепительная молния осветил мой мир с его неясностью понятий, ощущений, представлений и неизбежных сомнений.

И я очень прошу – очень! – ответить мне на очень волнующий меня вопрос: Дневник Наташи – реальный дневник или же «плод писательской фантазии»? От этого зависит многое и многое важное для меня».

ВЛАДИМИРОВ ВЛАДИМИР М. Студент геофака ВГУ. г. Воронеж.

«Цыган»

(Строки из писем читателей)

«С удовольствием прочла Вашего «Цыгана». Вечером начала, а к утру закончила читать Вашу книгу. Оторваться было невозможно. Читая Вашу книгу, живешь и переживаешь все с героями... Но вот конец меня, например, не устроил. Я думаю так: неужели Клавдия и Будулай не заслужили своего счастья? Ведь пострадали они оба, и немало. Подходят они друг другу. Конечно, я фантазирую и соединяю их, но я – это я. А если бы это сделали Вы? Сколько счастья принесли бы Вы и Ване и всей семье...»

СТЕПАНОВА НИНА СЕРГЕЕВНА. Г. Псков-13.

«Дорогая редакция журнала «Огонек», я попрошу, чтобы Вы передали Калинин А., кто он такой писатель или кто, но читатели требуют, чтоб повесть была окончена через «Огонек». Пусть через милицию, но найдут этого цыгана...

Тов. Редактор, я вас попрошу, чтоб вот эту писанину отправили к писателю и чтоб писатель прислал, в каком районе это происходило, и в каком селе, и области и мы сами уточним все до конца.

ГОЛУБЕВ ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ и хорошая сотня наших читателей.
Приморский край, Хорольский район, пос. Луговой.

«Уважаемый Анатолий Калинин.

Я прочла Вашу книгу «Цыган» и очень разочарована.

Нужно быть мужчиной, чтоб сделать такой конец.

Не знаете, как трудно быть одинокой, и сколько бы тихих слез пролили женщины с благодарностью, перевернув последнюю страницу. Я же плачу от обиды за Клавдию и Будулая.

Я знаю, что переписать последнюю главу можно, но Вы этого не сделаете, у Вас, очевидно, не найдется времени.

ЕЛЕНА САВЧЕНКО. Камышин на Волге.

«Возврата нет»
(Строки из писем читателей)

«Просим передать автору повести «Возврата нет» наше письмо. И большое спасибо за создание образа русской женщины. Образ достоин глубокого уважения. Повесть нас глубоко взволновала. Антонину Каширину можно поставить в ряд с красивыми, сильными женщинами. Так и стоит эта Антонина в глазах, сильная, волевая, красивая женщина. После повести долго не было желания читать другую книгу».

Группа женщин из Тюменской области.

«Всего несколько дней назад я прочитала Вашу повесть «Возврата нет». Возможно, Ваша повесть спасла меня от смерти. Огромное Вам спасибо».

Без подписи.

Искренне, от чистого сердца, с открытой душой – Анатолию Калинин

Надпись на романе «Три круга войны». Михаил Колосов. Изд-во «Советский писатель» 1981г.

Анатолию Вениаминовичу Калинин на добрую память с давней сердечной привязанностью.

Искренне. Михаил Колосов. 13.XI 81. Москва.

На сборнике «Три комедии» Анатолия Софронова

Дорогому Толе Калинин – все мои стряпухи – с любовью.

А. Софронов 20 апреля 67 г.

«На ближнем и дальнем Западе» Анатолий Софронов

Дорогим Саше и Толе Калининым – эта книга старого бродяги по земному шару.

С любовью и нежностью. Анатолий 9 /XII. 68.

КОВЫЛИ Сборник стихотворений Анатолия Софронова.

Дорогим Анатолию и Александре Калининым – с пожеланиями славного здорового наследника.

Анатолий Софронов. 9/XII. 44 г.

Владимир Сидоров КРЕСТНАЯ НОША

Дорогому Анатолию Вениаминовичу с благодарностью на добром слове.

В. Сидоров. 1996 г.

Дмитрий Нечитайло КУДЕЯР

Анатолию Калинину – Светочу русской литературы! Рождения накануне и во время 20 августа 2006 года.

Д. Нечитайло

Федор Абрамов. ПРЯСЛИНЫ

Анатолию Вениаминовичу Калинину с самыми добрыми пожеланиями. Ф. Абрамов. 4 июня 74 г.

Виталий Закруткин. ПЛОВУЧАЯ СТАНИЦА

Милому моему другу, доброму товарищу по войне и по миру Анатолию Калинину, с горячей и непреходящей любовью.

Виталий Закруткин. 3. 1. 1951.

Виктор Лихоносов. КОГДА ЖЕ МЫ ВСТРЕТИМСЯ?

Анатолию Вениаминовичу Калинину на память о разных-разных встречах.

Виктор Лихоносов. 1974 г. 30 августа. Краснодар.

Михаил Бушнов

Анатолию Вениаминовичу Калинину с глубоким уважением. Спасибо за встречу, за добро души, за Будулая. Всегда Ваш.

М. Бушнов. 12.03 2000г.

Иван Скоморохов. НА ОЧНОЙ СТАВКЕ С ПРОШЛЫМ

С искренним уважением НАТАШЕ в память об отце, знаменитом Донском писателе, редкой душевной отзывчивости, сердечной доброты человеку, давшем мне путевку в литературу. С наилучшими пожеланиями и благодарностью.

Иван Скоморохов 20. 08. 2011 г.

Анатолий Калинин. КАЗАКИ ИДУТ НА ЗАПАД. 1943 г.

Саша! Вот уже скоро два года, а потом пройдет еще и я люблю тебя, милая, все больше, все лучше, и ты с каждым днем становишься мне все ближе и все дороже.

Толя, Ростов-Дон, 6 октября 1943 года.

ЦЫГАН Анатолия Калинина был трижды перенечсен на экран.

1967 год. Первая экранизация. Режиссер-постановщик и он же исполнитель роли цыгана Будулая Евгений Семенович Матвеев. Клавдию сыграла Людмила Хитяева. В фильме снималась Л. Марченко и другие известные актеры.

1976 год. По заказу Центрального телевидения снимается четырехсерийный фильм ЦЫГАН на Одесской киностудии. В главной роли - Михай Волонтир. Клавдию сыграла Клара Лучко. В фильме снимались Нина Русланова, Алексей Никульников, Ольга Жулина... Музыку к фильму написал Валерий Зубков. Она обошла весь мир. Песня о дороге, с которой начинается фильм и которую с блеском исполнил Вахтанг Кикабидзе, написана на стихи Бориса Примерова.

1979 год. На экраны выходит продолжение сериала ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДУЛАЯ. В главных ролях все те же актеры - Волонтир, Лучко, Русланова...

1992 год. На экраны выходит фильм режиссера Александра Фенько «Будулай, которого не ждут». Главные роли в нем исполняют Ирина Купченко, Татьяна Васильева, Отар Мехевентухуцеси, Георгий Юматов... Параллельно для телевидения был снят четырехсерийный фильм ЦЫГАНСКИЙ ОСТРОВ с теми же актерами в главных ролях. Музыку к этому кинофильму написал Леонид Клиничев.

Сценические варианты романа ЦЫГАН, начиная с 1962 года идут по всей стране. Театр РОМЭН ставит две пьесы - ЦЫГАН и впоследствии КОСТРЫ БУДУЛАЯ, где главную роль исполняет Николай Сличенко. Ростовчанин Владимир Проваторов написал очень удачную пьесу по роману ЦЫГАН. Она шла в Ростове, Вологде, Саратове и многих-многих других городах Советского Союза, несколько лет прочно занимая первые строчки в отчетах о репертуарах театров, публикуемых в журнале ТЕАТР.

Сценическая версия романа СУРОВОЕ ПОЛЕ была поставлена в театре Киноактера в 1963 году. Режиссер-постановщик Дмитрий Вурос, в главных ролях Михаил Кузнецов, Татьяна Конюхова, Клара Лучко...

В 1972 году на широкий экран вышел фильм по повести ВОЗВРАТА НЕТ. Режиссер-постановщик Алексей Салтыков, который стал лидером проката того же года. В главных ролях снялись Нонна Мордюкова, Владислав Дворжецкий, Татьяна Самойлова, Ольга Прохорова, Алексей Баталов...

Общий тираж романа ЦЫГАН по приблизительным подсчетам составляет 20 миллионов экземпляров.

За повести ЭХО ВОЙНЫ И ВОЗВРАТА НЕТ Анатолий Калинин был удостоен в 1973 году Государственной премии России.

Произведения Анатолия Калинина переведены на все языки бывшего Советского Союза, а также на английский, французский, хинди, китайский, арабский, немецкий и многие другие.

Роман ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА, если верить Интернету, стал самой популярной книгой среди заключенных.

Кстати, все произведения Анатолия Калинина можно скачать в Интернете. Некоторые его романы и повести озвучены.

Актер Сергей Марков в восьмидесятые годы записал на радио весь роман ЦЫГАН. Думаю, эта версия существует в архивах радио.

Корни нашей родословной

Папины родители:

Александр Александрович и Наталья Петровна Калинины

Мамины родители:

Иван Павлович и Аксинья Павловна Чеботаревы.

Девичья фамилия Аксиньи Павловны — Автономова.

Среди родни:

Александр Исидорович Автономов (командующий Кавказской Красной Армией)

Исидор Павлович Автономов — его и Нины Исидоровны, а также Екатерины Исидоровны, двоюродных сестер моей мамы, отец.

Михаил Божидарович Сербич, сын Нины Исидоровны и племянник Александра Исидоровича Автономова, артиллерийского офицера и командующего Кавказской Армией, который лично стал к орудию и своим выстрелом поразил штаб Корнилова, в котором находился и сам Корнилов.

Михаил Сербич (его дед был сербом) с отцом Божидаром Михайловичем и матерью Ниной Исидоровной жили в Старой Ставшуе, Михаил унаследовал от дяди артиллерийскую жилку, дошел с батареей (комбат) до Берлина, ранен, награжден орденом Красного знамени и другими орденами. Живет теперь в Новочеркасске.

Родные сестры мамы Меланья (тетя Миля) и Прасковья (тетя Паша) учительствовали в Новочеркасске, в Тарасовской, в Миллерово, в Москве — каждая на своем месте.

Мой двоюродный брат по тете Миле Плешаковой-Чеботаревой, был контужен на войне, умер после тяжелой болезни в Москве.

Мои двоюродные братья по тете Паше Тимофеевой-Чеботаревой: Митя, Дмитрий Михайлович, офицер. Валерий тоже жил в Новочеркасске.

Дядя Петя Калинин, брат папы, был крупным ученым в Новочеркасске, преподавал математику (м. б. был профессором).

Дядя Аркадий был священником.

Тетя Маня была замужем за священником.

Александр Александрович — для меня только по детским воспоминаниям — еще один папин брат (м. б. еще более старший, чем Аркадий) в тридцатые годы как-то таинственно (в френче и с длинными усами) приезжал к нам в Миллерово, никуда не выходил из дома, сидел у окна и смотрел на улицу и потом так же внезапно уехал — как будто скрывался...

Калерия Александровна, тетя Каля, сестра папы, учительница, жила в Ростове. Красивая, высокая, сохранила любовь и верность мужу (или жениху), говорили, офицеру белой армии.

Старший сын дяди Аркадия, Володя, военнотружущий, майор, умер в Ростове в дни войны.

Сын дяди Аркадия (младший) Виталий — капитан, командовал танкером «Туапсе», захваченном в пятидесятые чанкайшистами.

У дяди Аркадия была дочь Елена, лѣка, умерла.

Мой папа похоронен в Ростове на Армянском кладбище в 1962 году.

Урна с прахом мамы захоронена на кладбище Донского монастыря.

Она умерла через 12 лет после папы.

Мои дети:

Старшая, Любаша, 1937 г., родилась в Ереване, живет в Москве, закончила институт имени Гнесиных, пианистка, концертмейстер Московской филармонии, заслуженная артистка России, замужем за педагогом

английского языка, обрусевшем немцем Георгием Игоревичем Шейдеманом, дед которого был генералом царской армии.

Сын Сергей, 1939 г.. Окончил Высшее артиллерийское училище во Владикавказе (Орджоникидзе), служил в ракетных и пограничных войсках. Похоронен в Таллинне. У него две дочери.

Дочь, Наташа, 1944 г. родилась в Ростове закончила институт Иностранных языков им. Мориса Тореза в Москве, член Союза писателей России, автор многих романов (своих) и переводов (романов, рассказов) с английского.

С любимой женой Александрой Юлиановной живем с 1941 года, ее отец был оклеветан, репрессирован, погиб в ГУЛАГе (проводник на ж. д.)

Мать Александры Юлиановны, Анна Михайловна Веракс (Захарова в девичестве) Жила с нами в Ростове и в Пухляковском вплоть до самой смерти в июле 1965 года. Здесь и похоронена на старом кладбище.

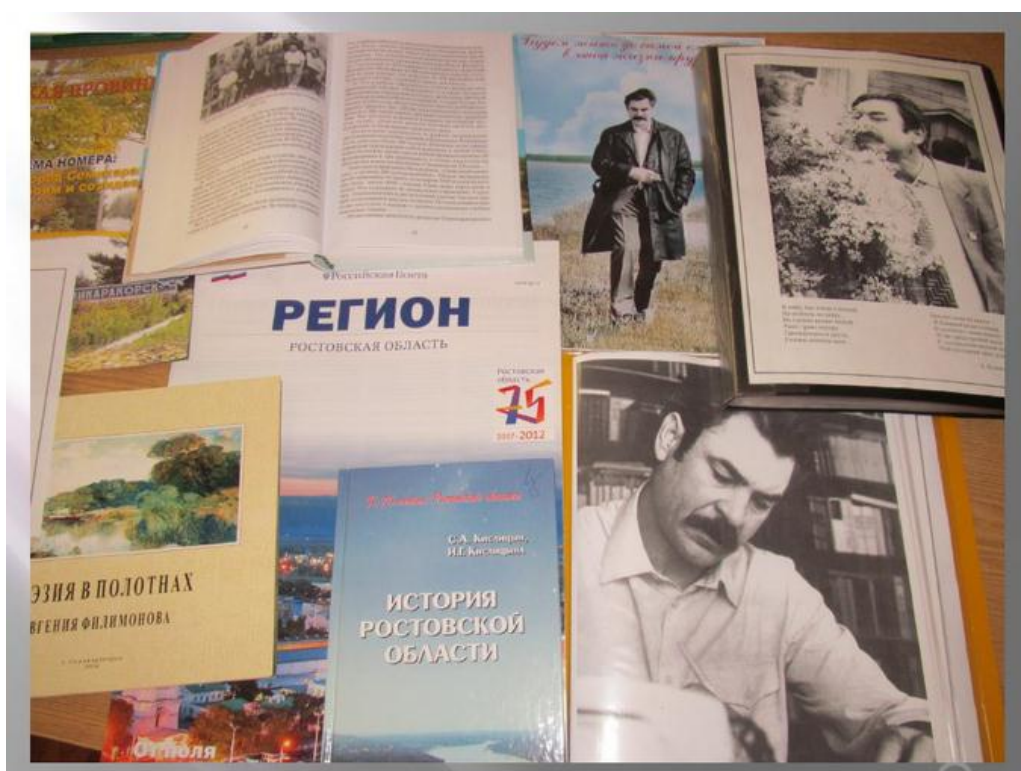
Приложение 2

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Семикаракорского района
«Межпоселенческая центральная библиотека»

Приложение 3

Н. Майер.

Живи наша Родина вечно!
Чаруют озёрные сини,
Дубравы прохладой манят.
Нам дорог рассвет над Россией
И солнца вечерний закат.

Слова отыскать, где такие
И как всю любовь передать?
Пусть в песне услышит Россия
Всё то, что хотим ей сказать.

Россия синеокая
И цель твоё высокая:
Мир на родной планете сохранить.
Ни перед кем, угодливо,
Не гнётся наша Родина -
Спокойно россияне могут жить.

Россия, родная Россия,
Ты славишься мощью в веках.
Твоя исполинская сила
В надёжных сыновних руках.

Мы верим в тебя бесконечно
И жизни готовы отдать,
Живи только Родина вечно,
Будь всеми любима, как мать.

Россия синеокая
И цель твоё высокая:
Мир на родной планете сохранить.
Ни перед кем, угодливо,
Не гнётся наша Родина -
Спокойно россияне могут жить.

08.06.2009г.

И вновь пришла весна

И вновь пришла она,
Красавица весна!
Я слышу за окошком пенье птицы.
Мне иволга поёт
О том, что жизнь идёт,
Листая ежедневности страницы.

И, пламенем горя,
Поднимется заря.
В движенье жизнь - нельзя остановиться!
И вечен звёзд полёт,
И топят вёсны лёд,
И сердце вновь к прекрасному стремится.

Как хороша земля,
И рощи, и поля,
И как в морские дали не влюбиться!
Давайте в мире жить
И шар земной хранить,
Как ока драгоценную зеницу!

04.2008г.

Самое лучшее слово

Снова на планете неспокойно –
Вновь дыханье чувствуем войны.
Жить мы на земле должны достойно,
Мира мы хотим и тишины.

Новый век уже расправил крылья
И парит свободно и легко.
Пусть ракеты спят под серой пылью!
Шар земной не ведает оков!

Мир! Мир! Мир!
Самое лучшее слово.
Мир! Мир! Мир!
Жизни и счастья основа.

Пусть не умолкают наши песни,
Вместо взрывов - зорь алеет цвет.
Разве на земле огромной тесно?
Разве надоед нам солнца свет?

Разве мы на солнечной планете
Не желаем счастья и любви?
Пусть смеются радостно все дети
Нашей замечательной земли!

Мир! Мир! Мир!
Самое лучшее слово.
Мир! Мир! Мир!
Жизни и счастья основа.

15.12.2011г.

Мы живём суетясь...
Мы живём суетясь,
Мы живём сомневаясь,
Не молясь, не крестясь,
На судьбу полагаясь.
Время быстро бежит,
Мы стареем, вздыхая:
- Что за гранью лежит,
Рай или темень пустая?

Вот извечный вопрос
И загадка столетий!
Причитанья до слёз,
Стон пустых междометий.
Всё лежит внутри нас –
Рай и призраки ада,
Ожидая свой час,
По итогу – награда:

Не ревнуй, не гордись –
И не будь лицемером,
Не кради, не гневись -
Будь достойным примером!
Не копи серебро
И не чахни над златом,
Делай людям добро –
Будь духовно богатым!

И, как яркий цветок,
Пусть душа расцветает
И в Господний Чертог,
Вверх, молитва взлетает.
И молитва сия
Будет краткой, простою:
- Боже, воля, Твоя,
Вечно будет со мною!

01.2003г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Информационные ресурсы центральной городской публичной библиотеки им. А. П. Чехова. О жизнь и творчестве а. П. Чехова (Духанова Елена Геннадиевна).....	7
Работа МБУК «Вёшенская МЦБ» по сохранению и продвижению творческого наследия М.А. Шолохова (Мельникова Светлана Алексеевна).....	13
«Романтик дона». О А.В. Калинин (Ткаченко Галина Александровна).....	33
Работа по продвижению литературного наследия В.А. Закруткина и Б.Н. Куликова. МБУК Семикаракорского района «МЦК» (Белокур Ирина Викторовна).....	39
«И проложить тропу к строке...» Тема поэта и поэзии в творчестве Бориса Терентьевича Примерова – российского поэта-лирика второй половины XX века, уроженца Дона. (Галисханова Ирина Борисовна).....	43
Листопадов Александр Михайлович – золотое имя донской фольклористики (Пикина Валентина Анатольевна).....	54
Сальск литературный (продвижение краеведческой литературы в работе с инвалидами и пожилыми людьми) (Купчина Галина Дмитриевна).....	60
Популяризация детской литературы: опыт взаимодействия с библиотеками ростовской поэтессы Натальи Андреевны Майер.....	66
Рассказы о донских писателях (Гетажаева Ирина Арсеновна).....	69
 Приложение:	
Приложение 1	
Калинин Анатолий Вениаминович Фотолетопись жизни и творчества.....	77
Приложение 2	
Презентация МБУК Семикаракорского района «МЦБ».....	191
Приложение 3	
Стихотворения Н. Майер.....	200